

онъ желалъ, вмѣстѣ съ другими греками, чтобы русскій царь сдѣлался преемникомъ византійскихъ императоровъ, изгнавъ предварительно турокъ изъ Константинополя. Но въ то же время Досиѳею вовсе не желалъ того, чтобы вмѣстѣ съ развитіемъ политическаго могущества Россіи, все шире и шире развивалось и сфера ея церковнаго вліянія и власти въ предѣлахъ Турціи. Если Москва, подчиняя себѣ разные православные народы политически, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ подчинять ихъ себѣ и церковно, какъ это уже случилось съ Малороссіей, то въ концѣ концовъ окажется, что московскій патріархъ подчинитъ своей церковной власти большинство православнаго міра, въ ущербъ правамъ и власти другихъ православныхъ патріарховъ. Досиѳею хорошо было извѣстно, что Россіи непрочь подчиниться Грузія, что къ этому стремятся Молдавія и Валахія: что же однако будетъ, если Россія подчинивъ себѣ эти земли политически, чего желалъ и самъ Досиѳею, въ то же время подчинитъ ихъ себѣ и въ церковномъ отношеніи? Не усилится-ли тогда безмѣрно власть и значеніе московскаго патріарха въ ущербъ другимъ восточнымъ патріархамъ и не падетъ-ли тогда окончательно значеніе послѣднихъ? Досиѳею хотѣлъ предупредить опасность, грозящую, по его мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ правамъ и положенію другихъ восточныхъ патріарховъ, благодаря дальнѣйшимъ возможнымъ захватамъ со стороны патріарха московскаго. Вотъ почему онъ противился, не одобрялъ подчиненія кievской митрополии московскому патріарху, вотъ почему онъ усиленно старался доказывать и царямъ и патріарху Іоакиму, что имъ никакъ не слѣдовало подчинять кievскую митрополию московскому патріарху, такъ какъ подобное дѣяніе — желаніе чужихъ епархій, и незаконно и опасно для всего православія

ГЛАВА III.

Участіе Досиѳея въ русской церковной жизни не ограничивалось только ролью посредника между русскимъ правительствомъ и восточными патріархами въ ихъ сношеніяхъ по дѣламъ церковнымъ, но шло гораздо далѣе. Россія, по мнѣнію Досиѳея, должна была служить прочною надежною опорою всему вселенскому православію, чѣмъ она можетъ быть однако подъ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, если вся ея собственная жизнь всегда и во всемъ останется вѣрна православію, которое должно царить на Руси въ его чистомъ и неизмѣнномъ видѣ, должно служить первою основою, главною движущею и уряжающею силою всей не только церковной, но и государственной и общественной жизни. Въ виду этого Досиѳею считалъ своею непремѣнною и священною обязанностію охранять всю вообще русскую жизнь отъ всякихъ иновѣрныхъ вліяній, которыя, проникнувъ въ томъ или другомъ видѣ на Русь, могутъ замутить въ ней чистоту православія.

Злѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ всего православія Досиѳею считалъ латинство, которое онъ приравнивалъ даже прямо къ безбожію. „Папешская прелесть, писалъ, напри- мѣръ, Досиѳею государямъ, однозначуща съ безбожіемъ, ибо что есть папешство и что есть унія, если не явное безбожіе?“ Въ другой разъ онъ такъ выражается о латинахъ: „беззаконные папешники горше нечестивыхъ и безбожныхъ; они безбожны, ибо два Бога предлагаютъ — единого на небеси, а другаго на земли“. Въ грамотѣ къ царевичу Алексѣю Петровичу Досиѳею между прочимъ пишетъ: „нынѣ укрѣпилось лукавство папешниковъ у язычниковъ и лишихомся чести, и

аще не будетъ исправленіе, послѣдуетъ, да мнози отъ православныхъ приложатся къ папезничеству, тожде рещи — къ безбожничеству, ибо ничто ино есть папезничество, но развѣ тоцію явно и не усумнительное безбожіе¹⁾. Латинство всюду старается нанести вредъ православнымъ: латиняне отняли у грековъ св. мѣста и всячески стараются въ конецъ уничтожить православіе въ Іерусалимѣ, точно также они стремятся уничтожить православіе въ Австріи, въ Польшѣ и вообще всюду, гдѣ только возможно. Отъ ихъ козней и происковъ небезо-

1) Въ своей „Исторіи патриарховъ Іерусалимскихъ“ Досиѳеей такъ характеризуетъ латинянь и латинство: „латиняне, говоритъ онъ, вводяще въ вѣру, въ таинства и во всѣ постановленія церковныя новости, суть явные нечестивцы и раскольники, потому что частную церковь дѣлають вселенскою, и вмѣсто Христа почитаютъ главою церкви папъ, и римскую церковь, которая есть частная церковь, они почитаютъ вселенскою. И потому, по словамъ отцовъ и учителей церкви, которыхъ мы недавно упоминали выше, они суть обманщики, негодные и безстыдные люди, неимѣющіе любви, враги мира церкви, клеветники православныхъ, изобрѣтатели новыхъ заблужденій, непокорные, отступники, враги истины, завистники, упорные, непослушные, какими признають ихъ отцы, а потому достойны презрѣнія“. (Кн. X, ч. 3, гл. 1, пар. 9). „Римская церковь, неимѣющая (на своихъ соборахъ) мірянъ, но однихъ духовныхъ, которые изъ уваженія и страха къ достоинствамъ, — ибо папа, какъ нѣкое чудовище, устрашаетъ ихъ, — опредѣляютъ то, чего онъ (папа) желаетъ, и такимъ образомъ всегда почти (католическіе соборы) погрѣшаютъ и уклоняются отъ вѣры, изобрѣтають и присоединяють къ одному новому ученію другое новое для уничтоженія апостольской и утвержденія папской, или что тоже, вновь выдуманной вѣры, что надобно называть отверженіемъ вѣры, а не вѣрою“ (ibid. гл. 12, пар. 2). „Папа римскій отдѣлился отъ общенія и единенія съ братьями и захотѣлъ быть и почитаться въ церкви какъ Богъ, или, какъ пишется въ девятой главѣ Апокалипсиса, Аввадономъ — по еврейски, Аполліономъ — по гречески, т. е. губителемъ и истребителемъ рода христіанскаго, также царемъ описываемой той саранчи, царемъ т. е. незаконныхъ обществъ и партій, съ коими онъ вмѣстѣ воинствуетъ... И не въ одно время, какъ саранча египетская, но всегда и вездѣ бываетъ причиною того, что кровь христіанская льется подобно ручьямъ, или лучше, подобно рѣкамъ на востокъ и западъ, на сѣверъ и югъ, а онъ смотритъ на все это съ удовольствіемъ, какъ какой Зевсъ, сидя впрочемъ не на горѣ Идѣ, а въ Панѳее-онѣ“ (Кн. XII, гл. I, пар. 1).

пасна и самая Россія, правительство которой обязано тщательно и внимательно оберегать своихъ подданныхъ отъ всего латинскаго. Конечно латинство не можетъ дѣйствовать на Руси прямо и открыто вести въ ней свою пропаганду, но оно можетъ дѣйствовать болѣе тонко и не замѣтно, а въ то же время также гибельно для православія, какъ если бы оно дѣйствовало открыто и явно.

Латинство можетъ проникнуть, по мнѣнію Досиѳеея, на Русь благодаря а) южно-руссамъ, воспитанникамъ латинской школы, которые, переселяясь въ Москву и занявъ здѣсь вліятельное положеніе въ дѣлахъ церковныхъ, могутъ служить проводниками латинскихъ воззрѣній въ православную среду; б) благодаря латинскимъ книгамъ; в) благодаря устройству въ Москвѣ школы съ латинскимъ характеромъ и господству въ ней латинскаго языка; д) благодаря непосредственному сближенію съ западными иновѣрными народами и усвоенію русскими ихъ нравовъ и обычаевъ.

а) Въ видахъ сохраненія православія на Руси въ его чистомъ неизмѣненномъ видѣ, Досиѳеей старался воспрепятствовать юго-западнымъ русскимъ выходцамъ занимать въ Москвѣ какія либо видныя и вліятельныя церковныя должности и даже желалъ вовсе воспретить имъ доступъ въ Москву. Онъ хорошо понималъ, что южно-руссы, воспитанники по большей части латинскихъ школъ, усвоившіе въ нихъ многія латинскія воззрѣнія, могутъ иногда служить очень удобными проводниками на Русь латинскихъ воззрѣній, могутъ внести въ московскую церковь латинскія новшества. Въ виду этого Досиѳеей считалъ себя обязаннымъ предостерегать царей отъ южно-русскихъ выходцевъ. Въ грамотѣ 1682 года, по поводу разрѣшенія Никона, Досиѳеей пишетъ государю: „нѣкіе руссы, изъ Литвы уніаты, дьявольскіе органы, преобразившись во ангела свѣта, приходятъ яко православные, и лицемѣріемъ и сладкими своими словесами прельстятъ сердца простыхъ, о нихъ же глаголаше блаженный Павелъ: имѣють образъ благочестія, а силы его отрицаются. О тѣхъ же просимъ:

да укажете великимъ повелѣніемъ, да не входятъ въ предѣлы великаго вашего царствія, — сіе дѣло, о немъ же молимся, святой царю! есть дѣло древнее и, яко речеся, святымъ царемъ свойственное, еже дѣйствуя, царствіе ваше сочтенъ будещи отъ жениха церкви Владыки Христа во апостольскомъ ликѣ, аминь“²⁾). Въ 1686 году въ грамотѣ, по дѣлу подчиненія кievской митрополии, Досіеѣй пишетъ царямъ: „о если бы, благочестивѣйшіе, и тамъ въ Москвѣ сохраненъ былъ древній уставъ: да не бываютъ игумены и архимандриты изъ рода казацкаго, но москали и на Москвѣ и въ казацкой землѣ, а казаки только въ казацкой землѣ, ибо не подобаетъ запрягать въ купѣ коня и осла, ниже ткать вкупѣ руно и лень, глаголетъ писаніе. Далеко да будутъ казаки священники отъ игуменства московскаго и отъ иного достоинства; хотя и исповѣдуемъ казаковъ быти православными, однако многіе изъ нихъ имѣютъ нравы растлѣнные и нравы сіи не подобаетъ отъ нихъ перенимать тамошнимъ православнымъ“³⁾). Но эти внушенія Досіеѣя не могли имѣть успѣха: все болѣе и болѣе развивавшаяся въ русскомъ обществѣ потребность имѣть пастырями церкви лицъ образованныхъ, заставила Петра не только іераршія каѳедры отдавать ученымъ южно-руссамъ, но и блюстителемъ патріаршаго престола сдѣлать Стефана Яворскаго. Тогда Досіеѣй въ 1702 году шлетъ царю очень настойчивый совѣтъ ни подъ какимъ видомъ не избирать въ митрополиты и патріархи изъ выходцевъ иностранцевъ, а только изъ природныхъ москвичей. „Если придутъ отсюда, пишетъ онъ царю, сербы, или греки, или отъ иного народа къ вамъ, хотя бы случайно были мудрѣйшіе и святѣйшіе особы, ваше державное царствіе никогда да не поставитъ митрополитомъ или патріархомъ грека, серба, или русянина, но москвитянь, и не просто москвитянь, а природныхъ, многихъ и великихъ ради винъ, хотя бы и не мудрые были: поелику если патріархъ и митрополитъ добродѣтельны и мудры — великое добро; если же и не суть мудры,

2) Собр. госуд. грам. и догов. IV, стр. 420.

3) Архивъ. Юго-запад. Рос. V, стр. 154.

довлѣетъ имъ добродѣтельными быть, и да имѣютъ мудрыхъ клириковъ и въ иныхъ чинахъ. Наипаче же москвитяне суть хранители и хвалители своихъ догматовъ, но грекамъ и сербамъ и русянамъ не подобаетъ имѣть власть въ Московіи, ибо могутъ быть они и добры, но можетъ быть и противнос. Къ тому же москвитяне хранятъ отеческую вѣру неизмѣнно, будучи не любопытательны и не лукавы, но тѣ странники, которые ходятъ здѣсь и тамъ, могутъ привнести нѣкія новости въ церковь, юже да сохраняя добрѣ, знаетъ великое ваше царствіе, какіе труды понесъ приснопамятный и присноблаженный, величайшій автократоръ, государь Алексій Михайловичъ, отецъ вашего святаго царствія. Внемли убо святѣйшій и божественнѣйшій владыко, чтобы не возвести на великій архіерейскій престолъ какого либо страннаго, и многоразумно сотворило великое ваше царствіе, что изъ Азова выслало онаго грека; да будетъ тамъ митрополитъ москвитянинъ природный, не лукавный и не любопытательный, и да имѣетъ русяновъ, грековъ и сербовъ учителями“⁴⁾).

Настаивая на той общей мысли, чтобы въ патріархи и митрополиты не избирались на Руси греки, сербы и русяны и вообще иностранцы выходцы, а только одни природные москвичи, Досіеѣй имѣлъ въ виду въ то же время и частную цѣль: предостеречь государя отъ избранія въ патріархи мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, котораго Досіеѣй сильно подозрѣвалъ въ склонности къ латинству. Это какъ нельзя болѣе ясно открывается изъ грамоты Досіеѣя къ самому Яворскому отъ 15 ноября 1703 года, въ которой онъ укоряетъ Яворскаго въ томъ, что онъ „на нѣкоторой трапезѣ со многими прохлаждаяся“, причѣмъ присутствовали и нѣкоторые греки, „опорочилъ восточную церковь о совершеніи святѣйшія тайны благодаренія“, что своимъ знаніемъ латинскаго языка онъ пользуется не для обличенія „латинскихъ басней“, а чтобы смѣло и дерзостно писать противъ восточной церкви, какъ это видно изъ его сочиненій, которыя теперь находятся въ рукахъ Досіеѣя; что Яворскій,

4) Прил. № 8.

еще будучи учителемъ въ кievской школѣ „положенія обща я издалъ еси, противныя явно совершенію святыхъ тайны божественнаго благодаренія и иныхъ нѣкихъ“. Далѣе Досиѳеи объясняетъ, что онъ писалъ уже государю, чтобы не ставилъ въ Москвѣ патріархомъ ни грека, ни кого либо изъ Малой и Бѣлой Россіи, учившагося въ странахъ и школахъ латинскихъ, а только природнаго москвича. Грекъ неудобенъ для московскаго патріаршества уже потому одному, что онъ иноязыченъ, а молороссы потому, что живя съ латинами „пріемлютъ многіе нравы и догматы оныхъ“, чему живымъ примѣромъ служить самъ Яворскій. Поэтому московскій патріархъ долженъ быть природнымъ москвичемъ, такъ какъ патріархи московскіе всегда были строго православны, никогда не уклонялись „ниже на право, ниже на лѣво“. Между тѣмъ, съ переходомъ церковнаго управления на Руси въ руки Стефана, въ церквахъ уже объявились ваянія, которыя восточная церковь, сирѣчь католическая церковь, всегда отметала и отгоняла, а онъ Стефанъ боится обличать нововводителей, что смѣло дѣлалъ патріархъ Іоакимъ. Поэтому-то московскимъ патріархомъ и долженъ быть только москвичъ, „хотя бы и не мудрый въ церковныхъ дѣлахъ, довольно есть и то, чтобы былъ разумный и смиренный и житія благочестиваго, и имѣя окрестъ себя мудрыхъ, сирѣчь, вѣдомыхъ церковныхъ нравовъ и догматовъ“. Въ заключеніе Досиѳеи пишетъ Яворскому, что если онъ воистину исправится и докажетъ и словомъ и дѣломъ свое строгое православіе, „будешь и отъ насъ и отъ прочихъ братій (признанъ какъ) искренній архіерей и превозлюбленнѣйшій братъ“, но прибавляетъ Досиѳеи, подъ условіемъ удовольствоваться „только тѣмъ чиномъ, который нынѣ получили еси, не желая ничего большаго“ т. е. патріаршества, въ противномъ случаѣ т. е. если бы Стефанъ и сдѣлался патріархомъ, „то, говоритъ Досиѳеи, хотя бы и казался во всемъ православнымъ, ниже мы, ниже прочіе святѣйшіе патріархи безъ церковнаго негодования и полезной епитиміи будемъ терпѣти (тебя) во пристойномъ (до удобнаго) времени“⁵⁾.

⁵⁾ Эта грамота Досиѳеи къ Стефану Яворскому напечатана въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, прилож. № 4.

Но и эта грамота Досиѳеи не достигла своей цѣли: Яворскій попрежнему оставался мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, и казалось даже вѣроятнымъ, что царь сдѣлаетъ его московскимъ патріархомъ. Тогда въ 1705 году Досиѳеи снова обращается къ государю съ настойчивымъ требованіемъ отрѣшить Яворскаго отъ занимаемой имъ должности мѣстоблюстителя патріаршаго престола. „Списокъ посланія, пишетъ Досиѳеи царю, каково послали мы прежде къ господину Стефану, намѣстнику патріаршаго престола, да изволятъ прочести великое твое царствіе, и выразишь укорителя и хульника восточныя, тожде рещи, католическія церкви, ругателя и хульника отцевъ и праотцевъ нашихъ, ругателя и хульника святыхъ, да сотворитъ отмщеніе блаженныхъ отцевъ и праотцевъ вашихъ и всѣхъ православныхъ, и да не понесетъ тое, еже оставити его въ такой чести, хотя и вспокается и напишетъ противная въ книгахъ хуленія своего, въ тѣхъ же да умолчаетъ и отъ чести пречестныя да лишается. А какія суть хулы его, объемлетъ книга, которая напечатана въ мултанской землѣ и надписана на имя ваша великія и самодержавныя державы“. Затѣмъ Досиѳеи опять настаиваетъ предъ царемъ на прежней своей мысли, чтобы московскій патріархъ „не былъ избранъ изъ казаковъ, молороссянъ, сербянъ и грековъ, а только изъ природныхъ москвичей“, такъ какъ „москвитяне патріархи, какъ церкви, такъ и царству не бывають на вѣтниками и предателями, и еще: да не явится въ мірѣ, что не осталось потребныхъ людей изъ москвитянъ, а возводятся странныя на патріаршій престолъ“⁶⁾. Но очевидно, что всѣ эти внушенія Досиѳеи сторонятся отъ образованныхъ южно-руссовъ, ставятъ въ іерархи людей простыхъ, не мудрыхъ т. е. не получившихъ научнаго образованія, на Великаго Петра никакъ не могли производить того впечатлѣнія, на какое рассчитывалъ Досиѳеи. По мнѣнію Досиѳеи русскимъ не слѣдуетъ имѣть у себя и читать еретическія латинскія, а также лютерскія и кальвинскія книги, такъ какъ они могутъ замутить у нихъ чи-

⁶⁾ Прил. № 11

стоту православія. Въ грамотѣ къ патриарху Іоакиму отъ 24 іюля 1679 года Досіеѣй умоляетъ его смотрѣть съ великимъ прилежаніемъ, чтобъ русскіе „не чли и отнюдь бы не держали у себя такіе книги, въ которыхъ содержится скверное и безбожное ученіе папѣныхъ поклонниковъ, или безбожное и скверное ученіе лютеровъ и кальвиновъ, понеже наполнены суть лести и лукавства и въ притвореніи благочестія имѣють ученіе безбожства“. Въ другой грамотѣ къ Іоакиму Досіеѣй возстаетъ еще энергичнѣе противъ латинскихъ книгъ и даже совѣтуетъ отбирать и сжигать ихъ. „Храни, храни, пишеть онъ Іоакиму, стадо Христово чисто отъ латинскаго письма и книгъ, яко все въ нихъ есть ученіе антихристово, понеже есть полны новосѣченія, полны хулы, въ нихъ бо есть безбожіе кальвиново и лютерово, — довлѣтъ благолѣпіе и красота святыхъ Христовы церкви; не мѣшайте со блудники, глаголаше апостолъ, блудники же есть еретики и книги ихъ. Великій царь Константинъ и Θεодосій и Устиніанъ законо-положиша Порфирія и Манента книги да не обрѣтаются, идѣже обрящутся, да сожгутся, и елицы я хоровятъ, смертію да казнятся; тако сотворите и вы о латинскихъ книгахъ, яко есть лестныя и прелестныя. Философскія наши книги научили насъ вначалѣ нечестію, Евангеліе же даде намъ спасеніе, — довлѣтъ сіе“⁷⁾.

Въ замѣнъ изгоняемыхъ латинскихъ книгъ Досіеѣй старался снабдить русскихъ книгами православныхъ греческихъ писателей, особенно тѣхъ, которые боролись противъ латинянь, а также кальвиновъ и лютеровъ. Досіеѣю удалось открыть въ Яссахъ греческую типографію и напечатать тамъ нѣсколько книгъ, по преимуществу полемиическихъ, которыми онъ и сталъ теперъ снабжать русскихъ. Такъ въ 1685 году онъ прислалъ патриарху Іоакиму яское изданіе на греческомъ языкѣ твореній Симеона Θεσσαλονитскаго, прося его перевести на славянскій языкъ и напечатать. Патриархъ Іоакимъ въ письмѣ къ Лазарю Барановичу, по вопросу относительно времени пресуществленія святыхъ даровъ, писалъ: „во днехъ

архипастырства нашего присла къ намъ во Святѣмъ Дусѣ братъ нашъ Досіеѣй, святѣйшій патриархъ іерусалимскій, книгу греческую блаженнаго Симеона Θεσσαλονитскаго, печатанную въ Молдавіи въ Гіасѣ (т. е. въ Яссахъ) въ лѣто 1683, искренняя дѣла его о православнѣйшей нашей вѣрѣ христіанствѣй. и о тайнахъ церковныхъ, о божественномъ храмѣ и сущихъ въ немъ, и о божественной мистагогіи и иныхъ. Мы же прочетше тую и иную книгу, печатную же греческую, въ Константинополѣ, въ лѣто 1662, зовемую Православное исповѣданіе каѳолическія и апостольскія церкви восточныя (разумѣется катихизисъ большой Петра Могилы, явившійся къ намъ въ первый разъ на греческомъ языкѣ)... повелѣхомъ привести блаженнаго онаго Симеона толкованіе божественныя литургіи, и о храмѣ и сущихъ въ немъ, слово въ слово на словенскій діалектъ, съ книги оныя присланныя отъ святѣйшаго Досіеѣя, патриарха іерусалимскаго, и изъ книги Православнаго исповѣданія, четырьмя святѣйшими патриархи синодалнѣ свидѣтельствованныя, первыя части главу 107“...⁸⁾. Съ своей стороны и патриархъ Адріанъ по тому же поводу рассказываетъ, что въ 1685 году Досіеѣй прислалъ „книгу греческую печатную въ Гіасѣ богомудраго Симеона, архіепископа ѳессалоннѣйскаго о догматѣхъ православныхъ вѣры и на еретики обличенія и о иныхъ церковныхъ нужднѣйшихъ винахъ, въ ней же и толкованіе на литургію, и сказаніе о священномъ символѣ, откуда кажда въ немъ реченія собращаея, и иныя нѣкыя вопросо-отвѣты нужднѣйшія къ вѣдѣнію, прося всеусердно, еже бы привести ю на словенскій діалектъ, ради многы пользы христіанъ православныхъ, и, напечатавъ, подати священнымъ мужемъ на прочитаніе и вразумленіе, юже книга, по его святѣйшаго патриарха киръ Іоакима благословенію, и преведесе, а потомъ повелѣніемъ царей и его патриарха Адріана благословеніемъ она была въ Москвѣ напечатана“⁹⁾. Въ 1691 году, по за-

⁸⁾ Архивъ Юго зап. Рос. V, стр. 265.

⁹⁾ Греческая рукопись москов. синод. бібліотеки № 33, вначалѣ грамота Адріана по русски. Переводъ сочиненія Симеона Θεσσαλονитскаго былъ возложенъ на извѣстнаго книжнаго справщика монаха Евсеімія, какъ по-

⁷⁾ Ibid. № 14 и 15.

явленію патріарха Адріана, Досіоей приславъ ему греческую въ Яссахъ же напечатанную книгу Мелетія Сирига „обличительную на лютеранскую, кальвинскую и латинскую ересь. Да съ тою книгою прислася отъ него же вторая книга о тѣхъ же подлозѣхъ, его святѣйшаго патріарха потружденное вкратцѣ собраніе, названнае Егхеірідіонъ, сирѣчь мечецъ или сѣчино съ таковымъ же желаніемъ, ежебы и на славянскій діалектъ превести и напечатати“. Обѣ эти книги, замѣчаетъ святи-тель, были переведены за нашимъ благословіемъ ¹⁰⁾. Въ 1693 году Досіоей еще приславъ къ патріарху Адріану двѣ издавныя имъ полемическія греческія книги противъ латинявъ: *Егхеіридіонъ*, сочиненіе Максима пелопонесскаго, ученика александрійскаго патріарха Мелетія Пиги и *Каталлаги*, свое собственное сочиненіе. Согласно желанію Досіоея оба эти сочиненія тоже были переведены на славянскій языкъ и сейчасъ, въ русскомъ переводѣ, находятся между рукописами московской синодальной бібліотеки (№№ 57 и 490).

Но указанной пересылкой въ Москву издаваемыхъ имъ книгъ Досіоей не ограничился. Онъ рѣшился собрать и напечатать всѣ вообще сочиненія греческихъ православныхъ писателей, по преимуществу полемическаго характера, чтобы, съ одной стороны, противопоставить трудамъ западныхъ уче-

казываетъ синодальный списокъ всѣхъ сочиненій Симеона подъ № 654, писанный большею частию Евѣиміемъ монахомъ, частию Ѳеодоромъ Полкарповымъ и неизвѣстнымъ писцомъ, и весь исправленный Евѣиміевою рукою. Въ предисловіи къ книгѣ, на оборотѣ 21 листа, сказано: „книга сіа блаженнаго Симеона Ѳессалонітскаго, яже еллински издадеса въ Молдовлахіи, въ Гіатѣ, юже блаженѣйшій и мудрѣйшій іерусалимскій патріархъ господинъ Досіоей присла къ великому господину святѣйшему киръ Іоакиму московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, яже по его святѣйшаго патріарха Іоакима благословію переведеса съ еллинска на славенскій діалектъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ обители святаго архистратига Михаила и великаго архіерея Алексія митрополита, Чудовѣ зовемой, вѣкимъ грѣшнымъ негли монахомъ. Начаса же книга сіа переводитися съ еллинска на словенскій діалектъ въ лѣто 7194 (1686) іануаріа въ 26 день, совершися же въ лѣто 7197 (1688) октебрія въ 10 день“.

¹⁰⁾ Рукописный переводъ этихъ книгъ находится въ московской синодальной бібліотекѣ № 158.

ныхъ труды ученыхъ православныхъ, съ другой, чтобы дать въ руки православныхъ сильное и надежное оружіе въ ихъ борьбѣ съ латинянами и протестантами. Съ этою цѣлію Досіоей открылъ греческую типографію въ Яссахъ, въ которой, какъ мы видѣли, и началъ печатать сочиненія греческихъ православныхъ авторовъ. Но средства ясской типографіи были слишкомъ недостаточны, чтобы осуществить грандіозное предпріятіе Досіоея, напечатать по возможности сочиненія всѣхъ греческихъ православныхъ писателей. Тогда Досіоей пришелъ къ мысли хлопотать предъ русскимъ правительствомъ, чтобы оно открыло греческую типографію въ Москвѣ, благодаря чему греческія книги стали бы печататься уже въ двухъ типографіяхъ одновременно въ Москвѣ и въ Яссахъ. Впрочемъ мысль объ открытіи въ Москвѣ греческой типографіи была не новая; ея высказывали не разъ ранѣе Досіоея и другіе греческіе іерархи. Въ 1645 году палеапатрасскій митрополитъ Ѳеофанъ, будучи въ Москвѣ, въ особой челобитной за являлъ государю: „буди вѣдомо державный и великій царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что имѣютъ папези и лютори греческую печать, и печатаютъ повсядневно богословные книги святыхъ отецъ и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютые зелье, поганую свою ересь. И клепятъ святыхъ и богоносныхъ отецъ, что будто пишутъ по ихъ обычаю и тое есть нестаточно, потому что нынѣ есть древніи книги и библѣи харатейныя рукописьмены и богословные святыхъ отецъ въ монастыряхъ во святой горѣ Аѳонской и въ иныхъ древнихъ монастыряхъ, и по тѣмъ библѣемъ и книгамъ объявляетца ихъ лукавство. Посемъ нынѣ они, которые книги печатали составели по своему обычаю и вымыслу, тѣми же книгами они борютца во странахъ, а гдѣ древнихъ библѣй нѣтъ, и опаясуютца оружіемъ нашимъ и являютца они мужественны и стрѣляютъ на насъ нашими стрѣлами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Царѣградѣ“. Въ виду этого Ѳеофанъ обращается къ царю съ просьбою: „да повелиши быть греческой печати (въ Москвѣ) и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ дѣтей философства и богословія греческаго языка и по русскому, тогда будутъ переводить многіе

книги греческіе на русской языкъ, которые не переведены, и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ, да исполнятца во всемъ мірѣ православныя христіанскіе книги и не будетъ нужды тѣми составленными римскими и люторскими книгами (пользоваться); здѣсь исполнятца древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво. И тогда будетъ великая радость во всемъ мірѣ и во всемъ народѣ христіанскомъ и прославитца великое имя царствія вашего по всей вселенной но и паки Птоломея царя, а въ царствіи небесномъ воспримеши сторицею вѣнецъ отъ всецарствующаго Христа Бога нашего“¹¹⁾. Теофанъ взялся подыскать и дѣйствительно нашель, по его мнѣнію, подходящаго челоуѣка для печатанія въ Москвѣ греческихъ книгъ. На возвратномъ пути изъ Москвы онъ писалъ государю отъ 18 октября 1645 года изъ Кіева, что „нашелъ единаго учителя премудраго и достойнаго для книгъ печатнаго дѣла, что еси извѣщаль прежь сего своимъ письмомъ“. Этотъ „достойный для книгъ печатнаго дѣла“ челоуѣкъ, былъ константинопольскій архимандритъ Венедиктъ, который уже ранѣе хотѣлъ было ѣхать въ Москву, но его, говоритъ Теофанъ, задержали въ Кіевѣ „для ученія языку еллинскому, а какъ я пріѣхаль, увидѣль его и понудилъ его съ великими трудами, чтобы ему пріѣхати къ великому и державному вашему царствію. Аще будетъ произволеніе вашего царствія, заставиши его, да исправитъ всю греческую печать потому, великій и державный царю; разумѣю я, что сіе дѣло да сбудетца, и то есть вельми Богу любо и годно къ православной нашей вѣрѣ, а второе—похвала и слава великому вашему царствію во всѣхъ государствахъ и королевствахъ, а во время—великая прибыль великому вашему царствію“. Архимандритъ Венедиктъ дѣйствительно прибылъ въ Москву, но скоро былъ высланъ изъ нея.¹²⁾ Святитель Аео-

¹¹⁾ Грамота палеопатраскаго митрополита Теофана напечатана нами въ полномъ видѣ въ нашей статьѣ: „Слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ“ (Чт. общ. люб. дух. проsv. 1881 г. июль).

¹²⁾ Греческія дѣла 7153 г. № 32 и 7154 г. № 15.

насій (Пателаръ), бывшій патріархъ константинопольскій, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, которую онъ посѣтилъ въ 1653 году, подаль государю обширную докладную записку, въ которой убѣждалъ государя начать войну съ турками и отнять у нихъ Константинополь. Въ этой докладной запискѣ святитель Аеоанасій писалъ и слѣдующее: „нѣмцы на всякъ день печатають книги противъ насъ, утверждая догматы свои, мы же, неимуще власти и силы отъ поработеннаго утѣсненія, не возможемъ сопротивитися имъ и печатати книги, и о семъ отмстити имъ нашими благочестивыми истинными догматы, зане ихъ неправедныя и некрѣпкія. И се уповаемъ вскорѣ получить божественною силою и радѣніемъ великаго вашего царствія, понеже имуще благословенную побѣду и одолѣніе нечестивыхъ, и, восходяй на самодержавный престолъ (греческихъ императоровъ, послѣ изгнанія турокъ изъ Константинополя), посредѣ иныхъ богоугодныхъ дѣлъ, ихъ же совершитъ великое ваше царствіе, и сіе есть избранное, еже воздвигнути ученіе, да возсіяетъ писаніе, и дерзновеніе да имать мудрость, и утвердятся благочестивые догматы непорочныя наша вѣры, пратися намъ съ сопротивными нашими и съ прочими еретиками; со арменами и коптами, и хаберами и мараонитами, и покоримъ ихъ, да покорятся монастыри церквамъ Константинополя. И сія совершится, егда восприметь скипетръ великое ваше царствіе, а здѣ велитъ царствіе ваше греческіе книги печатать, будетъ великая слава царствію вашему и сокровище великое и слава православнымъ, да не покоримся инославнымъ, зане не попускають намъ печатати догматы наша“¹³⁾.

13 ноября 1692 года въ Москву пріѣхаль посланный Досіея, его племянникъ архимандритъ Хрисанеъ, который предъявилъ данную ему Досіеемъ инструкцію, о чемъ онъ долженъ хлопотать въ Москвѣ. Въ одиннадцатомъ параграфѣ инструкціи говорилось, пусть Хрисанеъ донесетъ царю „о нѣкоторыхъ церковныхъ нужныхъ книгахъ, дабы соизволили

¹³⁾ См. нашу статью: Пріѣздъ бывшаго константинопольскаго патріарха Аеоанасія (Пателара) въ Москву въ 1653 году. (Чтен. общ. люб. духовн. проsv. 1889 г. Октябрь).

ваше царское величество печатати ихъ и для общаго добра и великаго умноженія и пользы православныхъ, а наипаче и здѣсь и индѣ печатати нельзя. И скажетъ онъ (т. е. Хрисановъ) о нихъ пространно и иную причину, ея же ради по добаетъ, чтобы слово издано (распространено) было въ тамошніе страны, яко печатаются такіе книги“. По поводу этого пункта инструкціи Хрисановъ сдѣлалъ такое заявленіе: „просить блаженнѣйшій (т. е. Досиеей), чтобы царское величество указали типографію еллинскую строити, дабы чрезъ нея нѣсколько книгъ на латиновъ напечатати, которые книги привезъ я къ Москвѣ, а книги суть древнихъ разныхъ мудрецовъ, которые книги съ великою трудностію собралъ блаженнѣйшій, и хотя есть у святѣйшаго новая типографія въ мулянской землѣ, однако же не имѣетъ мочи всѣхъ тѣхъ напечатати. А паписты не только не печатають ихъ, но гдѣ сыщутъ ихъ жгутъ, а потомъ возможно тѣ книги и на русской языкъ перевести, отъ чего будетъ польза православнымъ, а еретикомъ посрамленіе, а царскому величеству всемірная слава“. Хрисановъ представилъ затѣмъ въ Посольскій Приказъ и роспись привезенныхъ имъ книгъ, которыя Досиеей просить государей напечатать¹⁴⁾. 5 марта 1693 года госу-

¹⁴⁾ „Роспись, поданная въ Посольскомъ Приказѣ архимандритомъ Хрисановомъ, о книгахъ, о которыхъ Досиеей бьетъ челомъ великимъ государемъ, чтобы ихъ напечатать въ Москвѣ: 1.—Доводъ правильный, когда латинны отъ соборной церкви отлучились, книга 1, листъ 124. 2.—Слово, сложенное отъ разныхъ сочиненій Богослова Григорія и Великаго Василія, годное къ мудрымъ латинамъ глаголатися, книга 9, листъ 79. 3.—Никифора Григора бесѣда, еже неимѣти пренія съ латинами, книга 11, листъ 377. 4.—О св. Символѣ, яко не подобаетъ прибавити что или убавити по седми вселенскихъ соборовъ, и яко св. Духъ отъ единого Отца исходитъ, книга 9, листъ 48. 5.—Епифанія патриарха царградскаго, како и какимъ образомъ отлучени латини отъ диптиховъ, сирѣчь, отъ синодиковъ и отъ первенства своего, книга 9, листъ 54. 6.—Въ которомъ времени и когда и отъ которыхъ еретиковъ взяли латине свои новые уставы, книга 10, слово 9. 7.—Къ глаголющимъ, яко первый престолъ римскій, книга 9, листъ 83. 8.—Фотія патриарха царградскаго соборное посланіе къ патриархамъ восточнымъ. 9.—Того жъ патриарха посланіе къ архіепископу аквилейскому. 10.—Дѣяніе собора при томъ же Фотіи патриархѣ (сей есть соборъ имянуемый 1 и 2-й), въ нихъ же сохранити надобно, дабы правила

дари велѣли сказать свой указъ архимандриту Хрисанову относительно всѣхъ запросовъ Досиеея, причемъ о книгахъ было сказано: „а что великимъ государемъ святѣйшій патриархъ доносить, чтобы въ царствующемъ градѣ Москвѣ изволили они, великіе государи, устроить типографію еллино-греческую и

того же собора и два посланія къ Фотію папы Іоанна напечатаны были. 11.—Доводительные главы Фотіевы же о исхожденіи св. Духа, (книга 9, листъ 313 и книга 1, листъ 100 и 10-я книга) патриарха царградскаго. 12.—Михаила Келурація патриарха царградскаго посланія къ Петру патриарху ко антиохійскому, книга 9, листъ 654. 13.—Того жъ антиохійскаго отповѣдь къ нему, книга 9, листъ 657. 14.—Доминика аквилійскаго къ нему жъ Петру антиохійскому посланіе, книга 9, листъ 649. 15.—Антиохійскаго патриарха къ Доминику аквилійскому посланіе, книга 9, листъ 650. 16.—Никиты пресвитера Грудатаго посланіе къ римлянамъ, въ ней же и нѣкое прегрѣшеніе латиновъ исчисляетъ, книга 9, листъ 615 и книга 6, листъ 87. 17.—Никиты пафлагонскаго философа, еже о Давидѣ, книга 9, листъ 620. 18.—Феофилакта болгарійскаго разговоръ нѣкоему изъ учениковъ болгарійскому киръ Феофилакту, о которыхъ дѣлехъ обличаются латини, книга 9, листъ 574. 19.—Неимянованнаго нѣкоего сложеніе на франговъ, книга 9, листъ 580. 20.—Того же обличеніе, о еже недобрѣ мудрствующимъ или творящимся отъ латиновъ, книга 9, листъ 581. 21.—Неимянованнаго нѣкоего сложеніе, его же начало: владыка мой всесвятѣйшій свѣтило вселенское, книга 9, листъ 752. 22.—Іоанна патриарха антиохійскаго ко андіанокольскому митрополиту, книга 9, листъ 609. 23.—Евстратія митрополита никейскаго два слова о исхожденіи св. Духа, книга 9, листъ 173. 24.—Того же на опресноки два слова, книга 9, листъ 625. 25.—Изложеніе пренія предъ царемъ Алексѣемъ Комнинымъ съ епископомъ медіоланскимъ Глосланомъ (?) и обличительные два слова Евстратія никейскаго, книга 9, листъ 96 и книга 6, листъ 65. 26.—Преніе монаха Іоанна Фурна съ медіоланскимъ епископомъ Петромъ, книга 9, листъ 162. 27.—Евѣмнія Зигабева, книга 6, листъ 104. 28.—Никиты Сеиды иконійскаго о св. Дусѣ, книга 9, листъ 700. 29.—Никиты патриарха царградскаго о исхожденіи св. Духа, книга 9, листъ 131, да первая книга, листъ 131. 30.—Греческаго са, модержда Мануила Комнина преніе съ нѣкоторыми кардиналами о исхожденіи св. Духа, книга 6, листъ 189. 31.—Николая епископа медонскаго слова два о св. Дусѣ и два жъ слова на опресноки, и единое, какъ возмозе на насъ латинникъ, книга 9, листъ 320 и 727. 32.—Теодора Курополата смирянина на опресноки, книга 9, листъ 759; книга 6—Іоанна патриарха антиохійскаго на опресноки. 33.—Николая Музалона къ царю Алексѣю, книга 6, листъ 81; да которые писаны послѣ взятія Царяграда отъ латиновъ. 34.—Георгія великаго логофета акриполитенина два слова о исхожденіи св. Духа, книга 9, листъ 258. 35.—Николая идрунскаго, 9-книга

напечатать на латиновъ нѣсколько книгъ, и тѣ книги прислать къ нимъ къ Москвѣ, и великіе государи указали у него, архимандрита, тѣ книги принять и о печатаніи ихъ въ типографіи еллиногреческимъ языкомъ изволятъ они, великіе государи, посовѣтывать со отцемъ своимъ и богомольцемъ со святѣйшимъ

листь 87 и 592. 36—Безъ имени нѣкоего безглавное слово, книга 9, листъ 321. 37—Германа, иже въ Никен, константинопольскаго патриарха посланіе къ Григорію IX, папѣ римскому, книга 9. 38—Того жъ папы къ нему жъ Герману отповѣдь, книга 9. 39—Того жъ исповѣданіе вѣры, его жъ начало: страдавшими книга 9. 40—Меоодія патриарха цареградскаго, иже въ Никее, на опресноки. 41—Льва архіепископа болгарійскаго три посланія, книга 9, листъ 640. 42—Льва митрополита маріанопольскаго на опресноки, книга 9, листъ 721. 43—Безъ имени нѣкоего списанія, его же начало: иже въ сборникѣ лежащемъ проклятій, книга 9, листъ 777. 44—Іоанна митрополита клавдіопольскаго на опресноки, книга 6, листъ 68 и книга 9, листъ 605. 45—Безъименнаго нѣкоего на опресноки, его же начало: отъ Сіона глаголетъ пророческое слово изъйти слову, книга 9, листъ 753. 46—Митрополита керкильскаго Василія посланіе къ папѣ римскому, книга 9, листъ 603. 47—Навпактскаго Іоанна къ оропскому митрополиту киръ Аванасію, книга 9. 48—Соборъ противъ Векка учиненный соборъ, который былъ при Андроникѣ III Палеологѣ, книга 10, его же начало: баше убо случившееся не зѣло давно. 49—Посланіе святогорцевъ къ Михаилу царю, его же начало: державнѣйшій и Богомъ вѣнчанный... 50—Повѣсть о убиенныхъ отцевъ во св. горѣ, книга 10, ея же начало: Михаилъ перваго Палеологовъ. 51—Нила на латиновъ обличительныя главы, книга 12, листъ 100 и книга 9. 52—Хризолога перечень тѣхъ же главизнъ, книга 3, листъ 118. 53—Того жъ Нила Кавасила книжица перечневая на латиновъ, еже есть шестое на десятое (60) слово въ 1С книгъ, еже начало: иже въ богословіи догматовъ, и книга 9, листъ 789. 54—Варлаама о исхожденіи св. Духа, книга 9, листъ 405 и книга 7. 55—Того жъ о соединеніи, книга 9. 56—Безъименно нѣкоего къ Димитрію Кидони и прочіе къ тому свидѣтельства, книга 3. 57—Панарета обличеніе на Ѳому о чистительномъ огнѣ, книга 2, листъ, 167. 58. Максима Плакуда нѣкоторые главы, книга 2, листъ 159. 59—Того жъ книга о платоническомъ реченіи и потомъ на латиновъ о исхожденіи св. Духа. 60—Матѳея Властаря его жъ начало: вынѣ церковь Христова, книга 9 и книга 10, листъ 721. 61—Нила Дамила о исхожденіи св. Духа книга 9 и 10. 62—Анчела Григорія о исхожденіи св. Духа и на опресноки и о св. тайнахъ, яко невоспріяша святые царства небеснаго, ниже грѣшницы муки вѣчныя, книга 9, листъ 64 и 768. 63—Монаха Кирилла на опресноки, книга 6, листъ 105. 64—Исповѣданіе Нила іеромонаха Траханіота, книга 4. 65—Посланіе Мартина папы, его жъ начало: преясные государи книга 4. 66—Латиновъ противорѣчей и греховъ на

киръ Адрианомъ патриархомъ московскимъ и всеа Руссіи“. 27 марта 1693 года государи приказали отослать привезенныя архимандритомъ Хрисанеомъ книги къ патриарху Адриану съ указомъ, „чтобъ всѣ тѣ книги велѣлъ принять и освидѣтельствовать, нѣтъ ли въ нихъ какого пороку“. 3 апрѣля состоялся новый царскій указъ, въ которомъ говорилось, что іерусалимскій патриархъ Досіѳей чрезъ своего архимандрита Хрисанеа просилъ государей „на Москвѣ устроить типографію еллиногреческую и нѣсколько книгъ на противниковъ церкви Божіи латиновъ напечатать, а тѣ де латинскіи папшто разрѣшеніе, книга 9 — виршами. 67—Меоодія патриарха цареградскаго о опреснокахъ. 68—Исповѣданіе киръ Іосифа архіепископа константинопольскаго, книга 2, листъ 302. 69—Гермаана исповѣданіе истинное сущіе вѣры, книга 9. Книги издавныя на соборнщѣ, иже во Флоренціи. 70—Схоларія надгробное казаніе на погребеніе ефесскаго Марка, книга 9 и 2, листъ 268. 71—Мануила великаго ритора о Маркѣ ефесскомъ и о Флоренскомъ соборнщѣ и противъ Емиста (?) и Виссаріона и обличеніе на нечестивыя ихъ писанія, книга 1, листъ 112 и книга 7. 72—Ефесскаго посланія и слова а) „азъ ради послушанія“ книга 2, листъ 272; б) „азъ благодатию Христовою“, книга 10; в) „азъ поученіемъ святымъ“, книга 9; д) „иже злое на насъ плѣненіе“, книга 10; е) „вопросимъ латиновъ“, книга 2 и 10. ф) „божества вина“, книга 9; г) „понеже любовію отвѣщаете“, книга 2, листъ 130; h) „яко во истину много истязанія“, книга 2, листъ 108; i) „понеже явише насъ спросите“, книга 2, листъ 121; k) „яко нетокмо отъ владычскихъ словесъ, но и отъ благословенія іереева освящаются св. тайны“, книга 9. Доводительныя главы о исхожденіи св. Духа, книга 9: свидѣтельства собраны отъ св. Писанія о исхожденіи св. Духа, книга 9; Слово на усненіе Корона (?), книга 2, листъ 162; О молитвѣ: Господи Іисусъ Христе, книга 2, листъ 164; Бесѣда о талантахъ, книга 2, листъ 82; Бесѣда о предѣлахъ житія, книга 2, листъ 143; Бесѣда о божественномъ промыслѣ, его же начало: и ты убо о божественнѣйшій царю! книга 1 и 10; Толкованіе на число во евангельской притчѣ, книга 2, листъ 82. 73—Схоларіевы книги: Посланіе Ефесскаго къ нему, книга 2, листъ 80; Послѣдняя бесѣда Ефесскаго и посланіе къ Схоларію и отповѣдь Схоларіева къ нему, книга 12, листъ 167; Сложенія его жъ, которыя напечатаны; свѣченія, ихъ же начало: „превысочайшему царю тропезонскому, книга 5, листъ 140; Двоесловіе, его же имена: Ѳавіанъ и Евлогій и Венедиктъ, книга 7. Его же: двоесловіе иное, въ немъ же имена Неоеронъ и Палетинъ, книга 5, листъ 182. Его же: рыданіе и поношеніе на цареградскихъ жителей, книга 9 и 10. Того же: кто дастъ мнѣ крыль, книга 9. 74—Соборное истязаніе и повелѣніе патриарховъ восточныхъ противъ Флоренскаго соборища, его же начало: „понеже приде и пресвященный митрополитъ здѣсь“, книга 1, листъ 97 и книга 10. 75—Уставы святаго и

сты тѣхъ книгъ нетоко печатають, но гдѣ сыщутъ для искоренѣнія всѣ жгутъ, а по напечатанію возможно де тѣ книги и на словенскій языкъ перевесть, отъ чего будетъ всѣмъ православнымъ христіаномъ многая и великая польза, а еретикомъ и противникомъ посрамленіе, а имъ, великимъ государемъ отъ Господа Бога мзда, а отъ народовъ всемірная слава“ — въ виду чего государи указали привезенныя Хрисанеомъ

вселенскаго собора, который собрався въ Царѣградѣ по взятіи его, его же начало: „вѣруемъ во единого Бога“, книга 10. 76—Патріарха сирійскаго къ царю, книга 1, листъ 99. 77—Неронимона (?) посланія къ амасійскому, книга 1, листъ 85. 78—Того же двоесловіе, книга 4. 79—Максима Моргуниа о исхожденіи св. Духа, книга 1, листъ 29. 80—Все что писалъ Палама и елика къ тому дѣлу належать. 81—Догматическое всеоружіе Евенмія Зигабена. 82—Мелетія Пига патріарха александрійскаго на палистовъ и лютеранъ и кальвиновъ книга“.

Всѣ эти перечисленные трактаты противъ латинявъ, соединивъ во едино, Досиѣей желалъ напечатать въ Москвѣ. Всѣхъ же книгъ, присланныхъ государямъ Досиѣемъ, было 18, слѣдующаго объема и заглавія, какъ значито въ приказной записи: „въ 1-й книгѣ листовъ 157. ея же начало: „тѣи убо о божественнѣйшій царю“. Во 2-й книгѣ 316 листовъ, ея же начало: „вопросимъ латинновъ“. Въ 3-й книгѣ 160 листовъ, ея же начало: „нынѣ азъ дивлюся любезный“. Въ 4-й книгѣ 102 листа, ея начало: „метанію владыко“. Въ 5-й книгѣ 388 листовъ, въ ней же начала и конца нѣтъ, обаче тако начивается: „отпустиша нѣкое искушеніе чрезъ посланіе“. Въ 6-й книгѣ 242 листа, ея же начало: „еже о св. Духѣ глаголати, о Богѣ есть глаголати“. Въ 7-й книгѣ 130 листовъ, ея же начало: „речени ли яко невозможная вещь есть папѣ не быти православному“. Въ 8-й книгѣ 289 листовъ, ея же начало: „паки лютая и начало злобная змія“. Въ 9-й книгѣ листы неописаны, (потому что та книга изъ всѣхъ книгъ выбрана и часть той книги у архимандрита іерусалимскаго оставлена), ея же начало: „благоугоднѣйшему во Христѣ“ отцу“. Въ 10-й книгѣ 129 листовъ, ея же начало: „нынѣ убо Христова церковь“. Въ 11-й книгѣ 457 листовъ, ея же начало: „Леонта философа предисловіе“. Въ 12-й книгѣ 306 листовъ, ея же начало: „еже о Христѣ житіе расчесть убо“. Въ 13-й книгѣ 307 листовъ, ея же начало. „вопрошаени о списаніяхъ Акиндинова“. Въ 14 книгѣ 209 листовъ, ея же начало: „осмотрился ли въ себѣ бывъ брате“. Въ 15-й книгѣ 371 листъ, ея же начало: „предобрая убо вода оный рече“, сія книга есть Мелетіева Пига, бывшаго александрійскаго патріарха. Въ 16-й книгѣ 406 листовъ, ея же начало: „иже въ синодикѣ прилежащимъ проклятіемъ“. Въ 17-й книгѣ 550 листовъ, въ которой хотя начала нѣтъ, обаче такъ начинается: „имянуемая чиновная сложивши сіе есть догматическое всеоружіе“. 18 я книга есть напечатана Григорія Паламы и Георгія Схоларія“.

восьмнадцать книгъ и росписи ихъ отдать въ патріаршію Казенный Приказъ, и „принявъ тѣ книги освидѣтельствовать, а освидѣтельствовавъ и совѣтовавъ съ ними, великимъ государи, великому господину святѣйшему киръ Адриану архіепископу московскому и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, велѣтъ тѣ книги напечатать, сколько ихъ будетъ надобно и пристойно на греческомъ языкѣ на печатномъ дворѣ, выправя по достоинству, какъ подобаетъ такимъ книгамъ въ печатномъ тиснѣнии быти, и для той выправки тѣхъ книгъ и подлиннаго объ нихъ объявленія, указали великіе государи быти у того дѣла тому присланному іерусалимскаго патріарха архимандриту Хрисанеу, да съ нимъ учителемъ еллиногреческаго языка іеромонахомъ Іоанникию и Софронію Лихудіемъ. Да и на словенской языкъ тѣхъ книги, какъ будутъ напечатаны на Москвѣ съ греческаго письма, указали великіе государи перевесть на печатномъ же дворѣ по разсмотрѣнію евожъ великаго господина киръ Адриана московскаго и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, кому доведетца и кому пристойно“¹⁵⁾.

Съ своей стороны Досиѣей усиленно заботился, чтобы посланныя имъ въ Москву книги были напечатаны. Въ письмѣ къ Хрисанеу, который пробылъ въ Москвѣ до января 1694 года, Досиѣей пишетъ отъ 10 декабря 1692 года: „О книгахъ, чтобъ печатати, зѣло радѣй, понеже есть дѣло апостольское, и не только спасительное, но и славу великую вѣры нашей причиняетъ, зане западные схизматики и еретики говорятъ, что послѣ Фотія патріарха никто не былъ мудрый человекъ у грековъ, а буде напечатаны будутъ толикіе книги, тогда увидятъ множество премудрыхъ и святыхъ мужей, того ради радѣй ты и труждайся“. Въ другомъ письмѣ къ Хрисанеу Досиѣей пишетъ: „отпиши къ намъ вѣдомость скоро, чтобы прислать къ тебѣ и прочіе печатные и непечатные (книги), чтобъ собралось то число книгъ. Сіе дѣло превосходитъ и седмь прехвальныхъ дивъ, и сія бібліотека превосходитъ зѣло честію Птоломѣова“. Еще въ письмѣ къ Хрисанеу Досиѣей

¹⁵⁾ Греческія дѣла 7201 г. № 4 и 38. Греческіе статейные списки № 12, л. 1028—1030. Прил. № 2.

пишетъ: „потщися крѣпко о печатаніи книгъ, и буде напеча-
таютца, надписаніе такое надъ ними напиши: Вивліотека
списавшихъ православныхъ на обновленія латиновъ, книга
1—2-я и прочая... Здѣсь принесли печать и печатаемъ на
латиновъ книгу ту, о которой вѣдаешь, потомъ господарь
хочетъ печатать книгу Іоанна Дохтора“. Въ маѣ 1693 года
Досиоей пишетъ къ Хрисанеу: „про книги, которые послали
въ Россію печатати, радѣй накрѣпко, чтобъ они приказаны
были печатать, и буде не могутъ они выбрать изъ нихъ,
чтобъ ихъ прислать сюда и мы здѣсь изъ нихъ выберемъ,
что надобно и напишемъ. А буде тѣхъ книгъ къ намъ по-
слать невозможно, и мы пришлемъ отсюда къ вамъ такого
человѣка, который возможетъ изъ тѣхъ книгъ выбрать и на-
писать, что къ печатанію годно и исправить ихъ совер-
шенно“¹⁶⁾.

Между тѣмъ Досиоей получилъ отъ Хрисанеа извѣстіе,
что московское правительство приказало печатать прислан-
ныя имъ книги. Въ виду этаго извѣстія Досиоей шлетъ отъ
10 августа 1693 года благодарственную грамоту къ патриарху
Адріану. „Благодарствуемъ, пишетъ онъ, яко благоволилъ
еси почтати патриаршескій божественный санъ, понеже по-
пекся еси о всѣхъ церквахъ Божіихъ и подвиговъ совершилъ
еси яко добрый пастырь, еже напечататися книгамъ, церквамъ
Божіимъ нужнѣйшимъ, яже отцы наши святіи списаша ко
отверженію утверженій и во всю высоту возносимыхъ на
разумъ Божіи, зане чрезъ тыя книги состоитъ благочестіе,
и свидѣтельствуютъ древнюю и отеческую и апостольскую
мысль православныя святыя вѣры нашея, и отвергаются без-
божный папешства догматы; сія православніи, яко оружія
употребляюще, заключаютъ уста глаголющихъ хульная, и,
наконецъ рещи, благочестіе держится и нечестіе отвергаются
яже вмаѣ не погибаша, яко иногда погибаша драхма. И вы
богопочтенніи полагаете тыя въ свѣтъ, почитающе Христа
и общую мать и питательницу сватую Христову церковь.
Сія ваша честь, сія ваша слава, сіе царства высота, враговъ
низложеніе, и, наконецъ, жребій освященный, яко да сподо-

битися стоянія въ горнемъ Іерусалимѣ сущаго апостоловъ и
пророковъ. Благодарствуемъ убо и о семъ зѣло благодарст-
вуемъ, не тоію мы, но и вси прочая братія и аще не бы
было бѣдство, написали бы вси безчисленная благодарствія
и похвалы къ вамъ. И паки просимъ и молимъ или, паче
рещи, просятъ и молятъ вси чрезъ насъ, яко да братствен-
ная о Христѣ ваша любовь заступитъ со тщаніемъ и со
всякимъ прирадѣніемъ, ежебы глаголаннѣмъ по суду бого-
вѣнчаннѣмъ самодержцевъ и вашего блаженства надеждамъ
и обѣщаннѣмъ конецъ полезный пріяти, по Бозѣ твое бла-
женство вѣмы и имамы виновника сицеваго добра и обще
вся церкви поминають вы вѣчно. Тако убо молимся“¹⁷⁾.

Прислалъ Досиоей, отъ 22 октября 1693 года, благодар-
ственную грамоту и государямъ. „Прославляется глава церков-
ная, пишетъ онъ, Христосъ Богъ нашъ, державнѣйшіе и
святые владыки наши, что, сохраняемое въ длани Его сердце
ваше, источило слово благое, повелѣвъ напечатать книги
благочестивыхъ писателей на нечестивыхъ папистовъ, дабы
церковныхъ догматовъ богословіе сохранилось во вѣки истинно
и непоколебимо. Ибо какъ священныя главы ваши вѣнчаны
златомъ и блестящими камнями, такъ и умы ваши украша-
ются евангельскимъ и отеческимъ ученіемъ; ибо вы явили
себя учениками и сопричастниками тѣхъ, коихъ вѣщаніе про-
текло во всю землю, и вождями всего христіанскаго народа
ко благочестію, изъяснивъ слова истины нѣкоторымъ обра-
зомъ утаенныя; ибо вы раскрыли благочестіе и живописали
православіе, и какъ свѣтила, сіяющія всѣмъ вѣрнымъ, воз-
сіяли и церквамъ, обуреваемымъ ложною мудростію и пре-
лестями папешскими; руку помощи подали и истинные дог-
маты въ напечатанныхъ книгахъ истиннаго богословія утвер-
дили. Слово сіе, когда мы пришли сюда (грамота писана
изъ Адріанополя, куда Досиоей прибылъ изъ Молдавіи)
дошло до слуха святѣйшаго вселенскаго цареградскаго патрі-
арха и блаженнѣйшаго папы и патриарха александрійскаго и
всего великаго и святаго собора константинопольскаго, и всѣ
здѣсь обрѣтающіеся учителя, архимандриты и игумены и весь

¹⁶⁾ Греческія дѣла 7201 г. № 4. Греческіе статейные списки № 12, л. 1070.

¹⁷⁾ Прил. № 18.

клиръ и весь народъ православный похваляютъ и ублажаютъ васъ, божественнѣйшіе самодержцы, и говорятъ всѣ они и мы вмѣстѣ съ ними, чрезъ сіе смиренное наше донесеніе, съ дерзновеніемъ и единогласно: что благоволеніемъ Божиимъ чрезъ боговѣнчаныхъ благочестивыхъ царей нашихъ Іоанна и Петра, поборниковъ православія и отмстителей благочестія, все сіе совершилось. Исполняются радости уста наши и языкъ нашъ радованія, что чрезъ посредство пространнаго оглашенія печатной хартіи, языки православныхъ возглаголють оправданія Божіи. Что можетъ быть лучше, какъ соблюсти древнюю красоту церковныхъ дѣлъ и что болѣе исполнено радостію? Поелику губительные паписты вняли оклеветанію вавилонскихъ жрецовъ, которыхъ обличаетъ и пророчество: изыде беззаконіе отъ іереевъ вавилонскихъ, ибо, вмѣсто христіанскаго дѣйствованія, поддерживаютъ начало палестинское, римское, и чрезъ то дѣлаются изобрѣтателями злочестивыхъ догматовъ, и, имѣя уста свои исполненными клятвы и горести, славу себѣ снискали побѣждать только въ злыхъ дѣлахъ, имѣя языкъ хульный и перо имъ служащее и печати многія, чтобы печатать беззаконныя свои писанія, противящіяся истиннымъ глаголамъ Божиимъ, чѣмъ возмутили многія православныя церкви и погубили ихъ, посѣявъ куколь вмѣсто пшеницы на церковныхъ нивахъ и вино смѣшавъ съ водою; они помыслили ближняго своего напоить мутнымъ питіемъ; какъ настоящіе арабскіе волки, медвѣди и леопарды, кожу овчюю носить притворились и истину въ ложь претворили, по слову пророческому: яйца аспидовъ растерзали и паутинную ткань соткали, и кто будетъ яйца ихъ сокрушать и ѣсть, змѣя въ нихъ обрѣтетъ—василиска, наполненнаго ядомъ и смертоноснымъ дыханіемъ, поелику такъ все беззаконныя паписты извратили и едва ложь не побѣдила истины. Сего ради и не потерпѣли вы, благочестивѣйшіе и кротчайшіе и храбрѣйшіе наши государи, чтобы въ ваше время такая губительная предель прелестъ пребывала во дворѣ Господнемъ, но вы благоволили истребить ее, чтобы благосостояніе церковное пребывало непоколебимо. Вы указали великое сіе дѣло: напечатать богословскія священныя книги, дабы, сотканное без-

законными изъ терновыхъ нитей гнойное лжеученіе разорвать и истребить, хитонъ же православія распространить“¹⁸⁾.

Такъ радовался Досиѳей, такъ горячо благодарилъ онъ царей и патріарха Адріана за рѣшеніе напечатать въ Москвѣ присланныя имъ книги, придавая этому дѣлу общее-православное значеніе, видя въ немъ залогъ крѣпости и даже будущей побѣды православія надъ латинствомъ. Но на дѣлѣ печатаніе греческихъ книгъ въ Москвѣ необходимо должно было встрѣтить серьезныя затрудненія. Нужно было выписать изъ заграницы греческій шрифтъ, что и сдѣлано было русскимъ правительствомъ, по крайней мѣрѣ Хрисанѳомъ, по возвращеніи изъ Москвы, около года жившій въ Батуричѣ у гетмана, писалъ оттуда патріарху Адріану отъ 24 октября 1694 года: „благодарствіе да будетъ святому Богу, яко приде и печатъ и прочее совершенство, приде же ко Архангельскому городу, яко же назнамена мнѣ прирадивый рабъ вашъ Николай Спаарій“¹⁹⁾. Затѣмъ нужны были свѣдущіе люди, которые бы могли исправить привезенныя Хрисанѳомъ списки греческихъ книгъ, заключавшіе въ себѣ ошибки и которые бы сумѣли вести самое печатаніе греческихъ книгъ, дѣло въ Москвѣ дотолѣ небывалое. Какъ мы видѣли, исправленіе книгъ и наблюденіе за ихъ печатаніемъ сначала возложено было на самого Хрисанѳа и Лихудовъ. Но между ними скоро возникла крупная ссора и Хрисанѳ сталъ настаивать предъ патріархомъ Адріаномъ объ устранинн Лихудовъ не только отъ книжнаго дѣла, но и отъ учительства въ школѣ, а между тѣмъ самъ Хрисанѳ, прежде чѣмъ просмотрѣны были книги и началось ихъ печатаніе, долженъ былъ уѣхать изъ Москвы, такъ какъ нуженъ былъ для Досиѳея. Правда Хрисанѳ увѣрялъ, что Досиѳей не замедлитъ прислать въ Москву на мѣсто Лихудовъ такого человѣка, который вполне будетъ способенъ заняться печатаніемъ книгъ и вмѣстѣ учительствомъ въ школѣ. „Будетъ совершенно пецися блаженнѣйшій мой владыко (т. е. Досиѳей), писалъ онъ патріарху Адріану, яко же благоволилъ еси, еже бы человѣка

¹⁸⁾ Греческія дѣла 7202 г. № 20.

¹⁹⁾ Непереплетенный рукоп. сборникъ моск. синод. библ. № IV, л. 80.

довольнаго во ученіи прислати, который могъ бы и школу держати и книги исправляти“²⁰⁾. Но это обѣщаніе не было однако выполнено. Въ маѣ 1696 года Досиѳей пишетъ Адриану: „учителя и справщика не прислали еще труднаго ради времени, зане здѣ нетокмо нынѣ писалъ бы кто къ вамъ, или послалъ бы кто человѣка, но кто бы и имя ваше изъ усть изнесъ, смертную казнь приметъ. И недивно, ниже странно есть сіе, зане діаволь четыредесять пять лѣтъ возбранялъ и препиналъ святая святыхъ и нынѣ видя, что печатаются и хотять печататися книги во утверженія благочестія въ православныхъ мѣстахъ, како не будетъ препинати? И блаженнаго Павла препиналъ отъ проповѣди, но божественная сила непобѣждена и неодолима есть. Сего ради благовольтъ Богъ и придуть къ вамъ человѣцы довольни во время благопотребно къ совершенію начатаго и помяннаго святаго дѣла“²¹⁾. Патріархъ Адрианъ однако былъ очень недоволенъ дѣйствіями Хрисанеа въ этомъ дѣлѣ и потому писалъ ему отъ 20 февраля 1697 года: „святыня твоя желалъ о печати, яко елень на источники водныя, и се убо печать совершенна (т. е. все нужное для печатанія уже готово), желаніе же твое несовершенно видится; ни едино бо ниже о учителѣ, ниже о справщикѣ даже и донынѣ совершися прилежаніе“. Затѣмъ патріархъ Адрианъ примашаетъ Хрисанеа не умедлить прислатъ въ Москву нѣкоего врача Іоанна Комнина, какъ человѣка вполне пригоднаго и для печатанія книгъ и для учительства²²⁾. На это посланіе вмѣсто Хрисанеа отвѣчалъ Адриану Досиѳей отъ 6 марта 1698 года: „Учителей прислати къ вамъ, пишетъ Досиѳей, и книги печатати не нерадимъ, понеже стражъ есть великъ, того ради и преминуемъ время. Нынѣ напечатали мы книгу въ Яшевѣ (Яссахъ) зѣло израдну противу латиновъ, отъ которыхъ книги печемся прислати къ вашему блаженству тридесять книгъ разныхъ. И здѣ во Влахіи печатаетъ христоролюбивый воевода тысящу книгъ, въ нихъ же содержится православное испо-

²⁰⁾ Ibid. л. 81.

²¹⁾ Прил. № 20.

²²⁾ Неперепл. сборн. моск. синод. библ. № IV, л. 95 об.

вѣданіе; да еще книгу печатаетъ, которую собралъ іеромонахъ нѣкій Виссаріонъ, зѣло потребна есть книга. А предреченная книга напечатана иждивеніемъ іерусалимскихъ приходоу ко Гробу Господню, аще и зѣло скудни есмы и долгами отягчены. Прочія же книги печатаются по моему прошенію и увѣщанію воеводскимъ иждивеніемъ, и егда издадутся тисненіемъ, хоцетъ прислати воевода къ вашему блаженству тридесять книгъ и больши. Книгу, которую азъ хотѣлъ печатати на имя твоего блаженства, ради всякихъ виѣшнихъ случаевъ, промыслихомъ иначе печатати, понеже отъ облезающихъ насъ страхъ много и нынѣ уже мнози антихристи суть. Сего ради молимъ Господа Бога, да умножитъ тебѣ лѣта и будемъ тчатися ину книгу на имя ваше печатати. Въ книзѣ, что воевода печатаетъ, положенъ и соборъ четырехъ святѣйшихъ патріарховъ, которіи утвердиша и патріаршество московское и вселенскимъ соборомъ прославиша христіаннѣйшаго царя московскаго яко самодержца. Хотѣхомъ печатати и оную книгу, которую прислаша нѣкогда во время блаженнаго памяти великаго государя царя Алексія Михайловича четыре святѣйшіе патріарха и усмотрѣхомъ, яко требуетъ толкованія нѣкоего и изъясненія, того ради, Богу помогающе, во иной книзѣ, со иными приличными вещи согласія, печатати будемъ. Писахъ выше, что книгу великую напечатавъ иждивеніемъ отъ Гроба Господня и церкви зѣло потребную, а иныхъ книгъ печатати силы нѣтъ (сирѣчь денегъ нѣтъ) и надежда наша по Бозѣ есть, еже бы напечататися у васъ книгамъ нашимъ письменнымъ, которыя того ради и послалъ къ вамъ. И учителей пришлемъ къ дѣлу и препятіе не токмо страхъ, но суть вашимъ странамъ непривычны и не суть довольни управляти дѣло, яко же подобаетъ, кромѣ Іоанна Комнина, который зѣло потребенъ есть къ дѣлу, зане можетъ учинити перво—оглавленіе вещей, второе — изъясненія нѣкая, третіе — изъясненія на реченная святыхъ отецъ и изъясненія нареченная священнаго Писанія. А тѣя книги, которыя присланы къ вамъ, иныя неправописаніемъ писаны, иныя труднымъ письмомъ, и обрѣтаются отъ того въ нихъ погрѣшенія и требуютъ исправленія не малаго. Іоаннъ же Комнинъ при насъ

надержался, и вашимъ странамъ привыченъ и вѣдомъ, и отъ прочихъ учителей, обрѣтающихся въ нашихъ странахъ, наипаче потребенъ, и принуждаемъ его пріити къ вамъ. Но онъ предлагаетъ намъ три пренатія: первое, яко егда приходятъ къ вамъ въ вѣдѣніи сущіи и восхощутъ изыти паки восвоися, удобно не могутъ изыти; второе, яко отходяще симъ образомъ, не могутъ имѣть довольную милость на потребности своя, чтобы могли по сихъ управити житіе свое; третіе, боится, чтобы ему не употребляти дѣло врачевское. Сего ради видится намъ праведно, чтобы ваше блаженство, поговоря съ царскимъ величествомъ, аще благоволиши, отпиши ваше блаженство къ сему Іоанну свою патриаршую грамоту, чтобы онъ пришелъ къ вамъ токмо ради книжнаго дѣла духовнаго, о художествѣ же дохтурскомъ ему не пещися ни мало, сирѣчь, чтобы ему токмо исполняти ваше повелѣніе, кромѣ аще что устроить ко здравію царскаго величества или твоего блаженства, сіе ниже онъ самъ не не потщится устроить всакимъ образомъ о здравіи вашемъ. И имѣлъ бы онъ довольное жалованье вашего блаженства, пребывая при васъ пять лѣтъ и исправляя ваши дѣла; егда же совершитъ книжное дѣло и аще восхощетъ возвратитися во своися, изшелъ бы невозбранно изъ вашихъ странъ. И егда узрѣлъ бы вашего блаженства по первому званію грамоту, оставя всякое малодушіе и извиненіе, притекъ бы къ вашему блаженству“²³⁾. Но и Комнинъ въ Москву не явился.

Такимъ образомъ русское правительство очень сочувственно отнеслось было къ мысли Досіея объ открытіи въ Москвѣ греческой типографіи. Оно, съ своей стороны, приготовило все нужное для печатанія греческихъ книгъ, и ждало только свѣдущихъ справщиковъ, которыхъ долженъ былъ прислать въ Москву Досіея, послѣ того какъ Лихуды, единственные тогда въ Москвѣ люди, способные руководить этимъ дѣломъ, были окончательно отстранены отъ него. Но Досіея не находилъ возможнымъ вскорѣ прислать въ Москву книжнаго справщика: то онъ боялся турокъ, съ которыми въ то время Россія вела войну, то затруднялся подыскать вполне подхо-

23) Прил. № 21.

дѣлающаго для этого дѣла челоуѣка, то уже найденный челоуѣкъ соглашался ѣхать въ Москву не иначе, какъ только на извѣстныхъ формально напередъ заключенныхъ условіяхъ. А между тѣмъ въ 1700 году умеръ патриархъ Адрианъ, главный дѣятель по этому дѣлу, и мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола сдѣлался Стефанъ Яворскій, къ которому Досіея сразу отнесся враждебно, подозрѣвая его въ склонности къ латинству. Понятно, что съ Яворскимъ Досіея уже не вступалъ болѣе ни въ какія сношенія о печатаніи греческихъ книгъ въ Москвѣ и все это дѣло, такъ много было общающееся, заглохло, къ сожалѣнію, само собою.

с) Особенно серьезная опасность могла угрожать православію на Руси, когда наше правительство окончательно рѣшилось, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія, открыть въ Москвѣ правильно устроенную высшую школу, которая бы послужила разсадникомъ образованія для цѣлой Россіи. Возможно было, что эта школа будетъ устроена по образцу латинскихъ школъ, что главный языкъ въ ней будетъ латинскій и все обученіе въ ней получить латинское направленіе, вслѣдствіе чего московская школа авится въ концѣ концовъ могучимъ проводникомъ латинскихъ воззрѣній въ русскую православную среду. Досіея прекрасно понималъ ту опасность, какая грозитъ православію на Руси отъ водворенія въ Москвѣ строго латинской школы и потому считалъ священною своею обязанностию энергично настаивать предъ русскимъ правительствомъ на томъ, чтобы школа въ Москвѣ устроена была исключительно греческая, а никакъ не латинская, и чтобы латинскій языкъ въ ней вовсе и не преподавался.

Мысль устроить въ Москвѣ греческую школу была далеко не новая, ея не разъ, гораздо ранѣе Досіея, заявляли нашему правительству восточные іерархи, не разъ являлись въ Москву и учителя греки. Такъ еще въ 1585 году александрийскій патриархъ Сильвестръ писалъ царю: „составь училища и поставь наказателя, чтобы въ ней учились греческой грамотѣ и были бы научены отъ многихъ божественныхъ книгъ всей мудрости Божіей православныя вѣры“. Преемникъ Сильвестра извѣстный Мелетій Пигасъ въ 1593 году писалъ царю

Феодору: „устрой у себя царь греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія“. Но эти воззванія восточныхъ іерарховъ остались безъ послѣдствій, — греческой школы въ Москвѣ открыто не было. Тогда уже въ 1632 году царь и патріархъ обратились съ просьбою къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису, чтобы прислалъ на востокъ православнаго учителя и прислалъ его въ Москву. Между тѣмъ въ сентябрѣ того же 1632 года въ Москву пріѣхалъ протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, нѣсколько лѣтъ прожившій въ южной Россіи, принимавшій тамъ участіе въ исправленіи церковныхъ книгъ и хорошо знавшій греческій и славянскій языки. По просьбѣ царя и патріарха Іосифъ остался въ Москвѣ для перевода книгъ съ греческаго языка на славянскій, а также и для учительства. Въ грамотѣ царя и патріарха къ Іосифу говорится: „протосингелу архимандриту Іосифу, будучи въ нашемъ государствѣ намъ... служити духовными дѣлами: переводити ему греческія книги на словенскій языкъ и учити на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ. Да ему-жь переводити съ греческаго языка на словенскій на латинскіе ереси“. Поселившись въ Москвѣ Іосифъ немедленно занялся не учительствомъ въ школѣ, а переводомъ греческихъ книгъ на славянскій языкъ. Константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ, выражая свое удовольствіе, что Іосифъ остался въ Москвѣ и посылая царю „книгу Варинось, да Схоларія, да Геннадія т. е. три библіи (книги) противъ латинъ и еще другіе три библіи господина Мелетія патріарха александрійскаго“²⁴⁾, говоритъ въ своей грамотѣ

²⁴⁾ Въ 1632 году Филаретъ Никитичъ пишетъ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису съ его архимандритомъ Амфилохіемъ, который пріѣзжалъ въ Москву: „послани мы, великій государь святѣйшій патріархъ, къ вамъ, святѣйшему патріарху, Кириллу съ архимандритомъ Амфилохіемъ Псалтырь съ слѣдоваемъ въ десять и съ паскалію, да Минею общую въ десять печатную, печать московская. А послани мы, великій государь святѣйшій патріархъ, къ вамъ, святѣйшему патріарху Кириллу, Минею для того, что въ ней служба Ризы Господни вся сполна, да въ той же Минею двои часа царски,—однѣ предъ Рождествомъ Христовомъ, а другіе предъ Богоявленіемъ Господнимъ, и иные потребныя вещи, которыя въ Минеяхъ общихъ

царю: „а нынѣ бо протосингелъ Іосифъ съ тѣхъ книгъ переводъ писалъ, сколько можетъ, какъ я писалъ ему отъ себя въ грамотѣ своей, да великосильный Богъ да сподобитъ и достальныя тѣ книги перевести“. Очевидно Іосифъ занятъ былъ въ Москвѣ не учительствомъ въ школѣ, а переводами книгъ, почему и предполагалось для учительства собственно вызвать въ Москву съ востока другое подходящее лицо, о чемъ прямо говорить та же грамота Лукаря. „Я нынѣ хотѣлъ было прислать къ вамъ, пишетъ онъ царю и патріарху, учителя Кириака отъ св. Аѳонскія горы, но онъ ѣхать не могъ, потому что старъ и безсиленъ. Сказывалъ мнѣ архимандритъ Амфилохій (который пріѣзжалъ въ Москву въ качествѣ посланца отъ Лукаря), чтобы прислать къ вамъ, великимъ государемъ, инога учителя и я буду впредь сыскивать“. Но въ 1633 году умеръ Филаретъ Никитичъ, въ томъ же или слѣдующемъ году умеръ въ Москвѣ и протосингелъ Іосифъ, скоро сошелъ со сцены и патріархъ Кириллъ Лукарисъ, вслѣдствіе чего греческая школа въ Москвѣ не была открыта.—Въ 1645 г. палеопатрасскій митрополитъ Теофанъ въ особой челобитной между прочимъ заявлялъ государю: „повелиши быть (въ Москвѣ) греческой печати и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ людей философіи и богословія греческому языку и по русскому“. Затѣмъ онъ рекомендуетъ царю писать объ учителѣ къ константинопольскому патріарху Пароенію, который пришлетъ „къ царствію вашему благочестиваго учителя и богобоязненнаго и надобныхъ книгъ и иное что надобно по вашему царскому повелѣнію“. Самъ

прежь того не бывали“ (Греческія дѣла 7140 г. № 11). Въ отвѣтъ на эту присылку книгъ московской печати Кириллъ Лукарисъ и посылаетъ въ Москву греческія книги, которыя были напечатаны Лукарисомъ въ устроенной было имъ въ Константинополѣ греческой типографіи. Въ своей „Исторіи патріарховъ іерусалимскихъ“ Досноей говоритъ: „при Кириллѣ Лукарисѣ Никодимъ Метаксасъ, о которомъ упоминали выше, и нѣкоторые другіе принесли въ Константинополь греческую типографію и напечатали книгу Паламы и Схоларія, разговоры Моргунія о происхожденіи св. Духа, нѣкоторыя письма Мелетія александрійскаго и монаха Варлаама объ очистительномъ огнѣ, Гавріила Филадельфійскаго о пяти спорныхъ предметахъ. Но латиняне подарили великую сумму денегъ невѣрнымъ, которые и бросили типографію въ морѣ“. (Кн. 12, гл. IX, пар. 7).

Феофанъ обѣщался государю, съ своей стороны, „послужити и радѣти къ сему дѣлу“, и дѣйствительно прислалъ изъ Кіева „единого учителя премудраго и достойнаго для книгъ печатнаго дѣла“ константинопольскаго архимандрита Венедикта. Прибывъ въ Москву въ мартѣ 1646 года Венедиктъ долженъ былъ заняться здѣсь не учительствомъ въ школѣ и печатаніемъ греческихъ книгъ, а переводомъ книги съ латинскаго языка „объ индійскомъ царствѣ“, а затѣмъ онъ вскорѣ былъ высланъ изъ Москвы. — Въ 1649 году грекъ Иванъ Петровъ, по порученію нашего правительства, розыскалъ на востокѣ учителя „смышленаго еллинскому языку и разсудителя евангельскому слову“, учителя такого выдающагося, что подобнаго ему „второго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ“. Это былъ извѣстный Мелетій Сиригъ, который соглашался было ѣхать въ Москву, но сго туда не вызвали. А между тѣмъ въ это время нужный учитель самъ явился въ Москву. Это былъ извѣстный Арсеній грекъ, который прибылъ въ Москву въ 1649 году, вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, и былъ оставленъ у насъ въ качествѣ учителя риторики. Но вмѣсто учительства въ школѣ Арсеній, какъ извѣстно, попалъ на Соловки, откуда онъ былъ возвращенъ въ Москву патріархомъ Никономъ, но не для школьнаго учительства, а въ качествѣ переводчика книгъ и книжнаго справщика, такъ что учительствовать въ школѣ Арсенію вовсе не пришлось. Въ 1653 году въ Москву прибылъ новый греческій учитель съ рекомендательными грамотами восточныхъ патріарховъ. Это былъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріиль Власій, знавшій кромѣ греческаго и славянскій языкъ. Іерусалимскій патріархъ Паисій, которому государь поручилъ прискивать на востокѣ православнаго вполне надежнаго учителя, посылая Гавріила въ Москву для учительства въ ней, писалъ объ немъ государю: „повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единого учителя премудраго и православнаго и не имѣлъ-бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ и былъ бы далече отъ еритиковъ, и послати-бъ намъ ево ко святому вашему царствію поклонитесь, да учинить учительство и учить еллинскій языкъ, якоже она есть древня

отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ инымъ. И сего ради избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ, яко сего преосвященнаго митрополита Навпакта и Арты, пречестнаго экзарта всея Италіи, премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы, о святомъ Духѣ возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смиренія, господина Гавріила Власія, якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтается. И будучи въ такомъ дѣланіи и мудрости и разумѣ, почтилъ его блаженнѣйшій патріархъ александрійскій Іоанникей, о святомъ Духѣ возлюбленный братъ и сослужитель нашего смиренія, а мы почтили іво и намѣстникомъ своимъ учинили со властію, въ которомъ мѣстѣ не будещи, — отвѣщати за насъ во всѣхъ благочестивыхъ вопросахъ православные нашіе вѣры. И объявляючи боголюбезную мысль святаго вашего царствія, понудили его пріити для любви великаго вашего царствія, аще и труды понести и многіе убытки пріняти и погибели живота своего токмо идетъ на поклоненіе со прочими своими видѣти ваши царскіе очи и совершити дѣло съ великимъ радѣніемъ, что желаети святое ваше царство, — и великаго достоинства... А только будетъ произволить ваше царствіе быти учительству, якоже выше спорекли есми, и онъ готовъ есмь побыти колико время ему возможно, а мы ему также обѣщалися, что ему имѣти волю свою, а будетъ благодарить великое ваше царствіе. И онъ побудеть и многое время, покамѣста ученики отъ него отойдутъ, и противлятися будутъ съ еритиками и отвѣтъ будутъ давать обо всякомъ вопросѣ, и будетъ благодаритися великое ваше царствіе и всѣ бояре и князи, и будещи оставити вѣчное воспоминаніе въ похвалу и славу отъ всѣхъ царствъ и королевствъ“. Съ своей стороны константинопольскія патріархъ Іоанникій писалъ царю о митрополитѣ, что посылаетъ его въ Москву не надолгое время и что митрополитъ Гавріиль и „богословъ и православный въ родѣ нашемъ и что произволить великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ будетъ отвѣтъ держати благочестно и православно, якоже воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь; также и бла-

женнѣшіе о святомъ Духѣ возлюбленніи братья и сослужители нашего смиренія, александрійскій патріархъ господинъ Иоанникій и іерусалимскій господинъ Паисій, избрали ево намѣстника своею и въ грамотѣ своихъ о томъ объявленъ. И того ради молимъ великаго вашего царствія, да воспріемлете его любительно отверстыми нѣдры и честь ему повелите воздати не тако, яко инѣмъ, которые завсегда приходятъ къ вашему царскому величеству, но того ради, что онъ посланъ отъ насъ и отъ прочихъ двухъ блаженнѣйшихъ патріарховъ— александрійскаго и іерусалимскаго, и есть вѣрній и древній другъ и богомолецъ теплый блаженной памяти отцу вашему, святому царю и государю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Русіи, также и святому вашему царствію; да онъ же прислалъ къ великому вашему царствію двѣ книги еллинскимъ и словенскимъ языкомъ“. Но и Гавріилъ Власій не былъ оставленъ въ Москвѣ для учительства въ школѣ.²⁵⁾ Въ концѣ 1657 года въ Путивль прибылъ греческій архи-

²⁵⁾ Греческія дѣла 7161 г. № 5. Митрополитъ Власій явился въ Москву не въ качествѣ только школьнаго учителя, но въ качествѣ полномочнаго намѣстника трехъ восточныхъ патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго и іерусалимскаго, чтобы въ Москвѣ отвѣтъ держать: „что его спросятъ отъ богословія и изысканія церковнаго“. Это чрезвычайное посольство Гавріила Власія, какъ выдающагося ученаго и богослова, въ Москву для разрѣшенія тамъ, отъ лица восточныхъ патріарховъ, разныхъ богословскихъ и церковныхъ вопросовъ, находилось, очевидно, въ связи съ извѣстными „Преніями съ греками о вѣрѣ“ Арсенія Суханова, въ которыхъ принималъ участіе и Гавріилъ Власій. Сухановъ, въ своемъ „статейномъ спискѣ“ рассказываетъ, что іерусалимскій патріархъ Паисій, которому онъ заявилъ свое желаніе вести съ греками бесѣду о разностихъ греческаго и русскаго современнаго обряда, говорилъ ему: „скажи мнѣ, кто тебѣ надобенъ, съ кѣмъ тебѣ говорить: дасколь Лигаридій и дасколь митрополитъ Власій?—Арсеній говорилъ: владыко святой дай мнѣ кого изъ своихъ архимандритовъ, кого изволишь, а тѣ люди науки высокой, были во Царѣградѣ и во Александріи и въ Римѣ и многіе ереси заводили и того ради и царство ваше разорилось“... „Митрополитъ Власій Арсенію говорилъ: Арсеніе, о крестномъ знаменіи ни евангелисты, ни апостолы, никто не писалъ, какъ персты складать, то есть самоизвольное, но токмо подобаетъ крестообразно крестъ чинити, а то все добро и ереси и худы на Бога никакой въ томъ нѣтъ. Мы складаетъ великій перстъ съ двѣма верхними во образъ Троицы и тѣми крестимся, а вы складаете великій перстъ съ двѣма нижними во образъ Троицы, а двѣма верхними крести-

мандритъ Симеонъ и привезъ грамоты отъ Іерусалимскаго патріарха Паисія о государевыхъ дѣлахъ. Но при осмотрѣ грамотъ оказалось, что печати на грамотѣ не сошлись, съ образцомъ печати, какую нарочно оставилъ въ Москвѣ патріархъ Паисій, почему архимандрита Симеона въ Москву и не пропускали. Тогда онъ отъ 25 января 1658 года послалъ изъ Путивля челобитье къ п. Никону, что бы онъ приказалъ пропустить его въ Москву, „а мы дали слово, писалъ Симеонъ Никону, чтобы остатися на Москвѣ на царское имя и на твое святительское ученія ради русскихъ людей по гречески“. Симеона велѣно было отпустить въ Москву безъ задержанія, но далѣе архивное дѣло объ немъ затерено. Вѣроятно онъ былъ возвращенъ назадъ, такъ какъ греческій учитель архимандритъ Сименъ въ Москвѣ былъ неизвѣстенъ²⁶⁾.

Паисій Лигаритъ въ своемъ словѣ, въ заключеніе опроверженія Соловецкой челобитной, задавшись вопросомъ: велѣдствіе какихъ причинъ возникъ расколъ на Руси, находить, что расколъ произошелъ „отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыхъ книгохранительницъ“. Въ виду этаго Паисій настоятельно совѣтуетъ открыть на Руси училища. Обращаясь къ царю онъ говоритъ: „ты убо, о пресвѣтлый царю, подражай Феодосіемъ, Юстиніаномъ, и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенцевъ, ко ученію трехъ языковъ коренныхъ наипаче: греческаго, латинскаго и славенскаго. Имаши-бо, о благочестивѣйшіи царю, подъ своею крѣпкою рукою толико пребогатыхъ митрополи, толико преизобилующія архіепископші, толикая величайшая монастыри. Молю, да повелиши, во еже бы каждо сихъ начальниковъ, по мѣрѣ своихъ при-

теся,—тоже добро, одинако крестъ Христовъ воображается, но только намъ мнится наше лучше, что мы старіе“. (Рукоп. сборникъ московской публичной румянцевской бібліотеки № 712, л. 155 об. и 162). Неизвѣстно, спрашивали или нѣтъ Гавріила Власія въ Москвѣ о чемъ нибудь „отъ богословія и изысканія церковнаго“, а извѣстно только, что патріархъ Никонъ вопросъ о церковно-обрядовыхъ особенностяхъ тогдашней русской церкви предложилъ на рѣшеніе константинопольскаго патріарха и собора.

²⁶⁾ Греческія дѣла 7165 г. № 25.

ходовъ, толико имѣлъ приходоу и толико клирикъ препитати тщился, ради изученія сихъ трехъ языковъ. Подобне и архимандритове монастырей ти царскихъ тожде да творять. То-бо по мысли блаженныя памяти Іереміи патріарха и прочихъ собратій его будетъ народное добродѣтельство. Сіи бо святѣйшіе архіереи въ хризовулѣ ономъ постановленія патріарха Московскаго, подражающе судови собора, иже въ Труллѣ, велѣша все это явственнѣйшими словесы во оставшихъ увѣщаніяхъ²⁷⁾. Ибо отъ сего новаго училища Алексіевскаго, извѣстнаго извѣстней (т. е. несомнѣнно), изидуть, аки отъ коня троянскаго, христоименити борцы, иже о добродѣтели твоего пространнѣйшаго царства, о умноженіи сего чина церковнаго, и общей на послѣдокъ пользѣ всего христоименитаго гражданства ратовати будутъ. — Восточныя патріархи, бывшіе въ Москвѣ, александрийскій Паисій и антиохійскій Макарій, въ словѣ на Рождество Христово 1666 года, увѣщевали народъ и царя взискать премудрость. „Видите, говорится въ поученіи, яко во мнозѣхъ отъ васъ не имѣеть премудрость мѣста, идѣже главу приклонити, скитається она якоже Христосъ премудрость Божія въ Виѣлеемстѣ вертепѣ, и нѣсть взыскай ея... Оставивши греческій языкъ и небрегуще о немъ, оставили есте и мудрость и аки оземствовасте (изгнали) ю. Странни ради и противни вѣрѣ православной, на западѣ обитающіи, греческій языкъ, яко свѣтильникъ держать, ради мудрости его, и училища его назидаютъ. Арапове же не хиротонисаютъ и одинаго, не искусна суца греческому языку. И ти ради примнози за корень премудрости еллинскій нашъ языкъ имѣють, и того ради; *Святый Боже, херувимскую тѣсн.*, поють по гречески и возгласы еллинскимъ языкомъ творять, якоже грузи, сербы, болгаре, мултяне и во-

²⁷⁾ Константинопольскій соборъ 1593 года, утвердившій патріаршество въ Россіи, въ седьмой главѣ своихъ опредѣленій говоритъ: „святый соборъ вмѣняетъ въ обязанность каждому епископу въ его епархіи заботиться и уотреблять всевозможные способы, чтобы, кто можетъ, изучалъ божественныя и священныя писанія, и оказывать посильную помощь какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться“ (Дѣянія собора 1593 г. напечатаны п. Никономъ въ Скрижали).

лоси. Здѣ точію лѣности ради зѣло обезцѣнися (греческій языкъ). Взъщитеже ея (премудрости) толь мощнѣ, якоже искаху ея величіи вселенныя учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аванасій Великій, Діонисій Ареопагитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и иніи многочисленни свѣтильницы церкви. Ниже отрицайтесь неимѣніемъ училища; ибо аще взъщете, дастъ предвѣчная мудрость до сердца блабочестиваго самодержца таково хотѣніе, еже училище построити и учителя стяжати въ семь царствующемъ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ“. Затѣмъ обращаясь къ царю патріархи говорили: „положи отнынѣ въ сердцѣ своемъ еще училища, такъ греческая, яко славенская и иная назидати; спудевъ милостию ей и благодатию умножати, учителя благоискусныя взискати, всѣхъ же честыи на трудолюбіе поощрати. То аби узриши многія ученія тщатели, а въ малѣ времени примещи, дастъ Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣмень“²⁸⁾. Въ 1667 году съ турецкимъ нашимъ посломъ Нестеровымъ адрианопольскій митрополитъ Неофитъ писалъ государю: „чтобъ царское величество изволилъ учинить въ царствующемъ градѣ Москвѣ училище еллинскаго языку, а къ тому училищу отъ многихъ странъ христіане прибѣгутъ, и если изволилъ царское величество къ нему отписать, и онъ для того ученія пришлетъ учителей двухъ челоуѣкъ добрыхъ, а имъ де для порабоженія ученіе имѣть неможно“²⁹⁾.

Такъ заботились восточныя іерархи о томъ, что бы въ Москвѣ было устроено Греческое училище. Но эти заботы долгое время не приводили ни къ какимъ практическимъ результатамъ, — греческой школы у насъ не устроилось. Наше правительство охотно оставяло въ Москвѣ ученыхъ грековъ, но оно имѣло въ виду получить въ лицѣ ихъ главнымъ образомъ и по преимуществу свѣдущихъ переводчиковъ книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ, свѣдущихъ справщиковъ книгъ и вообще людей образованныхъ, научными свѣдѣніями которыхъ оно могло-бы пользоваться въ извѣстныхъ случаяхъ. Конечно эти ученые православные иностранцы могли зани-

²⁸⁾ Приб. къ Твор. св. Отцевъ 1845 г. кн. III, статья: „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи“.

²⁹⁾ Турецкіе статейные списки № 8, л. 332

маться у насъ и учительствомъ, но только частно, безъ вмѣшательства и посредства правительства, по частному договору съ тѣми лицами, которые бы пожелали у нихъ чему нибудь поучиться, такъ что ихъ учительство было частное, домашнее, а не официальное и публичное, въ нарочно устроенной для того правительственной школѣ, съ опредѣленною правительствомъ одобренною программю. Объ устройствѣ же правильной, постоянной школы наше правительство въ то время думало очень мало, такъ какъ оно еще не доросло тогда до яснаго пониманія, что открывшаяся въ началѣ XVII вѣка въ русскомъ обществѣ потребность въ разныхъ знаніяхъ, въ расширеніи прежняго образованія, можетъ быть удовлетворена только съ помощію правильно устроенной средней или высшей школы. Наше правительство на первыхъ порахъ думало, что эта потребность въ образованіи можетъ быть удовлетворена другимъ путемъ,—путемъ, такъ сказать, увеличенія матеріала для чтенія, увеличеніемъ количества книгъ по разнымъ отраслямъ знаній, почему оно, оставляя ученыхъ иностранцевъ въ Москвѣ, требовало прежде всего отъ нихъ, не устройства школы, а переводовъ книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ³⁰⁾. Дѣло тутъ заключалось, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ.

Единственный способъ приобрѣтать разныя знанія, извѣстный русскому въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, состоялъ въ томъ, что онъ сначала обучался у какого нибудь мастера чтенію и письму, а затѣмъ уже самостоятельно читалъ тѣ книги, какія тогда вращались въ обществѣ и были ему доступны. Это послѣднее—самостоятельное чтеніе книгъ, дѣлало тогдашняго человѣка въ глазахъ общества лицомъ образованнымъ, ученымъ. О школахъ общественныхъ и правительственныхъ, въ которыхъ-бы систематически преподавался извѣстный кругъ наукъ, о полученіи образованія внѣ начетчества, русский человѣкъ не имѣлъ представленія, и потому начетчество считалъ единственно правильною и возможною для него системою приобрѣтенія всякихъ научныхъ знаній. Когда въ

³⁰⁾ Подробныя доказательства этой мысли см. въ нашей статьѣ: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія славяно-греко-латинской академіи“ (Приб. къ Твор. св. Отцевъ 1889 г. кн. III).

началѣ XVII вѣка въ нашемъ обществѣ возникъ настоятельный запросъ на болѣе широкое и разностороннее образованіе, нежели какое получилось ранѣе, когда явилась у насъ потребность въ новыхъ знаніяхъ и свѣдѣніяхъ, какія уже не могли быть добыты изъ прежнихъ вращавшихся въ русскомъ обществѣ книжекъ, тогда естественно явилось у насъ стремленіе удовлетворить этой новой народившейся потребности въ расширеніи прежнихъ знаній, за что довольно энергично и взялось само правительство. Оно стремится вызвать въ Москву и водворить здѣсь ученыхъ людей, особенно знающихъ языки греческій и латинскій, но не съ тѣмъ, что-бы съ ихъ помощію устроить въ Москвѣ правильно организованную правительственную школу и водворить у насъ невѣдомую доселѣ школьную науку, а съ тѣмъ, что-бы ученые прежде всего занялись въ Москвѣ по указаніямъ правительства переводами нужныхъ книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ и тѣмъ, такъ сказать, ввели бы въ русское общество нужныя ему новыя знанія и свѣдѣнія, обновили-бы и расширили запасъ старыхъ знаній, оказавшихся или недостаточными или устарѣвшими. Для достиженія этой цѣли нужна была, по мнѣнію русскихъ, не средняя или высшая школа, значеніе которой они тогда еще ясно не представляли себѣ, а нужны были прежде всего новыя книги, изъ которыхъ уже каждый самъ, съ помощію простаго чтенія, могъ бы извлечь нужныя и потребныя ему свѣдѣнія,—самостоятельное чтеніе книгъ, по ихъ представленію, вполне могло замѣнить собою школьное систематическое изученіе извѣстнаго круга наукъ. Въ виду этого русскіе думали, что имъ нужно позаботиться прежде всего не объ устройствѣ греко-латинской школы, которая въ ихъ представленіи являлась пока еще какою то излишнею роскошью, а объ усиленныхъ переводахъ книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ, нужду, необходимость и полезность этого дѣла они представляли себѣ ясно. Подмѣтить и признать съ перваго раза несостоятельность и непригодность своей вѣковой, привычной имъ системы образованія—системы начетчества, русскіе естественно не могли, а потому они и не могли сразу же стремиться замѣнить старую систему начетчества, какъ несостоятельную, новою, которая дается правильно устроенной средней или высшей школой. А пока

русские оставались въ увѣренности, что можно сдѣлаться чело-
вѣкомъ свѣдущимъ и образованнымъ съ помощію простаго
начетчества, лишь-бы только было что читать, пока до-
стоинства этой обычной для нихъ системы образованія не были
поколеблены въ ихъ глазахъ; до тѣхъ поръ, очевидно, у
нихъ не могло быть и никакихъ особыхъ побужденій энер-
гично и дѣятельно заботиться объ устройствѣ въ Москвѣ
греко-латинскихъ школъ, и, наоборотъ, были прямыя побуж-
денія усиленно заботиться объ увеличеніи переводовъ книгъ
съ разныхъ языковъ. Этимъ, по нашему мнѣнію, и объяс-
няется то любопытное явленіе, что русское правительство,
вызывая въ Москву разныхъ ученыхъ грековъ и южно-рус-
совъ между прочимъ и для учительства, на первыхъ порахъ
не стремилось однако съ ихъ помощію устроить въ Москвѣ
среднюю или высшую школу, а только требовало отъ нихъ
переводнической дѣятельности, вслѣдствіе чего вызванные въ
Москву учителя становятся здѣсь не учителями школъ, а пра-
вительственными переводчиками книгъ съ греческаго и латин-
скаго языковъ.

Появленіе раскола нанесло, въ представленіи передо-
ваго большинства, смертельный ударъ старой системѣ обра-
зованія съ помощію простаго начетчества. Всѣ главнѣйшіе
расколуучители были воспитаны на этой системѣ, ей они были
обязаны всѣми своими знаніями и своею относительною и
своеобразною ученостію, они были самыми полными и вмѣстѣ
сильными и выдающимися ея представителями,—а между тѣмъ
къ чему привела однако воспитавшая ихъ система образова-
нія? Къ отдѣленію отъ церкви, къ расколу. Ученые право-
славные иностранцы, знакомясь съ зарождавшимся у насъ
расколомъ и призываемые правительствомъ къ борьбѣ съ
нимъ, въ одинъ голосъ заговорили тогда, что вина раскола
лежитъ въ невѣжествѣ расколуучителей, проистекающемъ
однако не отъ отсутствія у нихъ всякихъ знаній и всякаго
образованія вообще, а отъ отсутствія у нихъ обученія школь-
нымъ наукамъ, отъ того, что они „на брезѣ грамматическаго
разума и въ мелкости ея утопаютъ“, что они, бесѣдуя о
богословіи, „ниже малѣйшимъ перстомъ прикоснулись ея“³¹⁾,

³¹⁾ Жезль правленія, л. 17 об. и 20.

т. е. что они не прошли правильной школы, не изучали си-
стематически никакихъ наукъ, а выросли на одномъ только
начетествѣ. И для передовыхъ православныхъ русскихъ ста-
новилось теперь все болѣе и болѣе очевиднымъ, что простое
чтеніе книгъ, безъ предварительной школьной подготовки, не
только не удовлетворительно въ смыслѣ образовательномъ,
но можетъ быть прямо вреднымъ и въ отношеніи религіоз-
номъ, такъ какъ ведетъ къ неправильному пониманію и тол-
кованію Писанія неученымъ его читателемъ. Въ виду этого
система начетчества, практиковавшаяся ранѣе, окончательно
потеряла кредитъ въ глазахъ православныхъ, которые теперь
стали стремиться замѣнить ея новою системою,—школьнымъ
обученіемъ разнымъ наукамъ, такъ какъ люди изучившіе грам-
матику, а тѣмъ болѣе философію и богословіе, не будутъ,
говорилось тогда, „на святыхъ книги пороковъ наводить“³²⁾.

Но какъ скоро вопросъ о необходимости устройства въ
Москвѣ настоящей школы былъ рѣшенъ у насъ окончательно,
сей-часъ же возбужденъ былъ другой вопросъ, внушенный
главнымъ образомъ вѣроисповѣдными опасеніями, именно во-
просъ о томъ, какому языку слѣдуетъ дать преобладающее
значеніе въ будущей московской школѣ: греческому или ла-
тинскому. Вопросъ для современниковъ очень важный по
тѣмъ практическимъ послѣдствіямъ, какія ожидались отъ такого
или иного его рѣшенія.

Предъ глазами тогдашнихъ русскихъ стояли два ученыхъ
дѣятеля современника, оба выходцы южно-руссы, оба ученые
и даровитые, оба воспитанники одной и той же кievской
школы, оба одновременно жили въ Москвѣ и обращали на
себя всеобщее вниманіе своею ученою дѣятельностію, сво-
ими работами и сочиненіями. Это были Елифаній Славинец-
кій и Симеонъ Полоцкій. Москвичи приглядывались къ этимъ
выдающимся выходцамъ, къ характеру ихъ учености, и ко
всей ихъ вообще московской жизни и дѣятельности, и нашли
между ними самое глубокое различіе, такъ что потомъ стали
характеризовать ихъ какъ будто двѣ противоположности. Если
мы прислушаемся къ этимъ характеристикамъ современниками

³²⁾ Цвѣтъ, л. 264.

указанныхъ двухъ дѣятелей. то намъ понятными станутъ тѣ причины, которыя вызвали у насъ споры о томъ, какой языкъ долженъ господствовать въ будущей Московской школѣ: греческій или латинскій.

„Епифаній Славинецкій, говоритъ современникъ, мужъ многоученный, нетокмо грамматики и риторики, но и философи и самыя еологии извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсудитель, и опасный претолковникъ греческаго, латинскаго, славенскаго и польскаго языковъ“³³). „Онъ былъ мужъ, говоритъ тоже современникъ, въ благочестии знатный и ученій“. И вообще всегда, когда современникамъ приходилось говорить объ Епифаніи, они говорятъ объ немъ съ великимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ не только великой учености и мудрости, но и ревнителѣ православія, какъ о человѣкѣ, который въ вопросахъ вѣры и церкви, можетъ считаться авторитетомъ. Такое положеніе въ московскомъ обществѣ Епифаній занялъ, по объясненію современниковъ, вслѣдствіе того, что онъ былъ большимъ знатокомъ и любителемъ греческаго языка, благодаря чему онъ читалъ и изучалъ по преимуществу греческихъ православныхъ отцевъ и учителей церкви, на которыхъ построено было все его образованіе и развитіе. Епифаній читалъ и книги латинскія, но онѣ не были для него вредны, потому что все идущее съ иновѣрнаго запада, провѣрялось у него православнымъ греческимъ; не западные отцы и латинскіе церковные писатели. но восточные отцы и греческіе церковные писатели были для него единственными учителями, руководителями и авторитетами въ дѣлахъ вѣры и церкви, почему всѣ его сужденія и вся его дѣятельность были проникнуты духомъ строгаго православія и возбуждали къ себѣ въ москвичахъ довѣріе и уваженіе.

Совсѣмъ иное было съ Симеономъ Полоцкимъ. Современникъ, похвалившій Епифанія какъ мужа многоученнаго и философа, тутъ же говоритъ сей-часъ и о Симеонѣ: „бѣже и инъ нѣкто іеромонахъ, Симеонъ Полоцкій зовемый, пришедшій изъ града Полоцка, державы краля польскаго. И той учи-

³³) Остенъ, стр. 70.

выйся, но не толико,—не бо бысть философъ, и то токмо учися, яко обычай есть полякомъ и литваномъ по латинскимъ по польски, греческаго же писанія ничто же знаеше“. Но мало того, что Полоцкій не былъ философъ, онъ, въ своихъ писаніяхъ написа латинскаго зломудрованія нѣкыя ереси, аще отъ неискства, аще ухищренно совѣсть его вѣсть“. Современники обращались къ сочиненіямъ Симеона, и въ нихъ находили полное оправданіе и подтвержденіе своего суроваго приговора объ немъ. Въ своихъ сочиненіяхъ приводя мѣста изъ Св. Писанія, Полоцкій слѣдуетъ не переводу семидесяти, признаваемому православною церковію, а латинскому переводу Іеронимову, который онъ ставитъ выше греческаго. Въ изложеніи догматовъ вѣры Полоцкій слѣдуетъ не никейскому символу, который признаетъ православная церковь, а символу такъ называемому апостольскому, признаваемому латинскою церковію. Полоцкій ссылается на отцевъ и учителей церкви, но по большей части на западныхъ, а не восточныхъ: Августина, Іеронима, котораго вмѣстѣ съ латинянами называетъ даже святымъ, на Григорія Двоеслова и проч. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ пользуется не греческими, а западными церковными писателями, онъ, по словамъ патріарха Іоакима, *Вънецъ вѣры* сплелъ „не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ богоносныхъ отецъ словесъ, но изъ бодливаго тернія на западѣ прозябшаго новшества, отъ вымышленій Скотовыхъ, Анзелмовыхъ и тѣмъ подобныхъ еретическихъ блядословій“³⁴). Въ самыхъ своихъ проповѣдяхъ онъ ссылается на премудраго Ансельма Кентерберійскаго, на іезуита Беллармина и т. под. Эта очевидная склонность Симеона ко всему латинскому, которое онъ предпочиталъ греческому, объясняется, по мнѣнію современниковъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ получилъ одностороннее латинское образованіе, зналъ одинъ латинскій языкъ и читалъ только латинскія книги. Симеонъ, говоритъ современникъ, „книги латинскія токмо чташе, греческихъ же книгъ чтенію не баше искусень, того ради мудрствоваше латинская новоизмышленія

³⁴) Ibid. стр. 132.

права быти; у иезуитовъ бо кому учившуся, поясняетъ современникъ, невозможну быти православному весма, восточныя перкве истинному сыну“. И нельзя сказать, чтобы современники Симеона происхождение его латинскихъ симпатій объясняли невѣрно, когда говорили, что онъ коренится въ томъ, что онъ зналъ и изучалъ только латинскій языкъ и не зналъ языка греческаго. Въ то время латинскій языкъ не былъ только языкомъ науки, но и языкомъ латинства, латинская школа носила строго вѣроисповѣдной католическій характеръ, такъ что всякому православному, обучавшемуся въ латинскихъ школахъ, нужно было, хотя бы только на время и внѣшно, отречься отъ православія. Человѣкъ воспитавшійся въ латинской школѣ и только на латыни, читавшій только латинскія книги, необходимо и несознательно всасывалъ въ себя разныя латинскія мнѣнія и воззрѣнія, чуждыя православію, сроднялся невольню съ католичествомъ, невольню на многое начиналъ смотрѣть латинскими глазами, привыкалъ въ затрудненіяхъ прибѣгать къ латинскимъ авторитетамъ, въ ихъ духъ и по ихъ указаніямъ рѣшать возникавшіе церковные вопросы и недоумѣнія и невольню, часто незамѣтно для себя, отрывался отъ православной почвы и становился орудіемъ, хотя бы и несознательнымъ, пропаганды латинскихъ воззрѣній въ православной средѣ. Полоцкій служилъ для современниковъ живымъ убѣдительнымъ тому примѣромъ, особенно когда его ученики и послѣдователи, какимъ на примѣръ былъ извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ, стали проводить нѣкоторыя его латинскія воззрѣнія далѣе и ради нихъ даже открыто возстали противъ церковной власти.

Итакъ Полоцкій, его ученики и послѣдователи, изучавшіе одинъ только латинскій языкъ, читавшіе однѣ только латинскія книги, наглядно убѣждали собою ревнителей православія, что изученіе одного только латинскаго языка безусловно вредно для русскихъ, такъ какъ оно ведетъ нерѣдко къ зараженію православныхъ латинствомъ чрезъ усвоеніе, хотя бы и несознательное, латинскихъ воззрѣній, всегда заключающихся въ латинскихъ книгахъ. Въ виду этого допустить въ московской школѣ исключительное господство латинскаго языка, значило бы, по мнѣнію ревнителей пра-

вославія, открыть свободный, безпрепятственный доступъ въ русскую православную среду всевозможнымъ латинскимъ заблужденіемъ, значило бы изъ будущихъ воспитанниковъ московской школы приготовить сторонниковъ латинства и враговъ православія. Поэтому ревнители православія въ Москвѣ употребляли съ своей стороны всѣ усилія доказать, что въ будущей московской школѣ первымъ и господствующимъ языкомъ долженъ быть греческій, а не латинскій, и что при такой постановкѣ школьнаго дѣла просвѣщеніе у насъ не только ничего не проиграетъ, но еще и выиграетъ. Напротивъ сторонники у насъ такъ называемаго „латинскаго ученія“, доказывали, что въ будущей московской школѣ главнымъ и господствующимъ языкомъ долженъ быть латинскій, а не греческій, такъ какъ латинскій языкъ есть общепризнанный языкъ школы, науки, международныхъ сношеній, языкъ изучаемый всѣми образованными народами, безъ котораго невозможно истинно научное образованіе³⁵).

Въ этомъ московскомъ спорѣ между сторонниками „греческаго ученія“ и „ученія латинскаго“ принялъ живое и дѣятельное участіе Досиѳей, какъ крайній приверженецъ „греческаго ученія“ и рѣшительный противникъ „латинскаго ученія“.

Въ 1681 году въ Москву прибылъ изъ Константинополя русскій іеромонахъ Тимоѳей, пробывшій на востокѣ не менѣе

³⁵ До насъ дошли двѣ записки сторонниковъ „греческаго ученія“, въ которыхъ доказывается, что греческій языкъ имѣетъ за себя рѣшительныя преимущества предъ латинскимъ и что особенно русскимъ слѣдуетъ изучать именно греческій, а не латинскій языкъ. Первая записка носитъ заглавіе: „Доводъ вкратцѣ: яко ученія и языкъ эллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ ползуетъ славенскому народу“. Она въ полномъ видѣ напечатана въ нашей статьѣ: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія Славятино-греко-латинской Академіи“ (Приб. къ твор. св. отцевъ, 1889 г. кн. III.. Тамъ же нами напечатано подробно содержаніе и второй записки, носящей заглавіе: „Учитися ли намъ полезнѣе грамматикѣ, риторикѣ, философій и теологій и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писанія, или, неучася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати, и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати,—и что лучше російскимъ людемъ учитися греческаго языка, а не латинскаго“.

четырнадцать лѣтъ. Цѣлыя пять лѣтъ Тимоеей прожилъ въ Константинополѣ на іерусалимскомъ подворьѣ у патриарха Досиея, съ благословенія котораго онъ и отправился 20-го октября 1680 года въ Россію. Досиеей уже имѣлъ свѣдѣнія о томъ, что въ Москвѣ рѣшились окончательно открыть греческую или латинскую школу и что тамъ теперь идетъ борьба между сторонниками ученія латинскаго и греческаго; почему, отправляя Тимоеея въ Москву, онъ вѣроятно далъ ему наказъ позаботиться о немедленномъ открытіи въ Москвѣ именно греческаго училища¹⁾. Въ грамотѣ къ патриарху Іоакиму въ началѣ 1682 года Досиеей пишетъ: „аще кто (въ Москвѣ) ученія ищетъ еллинскому языку, учитися, а не другому, якоже пространнѣе написахомъ іеромонаху Тимоеею“. Ясно отсюда, что Досиеей переписывался съ Тимоееемъ о Московской школѣ и отъ него конечно онъ узналъ, что въ Москвѣ удалось открыть въ 1681 году именно греческую школу такъ называемое Типографское греческое училище, и что такимъ образомъ сторонники „греческаго ученія“, благодаря прибытію въ Москву Тимоеея, сдѣлавшагося начальникомъ вновь открытой греческой школы, восторжествовали надъ сторонниками латинскаго ученія. Желая еще болѣе прочно укрѣпить положеніе московскихъ сторонниковъ „греческаго ученія“, Досиеей въ маѣ 1682 года посылаетъ государю разрѣшительную грамоту патриарху Никону и въ тоже время, пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, пишетъ царю и о московской школѣ. „Благодаримъ Господу Богу, пишетъ онъ государю, яко во дни святаго вашего царствія благоволи быти въ царствующемъ градѣ еллинской школѣ: еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостолъ, еллини бѣше святіи отцы, еллински написася Дѣянія святыхъ соборовъ и святыхъ отцовъ писаніе и всѣ святыя церкви книги. И сіе есть божественное дѣло, еже учити

1) Свѣдѣнія о начальникѣ Типографскаго училища іеромонахѣ Тимоееѣ, о томъ, что онъ возвратился въ Москву съ востока не въ 1679 году, какъ утверждаетъ Ѳеодоръ Поликарповъ, а въ 1681 году, когда значить и основано было Типографское училище изложены нами въ вышеупомянутой нашей статьѣ: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ“.

христіанамъ греческій языкъ, во еже разумѣти книги православыя вѣры, якоже писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно, и наипаче: дабы отдалени были отъ латинскихъ, иже исполнени суть лукавства и прелести, ереси и безбожства. Благодаримъ убо Бога о семъ и молимъ блаженную и святую вашу душу, во еже утвердити и умножити, да пребудеть вѣчная ваша и безсмертная память у Бога и человека³⁶⁾. Такъ желалъ Досиеей „утвердить и умножить“ греческое ученіе въ Москвѣ, желали этаго и въ Москвѣ; такъ какъ понимали, что Типографская школа, гдѣ обучали только греческому и славянскому чтенію и письму, была недостаточна. Въ Москвѣ нуждались въ такой школѣ, въ которой бы преподавался цѣлый кругъ наукъ, которая бы дала не элементарное, а научное образованіе. Но іеромонахъ Тимоеей, начальникъ и учитель Типографскаго училища, какъ самъ неполучившій школьнаго научнаго образованія, изучившій греческій языкъ только практически, не могъ поэтому возвысить Типографское училище на степень средней или высшей школы; для этаго нужны были иные люди,—люди серьезно образованные, прошедшіе высшую школу наукъ. Такіе люди дѣйствительно и явились въ Москву,—это были извѣстные братья Лихуды.

6-го марта 1685 года, рассказываютъ такъ называемые „греческіе статейные списки“, пріѣхали въ Москву къ великимъ государямъ „греческіе породы философіи и богословіи учителя и святаго Евангелія проповѣдателіе Іоанникій и Софроній“. Они представили листъ отъ гетмана Ивана Самойловича къ государямъ, гдѣ гетманъ пишетъ, что учителя греки Іоанникій и Софроній Лихуды дали о себѣ ему, гетману, такое показаніе: „ѣдутъ совершеннымъ намѣреніемъ къ царствующему великому граду Москвѣ, для такой причины: когда отъ брата вашего, блаженные и святые памяти великаго государя, царя и великаго князя, Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, его царскаго пресвѣтлаго величества, былъ въ Царьгородѣ посломъ дьякъ Прокофій Возницынъ, тогда чрезъ него ихъ

36) Собр. гос. гр. и дог. IV, 421—422.

монаршеское святѣйшему патріарху вселенскому внесено было слово, дабы онъ, святѣйшій патріархъ, сыскалъ людей разумныхъ греческаго исповѣданія, которые бы философіи и богословіи ученіе изслѣдовали, и прислалъ бы ихъ къ нему, великому государю, къ Москвѣ для наученія младенцовъ. И онъ святѣйшій патріархъ еще вскорѣ и не возмоглъ такихъ получить, обаче минувшу времени сыскалъ съ Фессалонійскаго города ихъ Іоанникія и Софронія, и видѣ ихъ добрѣ въ философіи и богословіи суще наказанныхъ, указалъ имъ въ путь итти къ царствующему великому граду Москвѣ къ вамъ великимъ государемъ, единымъ подъ солнцемъ правовѣрнымъ монархомъ и они, воспріявъ путь свой, шли на польскую землю "... Въ Москвѣ въ Посольскомъ Приказѣ Лихуды показали при распросѣ, что они родные братья, жители города Кефалонія монастыря пречистыя Богородицы Панагія Іерія. Въ 1683 году „для благословенія ради“ поѣхали они въ Царьградъ ко вселенскимъ патріархамъ, были у нихъ у благословенія и прожили въ Константинополѣ пять мѣсяцевъ. „И въ Царьгородѣ призывали ихъ Іоанникія и Софронія александрійскій и антїохійскій патріархи и говорили имъ, чтобъ они поѣхали въ царствующій градъ Москву къ великимъ государемъ, ихъ царскому величеству, и увидѣли ихъ государскіе пресвѣтлыя царскіе очи и были бѣ у святѣйшаго патріарха у благословенія, и богословіе и граматическое и философское ученіе себѣ объявили; а имъ де вселенскимъ патріархомъ по волѣ великихъ государей, ихъ царскаго величества, велѣно приывать въ царствующій градъ Москву ученыхъ людей чрезъ посла дьяка Прокофья Возницына. И они де, увидавъ желаніе великихъ государей чрезъ посла Прокофья Возницына и прошеніе вселенскихъ патріарховъ, взявъ у вселенскихъ патріарховъ свидѣтельствоваанный за руками листъ изъ Царьгорода къ Москвѣ поѣхали въ прошломъ во 192 (1684) году іюля въ 3 день“. „А къ великимъ государемъ и къ святѣйшему патріарху отъ вселенскихъ патріарховъ грамотъ съ ними никакихъ не прислано, а не послали де вселенскіе патріархи грамотъ своихъ съ ними, Іоанникіемъ и Софроніемъ, къ великимъ государемъ и къ святѣйшему патріарху для того,

что опасаяся въ то военное время отнятія у нихъ отъ турковъ или отъ татаръ на дорогѣ. И тѣ выше объявленные листы: святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ свидѣтельствоваанная заручная грамота, да листъ гетманской приняты и переведены“³⁷⁾.

Въ приведенныхъ показаніяхъ Лихудовъ, данныхъ ими гетману и въ Москвѣ въ Посольскомъ Приказѣ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что онѣ нѣсколько несходны между собою. Гетману они заявили, что посоль Возницынъ поручилъ прискивать учителей *константинопольскому* патріарху, который и послалъ ихъ въ Москву. Въ Посольскомъ же Приказѣ они заявили, что Возницынъ поручилъ прискивать учителей патріархамъ *александрійскому и антїохійскому*, которые, а не константинопольскій патріархъ и послали ихъ въ Москву. Въ предисловіи къ своей книгѣ „Мечеть Духовный“ Лихуды говорятъ, что они „благословенія ради и огляданія отъидоша въ Константинополь при патріаршествѣ Діонисія“, который, послѣ удостовѣренія въ ихъ правовѣрїи и учености, „даде имъ власть соборомъ священное Евангеліе на амвонѣ патріаршаго престола проповѣдати; и сіе множицею проповѣдаху присутствующимъ святѣйшимъ патріархомъ, митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ и клирикомъ. Потомъ же общимъ разумомъ всего священнаго собора, грамотами соборнѣ своими руками святѣйшихъ патріарховъ и архіереовъ запечатанными, послашася въ православноѣйшее и святое царство московское“. Изъ этого позднѣйшаго показанія Лихудовъ оказывается, что они были посланы въ Москву не тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ патріархомъ, а „общимъ разумомъ всего священнаго собора“, причемъ о послѣ Возницынѣ уже вовсе не упоминается. Въ другомъ сочиненіи Лихудовъ „Акосѣ“ говорится, что константинопольскому патріарху пришла „славная вѣсть, блаженныя памяти благочестивѣйшаго, тишайшаго и державнѣйшаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича.... чрезъ живущій гласъ тогдашняго посла достигоша въ Константино-

37) Греческіе статейные списки № 8, л. 30—32.

градъ, о двоихъ или болше восточныя церкви учителей съ чистою совѣстію, кромѣ всякія новости и примѣшенія чуждыхъ мудрованій кромѣ преданія восточныя церкви; отнудуже, Богу благоволившу, общимъ совѣтомъ всесвятѣйшаго нашего господина и владыки и селенскаго патріарха киръ Діонисіа и другаго... патріарха, бывшаго Константина града киръ Діонисіа, селенскій престоль агарянскаго ради мученія оставившаго, и блаженнѣйшаго патріарха великаго града Александріи и судія селенныя киръ Пароеніа... и святаго града Іерусалима патріарха киръ Досіоеа, и сосѣдѣвшихъ имъ преосвященныхъ архіереевъ же и честнѣйшихъ клириковъ, посланомся въ сіе благочестивѣйшихъ державнѣйшее велие царство московское“. Здѣсь опять говорится, что Лихуды посланы были въ Москву цѣлымъ соборомъ, на которомъ присутствовали три восточныхъ патріарха, исключая антиохійскаго, который, значить, въ посылкѣ Лихудовъ въ Москву не принималъ никакого участія, хотя ранѣе Лихуды заявляли, что они были посланы въ Москву патріархами александрійскимъ и антиохійскимъ. Эти указанія нами разности въ показаніяхъ самихъ Лихудовъ относительно того, кто и при какихъ обстоятельствахъ послалъ ихъ въ Москву, подали поводъ ихъ современнику и врагу, извѣстному Сильвестру Медвѣдеву, обличать ихъ въ лживости показаній, утверждать, что они вовсе не были посланы въ Москву восточными патріархами, а явились сюда самовольно ³⁸⁾.

38) Въ своемъ сочиненіи „Извѣстіе истинное“ Медвѣдевъ, отвѣчая на вопросъ, почему въ Москвѣ всѣ духовныя власти такъ сильно ввѣрились Лихудамъ, отвѣчаетъ: „того ради, яко они въ началѣ своего къ Москвѣ пріѣзду, егда имъ единою въ допросѣ своемъ въ государственномъ Посольскомъ Приказѣ удася соглати и тоя ихъ явныя лжи нитже явися обличитель, но во истинную правду то имъ вмѣнили, еже они сами о себѣ повѣдали, яко они по указу блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, чрезъ призваніе патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго, взявъ у всѣхъ патріарховъ свидѣтельствоваанный листъ, пріѣхали въ Москву къ великому государю и къ святѣйшему патріарху... Они въ своемъ распросѣ повѣдаша, еже они по государеву указу въ царствующій градъ Москву къ великому государемъ и къ святѣйшему патріарху пріѣхали

Намъ кажется, что самое достовѣрное свидѣтельство о посылкѣ Лихудовъ въ Москву даетъ патріархъ Досіоей. Въ грамотѣ 1693 года къ государямъ онъ представляетъ это дѣло такъ: „радѣюще, пишетъ онъ, о умноженіи и прибавленіи православному роду, помыслили послати учителя нѣкоего

по приказанію александрійскаго и антиохійскаго патріарховъ. И еще бы то правда была, и тѣ бы патріархи о томъ писали съ ними къ великимъ государемъ нашимъ и къ святѣйшему патріарху, но тѣ патріарси съ ними о томъ къ великимъ государемъ и къ святѣйшему патріарху не писаша; и того ради явѣ, яко они, хотяще здѣ народъ православный прельстити и вѣрѣ нашей православнѣй смущеніе сотворити, то солгаша. А потомъ познавше они, еже сами себѣ своею ложью бѣдство сотвориша, яко въ распросѣ своемъ повѣдаша отъ александрійскаго и антиохійскаго патріарховъ въ московское царствіе призванныхъ быти, а не отъ царградскаго патріарха. А грамоты къ царскому величеству и къ святѣйшему патріарху отъ александрійскаго и отъ антиохійскаго патріарховъ о себѣ они, развѣ отъ царградскаго патріарха, по ихъ самихъ челобитью, проѣзжіе грамоты не имѣютъ и у той антиохійскаго патріарха руки явѣтъ. Умыслиша себѣ въ народѣ сицвое ложное оправданіе сотворити, нещущо, яко того ихъ распроса и проѣзжей грамоты отъ народа развѣ государственнаго Посольскаго Приказу никтоже вѣсть; книги своея (юже они, писавше, великимъ государемъ и великойъ благовѣрной государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексіевнѣ подаша) въ предисловіи дерзнуша написати, яко они отъ царградскаго и отъ другаго прежде бывшаго царградскаго Діонисіа и отъ александрійскаго и отъ Іерусалимскаго патріарховъ къ Москвѣ присланы, а антиохійскаго уже, его же они прежде въ распросѣ своемъ повѣдаша ихъ къ Москвѣ призывающаго, не воспоминаша, занеже у проѣзжей ихъ грамоты руки его не обрѣтается; и тѣмъ ложь ихъ свѣтло всякому показуется, ибо яко прежде въ распросѣ они на антиохійскаго патріарха, яко ихъ призываше, а о царградскомъ умолчаше, солгаша: тако нынѣ въ той книгѣ на царградскихъ и на александрійскаго и іерусалимскаго патріарховъ въ ихъ къ Москвѣ призываніи явную ложь пишутъ. Ибо еще бы царградскій и александрійскій и іерусалимскій патріархи общимъ всѣхъ совѣтовъ и кромѣ антиохійскаго патріарха, который ихъ, повѣдаютъ, къ Москвѣ призывалъ, иже иноземцовъ къ Москвѣ послаша и они бы о ономъ съ ними и къ великимъ государемъ и къ святѣйшему патріарху писаша; но они объ нихъ иноземцахъ о томъ къ великимъ государемъ и къ святѣйшему патріарху ничесогоже писаша, тѣмже явѣ есть всякому, яко тѣ иноземцы лестцы и лжевцы, а неправославніи учителя“. (Чт. общ. истор. и древн. рос. 1885 г. кн. IV, сочин. Медвѣдева „Извѣстіе истинное“, стр. 33—36, напечатанное С. А. Бѣлюковымъ). Лихуды въ объясненіе того, почему они не привезли съ собою рекомендательныхъ грамотъ о себѣ отъ

въ тамошніе страны, дабы училъ еллинскаго языка“. И вотъ когда Досиеей размышлялъ о посылкѣ учителя въ Москву, „приде къ намъ, пишетъ онъ, письмо отъ вашей страны отъ умершаго іеродіакона Мелетія, который писалъ отъ лица блаженнаго патріарха киръ Іоакима, чтобъ мнѣ сыскать и прислать бы какова учителя еллинскаго языка, пиша, яко есть о томъ и воля иже во блаженной кончинѣ бывшаго приснопамятнаго самодержца государя Θεодора Алексѣевича. И притомъ приѣхали два брата, Іоанникій и Софроній, преубогіе люди и отъ рода безъимяннаго и простаго, яко же многіе знаютъ и венеты и во отечествіи ихъ, и жили у насъ въ Царьградѣ въ монастырѣ св. Гроба и били челомъ намъ со слезами показати имъ образъ, во еже бы могли покормитися и заплатить долгъ, который имѣли въ отечествіи своемъ. Мы же, видя ихъ черноризцевъ и смиренныхъ людей, чаяли — добрые люди, и перво взяли исповѣданіе вѣры ихъ, яко суть православныи, которое обрѣтается въ кодикѣ патріаршества Константинопольскаго, также дали имъ заступительныя грамоты и наипаче на дорогу протори, послахомъ ихъ къ вамъ, чающе творити имъ по обѣщанію своему“.

Изъ приведеннаго свидѣтельства Досиеея оказывается, что Лихуды, прибывъ въ Константинополь, жили здѣсь на Іерусалимскомъ подворьѣ у Досиеея. А такъ какъ въ это время къ нему писалъ отъ имени патріарха Іоакима іеродіаконъ грекъ Мелетій, прося его прискаты для московской школы надежнаго учителя изъ грековъ, то Досиеей, найдя Лихудовъ вполне пригодными для учительства въ Москвѣ, и послалъ ихъ туда, снабдивъ ихъ заступительными грамотами и на до-

нославшихъ ихъ въ Москву патріарховъ, заявили, что патріархи не послали съ ними грамотъ изъ опасенія, какъ бы эти грамоты не попали въ то военное время въ руки турокъ или татаръ. Но едва ли это объясненіе вполне справедливо. Съ турками еще въ началѣ 1682 года у насъ заключенъ былъ формальный миръ, и патріархи нисколько не побоялись послать въ Москву, въ томъ же 1682 году, свои разрѣшительныя грамоты патріарху Никону, тѣмъ болѣе, что турки въ это время особенно внимательно относились къ русскому правительству и нисколько не препятствовали его сношеніямъ съ восточными патріархами.

рогу деньгами. Значить Лихуды были посланы въ Москву именно Досиеемъ, посланы были не ради прошенія объ этомъ предъ восточными патріархами посла Возницына, а по письму іеродіакона грека Мелетія къ Досиеею⁴⁰). И нѣтъ никакихъ сколько нибудь серьезныхъ причинъ усумниться въ справедливости этого разсказа Досиеея о посылкѣ имъ Лихудовъ въ Москву. Досиеей, какъ мы знаемъ, уже ранѣе сильно интересовался московской школой: отъ него вышелъ начальникъ московскаго греческаго типографскаго училища іеромонахъ Тимоеей, о школѣ онъ писалъ царю, о школѣ онъ переписывался съ іеромонахомъ Тимоееемъ, онъ усиленно желалъ, чтобы учительство въ московской школѣ находилось въ рукахъ надежнаго православнаго грека. Поэтому вполне было естественно со стороны московскаго правительства обратиться за присканиемъ на востокъ православнаго учителя именно къ Досиеею, а не къ другимъ восточнымъ патріархамъ, въ полной увѣренности, что Досиеей охотно возьмется и съ успѣхомъ выполнить это дѣло, которое онъ такъ близко принималъ къ сердцу. Нельзя также не обратить вниманія и на слѣдующее обстоятельство: когда впоследствии Досиеей настойчиво сталъ требовать отъ патріарха Адріана, чтобы тотъ удалил изъ московской школы Лихудовъ, какъ людей очень ненадежныхъ, то Адріанъ чрезъ Хрисанѳа писалъ Досиеею: „намъ убо что сотворити? Отъ васъ изыдоша (Лихуды) и ваша свидѣтельства носяще, яко мудри и во всемъ совершенни“. На этотъ упрекъ патріарха Адріана Досиеею можно было-бы отвѣтить, что Лихуды посланы въ Москву вовсе не имъ (если бы такъ было въ дѣйствительно-

⁴⁰) Мы тщательно просмотрѣли „дѣло“ объ отправкѣ въ Константинополь посломъ дьяка Возницына и между данными ему правительствомъ наказами совсѣмъ не нашли наказа о томъ, чтобы онъ хлопоталъ предъ восточными патріархами о присылкѣ въ Москву учителей. Внимательно просмотрѣли мы и „статейный списокъ“ Возницына, въ которомъ онъ даетъ подробный отчетъ объ исполненіи своего посольства. Въ немъ онъ не разъ говоритъ о своихъ сношеніяхъ, свиданіяхъ и бесѣдахъ съ восточными патріархами, но ни разу не упоминаетъ, чтобы между ними былъ разговоръ о присылкѣ въ Москву учителей.

сти), и что поэтому онъ за нихъ не отвѣтчикъ. Между тѣмъ Досиѳеи пишетъ по этому поводу Адриану, что и сердцевъдецъ Христосъ избралъ въ апостолы Гуду, ошибались въ людяхъ и святые мужи, чѣмъ ясно признаетъ, что посылка Лихудовъ въ Москву дѣйствительно была его дѣломъ, хотя и ошибочнымъ.

Явившись въ Москву Лихуды не только ничего не сказали здѣсь о томъ, что въ Константинополѣ они жили у Досиѳея и имъ собственно были посланы въ Москву, но и не представили тѣхъ заступительныхъ грамотъ Досиѳея, которыми онъ, по его собственнымъ словамъ, снабдилъ ихъ при отправленіи въ Москву. Чѣмъ руководствовались въ этомъ случаѣ Лихуды, почему они сочли нужнымъ въ Москвѣ скрыть свои предшествующія близкія отношенія къ Досиѳею, мы не знаемъ (говоримъ только за себя). Явившись въ Москву Лихуды предъявили здѣсь только общую грамоту восточныхъ патріарховъ, которые хвалятъ Лихудовъ какъ людей ученыхъ и вполне православныхъ, отпущенныхъ въ чужія страны, чтобы учить и проповѣдывать, почему патріархи и просятъ всѣхъ принимать Лихудовъ съ честію и снабжать ихъ милостынею. 9 марта (1685 г.) эта грамота была читана въ присутствіи царей, царевны Софьи и бояръ, послѣ чего государи и царевна указали Лихудамъ „до своего государскаго указа“ жить въ греческомъ Никольскомъ монастырѣ и повелѣли имъ видѣть свои государскіе пресвѣтлыя царскіе очи и у благословенія святѣйшаго патріарха быть указали. Представляясь государямъ Лихуды, „говорили порознь орацѣи, одинъ на латинскомъ языкѣ, другій на греческомъ языкѣ, и съ тѣхъ орацѣй переводъ въ „пріѣздѣ“ тѣхъ философвъ“. 14 марта государи и царевна указали Лихудамъ жить въ Никольскомъ греческомъ монастырѣ „и давать имъ своего великихъ государей жалованья съ пріѣзду ихъ впредь до своего великихъ государей указу по двѣ гривны монаху на день изъ большіе казны помѣсячно“. Да имъ же велѣно дать на пріѣздѣ денегъ по 6 рублей да по сороку собелей въ 50 р. сорокъ „и послать тѣхъ монаховъ къ святѣйшему патріарху съ памятью“. 21 марта государи указали жить Лихудамъ въ Чудовѣ монастырѣ и давать имъ изъ монастырскихъ доходовъ пищу и

питье „противъ четырехъ того монастыря братовъ и отвести имъ въ монастырѣ тѣ кельи, въ которыхъ жилъ Аѳонасій Словенасъ, писанія учитель“. Но и помѣщенія Лихудовъ въ Чудовѣ монастырѣ найдено было неудобнымъ. 28 марта по указу государей посланъ былъ въ Богоявленскій монастырь подъячій „для осмотра и переписки порожней богадѣлни каменной“. Подъячій нашелъ, что указанное и осмотрѣнное имъ зданіе занято монастырскимъ хлѣбомъ, а внизу хоромъ погребъ набитъ льдомъ и тамъ поставлены монастырскія бочки съ пивомъ и квасомъ и чаны съ рыбою, верхняя же часть палатъ служить сушиломъ и все вообще зданіе для жилья не принаровлено. Тогда имяннымъ указомъ отъ 29 марта государи и царевна приказали для Лихудовъ „построить въ Богоявленскомъ монастырѣ, что за Ветошнымъ рядомъ, двѣ кельи поземные краснаго лѣса, по три сажени келья; промежь ими сѣни, а въ нихъ два чулана, да входъ, а одну келью сдѣлать бѣлую, а другую черную, гдѣ варить, ѣсть и хлѣбъ печь и служебникомъ ихъ жить“. Кельи эти велѣно построить изъ государей казны, „а въ каменные полаты (богадѣльню), которые описаны выше сего, ихъ не переводить“. Такъ, наконецъ, Лихуды водворены были въ Богоявленскомъ монастырѣ во вновь построенныхъ для нихъ двухъ деревянныхъ кельяхъ⁴¹⁾.

Въ сентябрѣ того же 1685 года рѣшено было построить въ Богоявленскомъ монастырѣ школу, въ которой должны были учить Лихуды. Патріархъ Іоакимъ 3 сентября нарочно ходилъ въ Богоявленскій монастырь, чтобы осмотрѣть мѣсто гдѣ строить школу „для ученія ученикамъ греческому книжному писанію“, а 12 декабря во вновь устроенную деревянную школу выданъ былъ образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія. Значитъ въ декабрѣ 1685 года школа была уже готова и съ этого времени Лихуды начали свое учительство въ Москвѣ. 29 января 1686 года патріархъ со архіереи ходилъ въ Богоявленскую школу, въ которой учили Лихуды, „и въ той школѣ святѣйшій патріархъ учениковъ слушалъ

⁴¹⁾ Греческіе статейные списки № 8, л. л. 25—46.

ученія“⁴²⁾. Эта первоначальная, въ Богоявленскомъ монастырѣ построенная деревянная школа Лихудовъ, была очень не велика, такъ какъ, по свидѣтельству Ѳеодора Поликарпова, къ Лихудамъ въ школу переведено было сначала всего шесть учениковъ изъ Типографскаго греческаго училища⁴³⁾. Но скоро обстоятельства поблагопріятствовали Лихудамъ: вмѣсто небольшой деревянной Богоявленской школы были выстроены для училища, по распоряженію патріарха Іоакима, большія каменные зданія на особо отведенномъ для этого мѣстѣ, рядомъ съ Заиконоспасскимъ монастыремъ.

Лихуды, прибывъ въ Москву, близко сошлись здѣсь съ извѣстнымъ грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ, который передъ смертію назначилъ ихъ своими душеприкащиками. Мелетій умеръ 16 февраля 1686 года, оставивъ послѣ себя денегъ и разнаго имущества, которое было продано Лихудами, на 4305 рублей, 30 алтынъ, 10 денегъ. Тогда патріархъ Іоакимъ приказалъ изъ оставленныхъ іеродіакономъ Мелетіемъ денегъ 2000 рублей употребить на постройку новой каменной школы, подъ которую мѣсто отведено было рядомъ съ Заиконоспасскимъ монастыремъ; завѣдывать постройкою школы патріархъ поручилъ Богоявленскому архимандриту Никифору. Въ расходныхъ книгахъ патріаршаго казеннаго приказа значится, что іюня въ 3 день (1686 г.) патріархъ ходилъ въ Спасовъ монастырь „для досмотру мѣста, гдѣ строить каменные палаты для ученія ученикомъ греческаго книжнаго писанія“. Съ осени 1686 года начали строить каменные зданія школы при Заиконоспасскимъ монастырѣ. 6 апрѣля 1687 года Богоявленскій архимандритъ Никифоръ съ братією билъ челомъ государямъ, чтобъ построенныя въ Богоявленскомъ монастырѣ изъ государственной казны деревянныя кельи для Лихудовъ, отданы были въ монастырь безденежно, потому что, объясняютъ челобитчики, „нынѣ-де по ихъ великихъ государей указу имъ, учителемъ, построены каменные школы“. Государь указалъ отдать кельи въ монастырь „въ то время какъ тѣ учителя переведены будутъ въ каменные школы“.

⁴²⁾ Матеріалы для ист. археол. и стат. моск. церк. — Забѣлина, III, 1, стр. 401.

⁴³⁾ Древняя вивліопка, т. XVI.

Значить въ апрѣлѣ 1687 года каменные зданія академіи въ чернѣ уже были построены, но Лихуды еще жили въ Богоявленскомъ монастырѣ, дожидаясь окончательной отдѣлки новыхъ зданій. 9 сентября 1687 года патріархъ приказалъ Богоявленскому архимандриту Никифору выдать 100 р. „на постройку каменныхъ школьныхъ палатъ, которыя строятъ въ Китаѣ, подлѣ Спасскаго монастыря“⁴⁴⁾. Такимъ образомъ каменные зданія для школы были готовы только осенью 1687 года и только съ этого времени собственно начала свою жизнь и дѣятельность славяно-греко-латинская Академія, помѣстившаяся рядомъ съ Заиконоспасскимъ монастыремъ.

Ранѣе возникшій у насъ споръ о томъ, какой языкъ въ московской школѣ долженъ быть господствующимъ греческій или латинскій, не только не прекратился съ устройствомъ славяно-греко-латинской академіи, но возгорѣлся еще съ большею силою, благодаря тому обстоятельству, что этотъ вопросъ поставленъ былъ теперь въ прямую связь съ рѣшеніемъ другаго возникшаго и горячо обсуждаемаго въ то время у насъ вопроса: о времени пресуществленія св. даровъ. Сторонники греческаго ученія рѣшали этотъ послѣдній вопросъ въ строго православномъ смыслѣ, сторонники же латинскаго ученія рѣшали его въ латинскомъ смыслѣ, признавая вмѣстѣ съ латинянами, что пресуществленіе св. даровъ совершается въ моментъ произнесенія словъ Господа: *примите, ядите*. Прибывъ въ Москву Лихуды, какъ выдающіеся ученые, естественно должны были принять участіе въ разгорѣвшемся спорѣ о времени пресуществленія св. даровъ, причѣмъ они, горячо защищая поэтому вопросу православную точку зрѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ старались защитить и греческій языкъ отъ нападений на него сторонниковъ латинскаго ученія. Въ своемъ сочиненіи „Акосъ“, перечисливъ имена выдающихся греческихъ писателей, указавъ на существовавшія въ то время въ разныхъ мѣстахъ греческія школы, Лихуды говорятъ: „погибоша-ли грецы, благочестіе и обычаи и науки въ толикихъ и сицевыхъ учителяхъ и свѣтилахъ, въ толикихъ и си-

⁴⁴⁾ Матер. для истор., археол. и стат. моск. церк.—Забѣлина, т. I, стр. 401—402. Греч. стат. списки № 8.

цевых училищах? Не слышать ли буи, колика училища и учителя еще суть даже до днесь пресвѣтлыми и ждивеными греческими? Погибоша буи и слѣвци клеветницы, умъ ихъ объяла есть огневица отъ сквернаго недуга окаянныя зависти, сего убо ради очи имуть и не видятъ, слухъ имуть и не слышать, — ношницы суть и свѣтъ видѣти не могутъ. Всегда свѣтъ быша грецы и будутъ даже до скончанія вѣка; и отъ грекъ свѣтъ пріяша и пріемлютъ и вся языки или писано или не писано, или отъ трудовъ и списаній греческихъ, или изъ устъ отъ ученія ихъ како либо (ни есть) отъ нихъ, и чрезъ нихъ видятъ имни языцы; вси философи греци, вси богословы греци; непослѣдующи же симъ, не смысленни и ненаказанни и буи, и сего ради рече и сіе: всякъ не еллинъ варваръ. Гражданская убо судьбами, иже вѣсть Господь, перемѣнишася, якоже и иныхъ многихъ языковъ бысть отъ начала и еще будетъ, но не весьма; зане первое убо въ Угровлахіи и въ Молдавіи изначала греци царствоваша и нынѣ подобно царствуютъ скиптромъ царскимъ и вѣнцами украшеніи.... Елинскій діалектъ глубокъ и широкъ кладезь есть, вы же (латиняне и ихъ сторонники) не имѣете черпала почерпнути воду, рекше силу, ею же познати искреннѣ, что яже въ томъ діалектѣ, и не точію тіи, но и мнози ини и мудрѣйши латинъ по ихъ діалекту. Обаче ниже діалектъ порицателенъ, ниже святой, но малое ваше и оныхъ тщаніе во еллинскомъ діалектѣ; и глубины ради и широты діалекта мнози погрѣшиша отъ праваго пути и истиннаго разума намѣренія во святыхъ же отцехъ и въ философіи и въ ееологіи, и ини же паки волею погрѣшиша вѣдающе истину.... Еллинскимъ діалектомъ написашася наученія (хитрости) божественная писанія и прочая святыхъ отецъ, и подобательно есть всѣмъ, опасно и искренно хотящимъ вѣдѣти, и искреннее намѣреніе и разумъ божественныхъ писаній отецъ вѣдѣти добрѣ еллинскій діалектъ, иначе всеу труждаются и конецъ всѣхъ — погребени лежатъ во мрацѣ и дымной пещерѣ невѣдѣнія, и свѣтъ никогда имуть видѣти востока. Также и не вѣдай извѣстно еллинскій діалектъ, ниже славянскій діалектъ вѣсть, ниже познати можетъ искреннюю мысль и разумъ божественныхъ писаній и отецъ, на славянскій діалектъ

претолкованныхъ“. Защищая и восхваляя греческій языкъ, Лихуды не забывали похвалить и самихъ себя. „Имена наша, говорятъ они о себѣ, дѣянія же и житіе вѣдомо есть всѣмъ и во Фракіи, и въ Палестинѣ, и въ Фетталіи, и Македоніи, и Угровлахіи, и Полши, и въ казакахъ и здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ; и труды наша и плоды по силѣ нашей и святѣй Христовѣй восточнѣй церкви по всей земли — Европіи же и Асіи прославшася и прославляются, кромѣ написанныхъ свидѣтельствъ святѣйшихъ патріарховъ и архіереевъ, свидѣтельствующихъ и житіе и пребываніе и честь и достоинство наше“⁴⁵).

Такимъ образомъ Лихуды, прибывъ въ Москву, приняли живое и дѣятельное участіе въ волновавшемъ тогда московское общество спорѣ о времени пресуществленія св. даровъ, оказавъ рѣшительное и существенное вліяніе на окончательное рѣшеніе этого спора въ строго православномъ духѣ, т. е. они содѣйствовали въ этомъ спорѣ окончательному торжеству у насъ православной греческой партіи надъ латинствующею. Въ тоже время Лихуды и въ вопросѣ о томъ, какой языкъ въ московской школѣ долженъ занять господствующее положеніе — греческій или латинскій, опять явились энергичными сторонниками приверженцевъ у насъ „греческаго ученія“, доказывая превосходство греческаго языка предъ латинскимъ, доказывая, что безъ основательнаго изученія греческаго языка нельзя получить строго православное богословское образованіе, нельзя настоящимъ образомъ изучить и переведенное на славянскій языкъ св. Писаніе, а также и творенія св. отецъ, такъ что и для русскихъ изученіе греческаго языка должно быть обязательно, — на первомъ мѣстѣ въ ихъ школахъ долженъ всегда стоять языкъ греческій, а не латинскій. Понятно теперь съ какою враждою должны были отнестись къ Лихудамъ сторонники у насъ латинскаго ученія, болѣе яркимъ и крайнимъ выразителемъ котораго былъ въ то время вліятельный Сильвестръ Медвѣдевъ. Въ своемъ сочиненіи „Извѣстіе

⁴⁵) Акосъ, рукопись москов. синод. бібліотеки № 440, л. л. 33 — 35, 56, 57 об. и 115.

истинное“ онъ всячески усиливается подорвать авторитетъ и значеніе Лихудовъ, утверждая, что Лихуды обманули, сказавъ о себѣ, что будто бы въ Москву послали ихъ восточные патриархи, чего въ дѣйствительности вовсе не было. Лихуды, завѣряютъ онъ, „не суть православніи, но отъ еретиковъ лютеровъ или кальвиновъ или отъ римлянъ на возмущеніе нашея православныя вѣры подсланы, якоже прежде Исидоръ митрополитъ“. Всячески понося и унижая Лихудовъ, Медвѣдевъ въ тоже время борьбу съ Лихудами переводитъ на общую почву борьбы противъ всего греческаго вообще, усиливается пошатнуть довѣріе русскихъ къ православію грековъ, старается доказать, что печатныя греческія книги испорчены еретиками, въ чемъ ученый Медвѣдевъ вполне сходится съ самыми невѣжественными расколоучителями. „Діаволь, говоритъ онъ, ересми тажкими всю Грецію насѣя, яко тамъ рѣдкій престоль бѣ, при немъ же бы разныя ереси не рождалися и не возрастали, и весьма едины другихъ низлагаху со престоль силою. Самый же цареградскій престоль чрезъ двѣстѣ лѣтъ еретиковъ мерзкихъ монотелитовъ, несторіановъ, образо борцовъ разныхъ временъ имаше... Откуда же убо сіе? Не отъинуду точію, яко мнози греки люди неправедны, сребролюбцы паче нежели боголюбцы, вѣщше любятъ ложь, неже истину“. Самый расколъ въ русской церкви появился, по объясненію Медвѣдева, „точію отъ новыхъ греческихъ печатныхъ книгъ, которыя во градѣхъ латинскія вѣры и люторскія и кальвинскія ереси печатаются, и съ древними греческими рукописными книгами не согласуютъ“.

Такъ старались сторонники латинскаго ученія подорвать въ мнѣніи русскихъ всякій авторитетъ грековъ, заподозрить самое ихъ православіе, вполне сходясь въ этомъ случаѣ съ расколоучителями. Очевидно, что интересы православія, интересы насажденія у насъ строго-православной церковной школы, требовали всяческой поддержки Лихудовъ, какъ сторонниковъ и поборниковъ строго православныхъ воззрѣній, какъ насадителей въ нашей школѣ строго православнаго церковнаго образованія. И дѣйствительно Лихуды и вообще сторонники греческаго ученія на первый разъ побѣдили; Медвѣдевъ и другіе сторонники латинскаго ученія были торжественно осуж-

дены соборомъ, но, къ сожалѣнію, торжество Лихудовъ, а вмѣстѣ съ ними и торжество всѣхъ вообще сторонниковъ греческаго ученія было у насъ очень не продолжительно. Ударъ этой ревновавшей о православіи партіи неожиданно нанесенъ былъ съ такой стороны, съ которой всего менѣе можно было ожидать его, — противъ Лихудовъ энергично выступилъ самъ іерусалимскій патриархъ Досиѳей.

Лихуды, какъ мы видѣли, были посланы въ Москву Досиѳеемъ, который снабдилъ ихъ заступительными грамотами и деньгами на дорогу. Но Лихуды, явившись въ Москву, умолчали здѣсь о своихъ отношеніяхъ къ Досиѳею, показавъ этимъ, что у нихъ уже и тогда было какое-то нерасположеніе къ Досиѳею. Послѣдній однако относился къ нимъ и въ послѣдующее время очень благосклонно, былъ вполне доволенъ всею ихъ Московскою дѣятельностію. Узнавъ, что русское правительство изъявило готовность признать за Лихудами титулъ князей, Досиѳей въ письмѣ къ нимъ, отъ 29-го апрѣля 1691 года, выражаетъ по этому случаю свою радость: „радуемся, пишетъ онъ, о древней рода вашего славѣ, юже онама боговѣнчаннѣйшими и державнѣйшими святыми цари вы воззвасте“. Затѣмъ выражаетъ радость по поводу успѣховъ московской дѣятельности Лихудовъ: „радуемся, пишетъ онъ, о предиспѣніи, еже вами Господь сотвори и творить въ томъ же православномъ родѣ, и молимъ самага Бога, да и отнынѣ превозпосылаетъ сіе дѣло ваше отъ силы въ силу и свопоставитъ въ величайшее, еже по Христе, совершенство“. Въ заключеніе Досиѳей, видѣвшій, очевидно, въ Лихудахъ своихъ доброжелателей и преданныхъ ему людей, проситъ ихъ вспомоцствовать посылаемому имъ въ Москву архимандриту Хрисанѳу во всемъ, что онъ отъ нихъ потребуетъ. Но прибытіе въ Москву архимандрита Хрисанѳа (13 ноября 1692 г.) вскрыло истинныя отношенія Лихудовъ къ Досиѳею, показало ему, что онъ сильно ошибался въ ихъ расположеніи къ себѣ. Лихуды не только не выразили охоты въ чемъ либо содѣйствовать Хрисанѳу въ Москвѣ, но и отнеслись къ нему очень недоброжелательно и даже враждебно. Тогда Хрисанѳъ поспѣшилъ написать объ этомъ Досиѳею. Человѣкъ отъ природы очень

горячий и потому нерѣдко дѣйствовавшій подъ вліаніемъ перваго впечатлѣнія, Досиѳеи, искренно и глубоко возмущенный неблагодарностію облагодѣтельствованныхъ имъ Лихудовъ, рѣшился наказать ихъ и послалъ на нихъ доносъ въ Москву патриарху и царямъ ⁴⁶⁾. Въ грамотѣ къ патриарху Адриану отъ 10 августа 1693 года Досиѳеи пишетъ: „аще Богъ всѣхъ, испытуй сердца человѣческая и видай и взирай не на лица, но на сердца, свидѣтельствовавъ святыхъ, яко блази, таже преступившія наказа, якоже Моисеа, Аарона, Маріамъ, и ины многи отъ святыхъ; колми паче мы, человѣцы суще, и свидѣтельствсавше высокая нѣкая и чудная о Іоанникии и Софроніи учителѣхъ, злѣ убо хотящихъ дѣяти, подобаетъ не стыдиться намъ, но обличати согрѣшенія ихъ. И не есть дивно, аще вы, близъ суще ихъ, не вѣсте суцая отъ нихъ дѣянія беззаконная, мы же, далеко суще, глаголемъ сія, понеже единъ Богъ вѣсть всяческая, человѣцы же, наипаче же о многихъ поборающе и многая имуще попеченія, якови есте вы, возможно вамъ многое невѣдѣти. И сего ради повелѣваетъ Духъ Святый, да другъ друга исправляемъ, и сего ради божественный Павелъ и апостоли возвождахуся во Іерусалимъ и двизаху пресвитеромъ Евангеліе, да не инымъ проповѣдающе и въ нечесомъ прельстившеся, сами непотребни будутъ. У васъ суть дѣянія вселенскихъ соборовъ, и зрите колика и святѣйшіи патриарси и иніи архіереи писаху другъ ко другу, хотяще утвердити другъ друга во многихъ. Мы убо и сія ради вины и яко заступихомъ чрезъ грамоты наша и убо повелѣніемъ нашимъ придоша къ вамъ реченніи іеромонаси, понеже увѣдѣхомъ

⁴⁶⁾ Николай Спафарій писалъ боярину Головину въ 1704 году: „Святѣйшій (т. е. Досиѳеи) зѣло гнѣвенъ на меня за то, будто мы умаляемъ его честь и бережемъ Рязанскаго (т. е. Яворскаго), а его письма небрежемъ. Я природу его вѣдаю изъ молодыхъ лѣтъ: запалчивый таковъ, что и въ алтарѣ никому не спутитъ. Отпиши къ нему, потому что онъ вашей милости въ письмѣ пеняетъ, что ни малой отповѣди отъ вельможности вашей не получилъ; онъ любитъ частую корреспонденцію и еще мнитъ и то, что не все переводимъ, о чемъ пишетъ: такъ греки воры его информовали ложно, а онъ вѣрнѣе, въ томъ легкой, кто что скажетъ и вѣрнѣе. И того ради на всякую статейку учини ему отповѣдь, и такъ утолится гнѣвъ его: онъ ярливый, но скоро уходливый по природѣ“. (Соловьевъ XV, 125).

и отъ архимандрита Исаіа ⁴⁷⁾ и отъ иныхъ многихъ дѣяемая у нихъ, пишемъ нужная къ цѣломудрію ихъ великимъ государемъ, ихъ царскому величеству, пространно. Пишемъ же и твоему блаженству по подобающему, яко единому епископу подобаетъ у васъ быти — тебѣ святѣйшему патриарху, иже убо нѣкая единъ, нѣкая же соборнѣ зриши и судиши слушающаяся, и пасеши равно своя и странныя тоюжде властію и тоюжде силою, прочіи же вси толико странныи, якоже и не странныи повинни суть и подчиненни во всемъ церковному суду. Убо и учителя обличи; запрети, да уцѣломудрятся, сирѣчь, не торговали бы, князьями не называлися бы ни они сами, ни дѣти ихъ, понеже случаемъ убогіе люди (и ремесленные) и непородные и они сами и родители ихъ и правды ихъ. О школѣ подобаетъ прилежати, латинскаго же ученія весьма не показывати, яко ходатая великихъ злыхъ, и наконецъ себѣ самихъ знати учителя токмо школы, а не иныхъ дѣлъ. И аще случится церковное дѣло, глаголати имъ вашимъ повелѣніемъ, а не приимати имъ лица судіи, и аще случится кое истязаніе или сумнѣніе по вашему архіерейскому повелѣнію, рѣшити имъ со всякимъ тщаніемъ праведно, по преданію церковному, или, паче рещи, по евангельской заповѣди независтно, аже и вси митрополити російскіи сохраниша и во исповѣданіи прежде бывшаго патриарха обдержатся. Учители же сіи, или инъ будетъ, безъ великія нужды воли учити или глаголати нѣкая или обще, или на-

⁴⁷⁾ Исаія, архимандритъ Павловскаго аѳонскаго монастыря, пріѣзжалъ въ Москву въ 1688 году съ грамотами отъ прежде бывшаго Константинопольскаго патриарха Діонисія, Сербскаго патриарха Арсенія и Валахскаго господара Щербана съ просьбою, чтобы государи освободили ихъ отъ турецкаго ига. Возвращаясь изъ Москвы Исаія былъ арестованъ въ Австріи и заключенъ въ Вѣнскую тюрьму. Когда Іоанникій Лихудъ возвращался чрезъ Вѣну въ Москву изъ Венеціи, то Исаія просилъ его похлопотать въ Москвѣ предъ государями объ его освобожденіи. Но Іоанникій не исполнилъ его просьбы, почему Исаія и пожаловался потомъ Досиѳею на Лихудовъ. (См. нашу статью: „Пріѣздъ въ Москву Павловскаго аѳонскаго монастыря архимандрита Исаіи въ 1688 году“ въ Приб. къ твор. св. отцевъ 1889 г. кн. III).

роднѣ, или собственнѣ не имѣли бы, еже бы раздоромъ во церкви не быти“⁴⁸⁾.

Писаль Досиѣей особую грамоту съ обвиненіями противъ Лихудовъ и государямъ. Въ ней Досиѣей заявляетъ, что Лихуды, живя въ Москвѣ, совершили, по его мнѣнію, слѣдующія преступленія: а) захватили въ свою пользу имущество послѣ умершаго іеродіакона грека Мелетія, которое тотъ будто бы отказалъ св. Гробу, причемъ Іоанникій ѣздилъ будто бы торговать на деньги Мелетіевы въ Венецію; б) Лихуды присвоили себѣ и своимъ дѣтямъ титулъ князей, который имъ вовсе не принадлежитъ, какъ людямъ самаго простаго рода; в) при отправленіи въ Москву имъ приказано было учить въ Московской школѣ одному только греческому языку, а они учатъ въ Москвѣ и латинскому; г) они мало и нерадиво занимаются учительствомъ, мало обучили учениковъ и притомъ учатъ ихъ не настоящимъ наукамъ, „а забавляются около физики и философіи“; е) пріѣзжающихъ въ Москву грековъ однихъ они заступаютъ и помогаютъ, а другихъ унижаютъ и оклеветываютъ, причемъ безстыдно говорятъ, что на Москвѣ они глава грекамъ; ф) наконецъ они взяли подъ свою зациту и покровительство „священнократца и латино-мудрственника“, называющаго себя епископомъ нѣкоего Акакія⁴⁹⁾.

Большая часть предъявленныхъ Досиѣею обвиненій противъ Лихудовъ основывалась или на недоразумѣніи и неточности свѣдѣній, полученныхъ Досиѣею о Лихудахъ, или же на невѣрномъ представленіи вообще о томъ положеніи, какое они занимали въ Москвѣ.

⁴⁸⁾ Непереплетенный сборникъ Моск. Синод. библ. № IV, л. л. 59 — 61. Досиѣей писалъ особое письмо и къ самимъ Лихудамъ, въ которомъ говоритъ: „вы (Лихуды) пришлѣ въ Византію и пристасте къ намъ, и мы васъ приснабдѣвали и словомъ и дѣломъ, чающе вы добрые люди, якоже являше тогда образъ и словеса ваша; сего ради и послахомъ васъ онамо, наипаче же дахомъ вамъ и грамоты заступительныя“ и затѣмъ указываетъ на тѣ же самыя ихъ проступки, какія онъ перечисляетъ въ грамотахъ къ патриарху и царямъ. (Это письмо Досиѣея къ Лихудамъ напечатано въ приложеніи къ Ист. Славяно-гр.-лат. Академіи С. К. Смирнова).

⁴⁹⁾ Грамота Досиѣея къ царямъ съ обвиненіями противъ Лихудовъ напечатана Туманскимъ въ X томѣ его записокъ о Петрѣ Великомъ.

Досиѣей, прежде всего, обвинялъ Лихудовъ въ томъ, что они захватили имущество умершаго іеродіакона грека Мелетія, которое тотъ будто бы обѣщалъ отказать св. Гробу и что Іоанникій Лихудъ ѣздилъ торговать на Мелетіевы деньги въ Венецію. Дѣйствительно-ли Мелетій обѣщалъ отказать свое имущество св. Гробу, — неизвѣстно, но за то вполне извѣстно то, что Мелетій самъ назначилъ Лихудовъ своими душеприкащиками и никакого завѣщанія въ пользу св. Гроба не оставилъ. Въ качествѣ душеприкащиковъ Мелетія Лихуды, послѣ его смерти, составили подробную опись всего его имущества и представили ея куда слѣдуетъ, — сумма всего оставшагося равнялась 4305 р. 30 алтынамъ и 10 деньгамъ. Часть этой суммы была израсходована на погребеніе и обычное поминовеніе Мелетія, причемъ Лихуды представили отъ себя подробную роспись, на что, сколько и когда они истратили при погребеніи и поминовеніяхъ Мелетія. Затѣмъ приказная записка 1692 года говоритъ: „въ прошломъ во 194 (1686 г., когда умеръ Мелетій) году по указу блаженныя памяти святѣйшаго патриарха киръ Іоакима на школьное строеніе богоявленскому архимандриту Никифору дано (изъ Мелетіевыхъ денегъ) порознь 2000 рублей, да ему жъ въ недостатокъ тѣхъ денегъ 50 рублей (дано)“. Значитъ почти цѣлая половина оставленныхъ Мелетіемъ денегъ, по особому распоряженію патриарха Іоакима, была истрачена на постройку зданій Славяно-греко-латинской Академіи, часть ихъ затѣмъ пошла на покрытіе издержекъ по погребенію и поминовенію, часть на покрытіе его долговъ, такъ какъ къ Лихудамъ, какъ къ душеприкащикамъ Мелетія, предъявленъ былъ искъ со стороны нѣкоего торговаго грека Юрія Юрьева, который доказывалъ, что онъ участвовалъ своими деньгами въ торговлѣ, производимой умершимъ Мелетіемъ и что тотъ будто бы не успѣлъ съ нимъ какъ слѣдуетъ расчитаться⁵⁰⁾. При такихъ условіяхъ трудно становится допустить, чтобы Лихуды, какъ увѣряетъ Досиѣей, дѣйствительно захватили себѣ всѣ богатства Мелетіевы и чтобы на Мелетіевы деньги Іоанникій ѣздилъ торговать въ Венецію, тѣмъ болѣе, что поѣздка Іоанникія въ Венецію, какъ хо-

⁵⁰⁾ Дѣло о наслѣдствѣ Мелетія находится въ Греч. дѣлахъ 7194 г. № 8, 7200 г. № 2, см. Греч. статейные списки № 10, л. 218, об. 219.

рошо извѣстно, предпринята была имъ по приказу царя для выполненія царскихъ порученій, а не для торговли. Очевидно Досиѳею обвинялъ въ этомъ случаѣ Лихудовъ только на основаніи дошедшихъ до него не совсѣмъ достовѣрныхъ слуховъ.

Второе обвиненіе Досиѳея противъ Лихудовъ заключалось въ томъ, что „они, учителя, прельстили божественную державу и пишутся князьями“, почему Досиѳею просить царей, „дабы божественнѣйшіе царскіе грамоты, которые утвердили то званіе, чтобъ взяты были назадъ и чтобъ учинился указъ такой, дабы ни ихъ, ни дѣтей ихъ никто не называлъ князьями“. Но, во первыхъ, не сами Лихуды, а дѣти Іоаннікія, Николай и Анастасъ, хлопотали, чтобы за ними признанъ былъ княжескій титулъ, почему и въ царскомъ указѣ 7 февраля 1692 года повелѣвается двоихъ сыновей Іоаннікія принять на службу „и писать ихъ (т. е. Николая и Анастаса, а не самихъ Лихудовъ) въ указахъ и въ спискахъ и во всякихъ дѣлахъ княжескимъ именемъ, а по прозвищу Лихудіевыми“⁵¹); сами же Лихуды никогда у насъ не писались и не титуловались князьями. Во вторыхъ въ 1691 году въ письмѣ къ Лихудамъ самъ Досиѳею выражалъ свою радость и удовольствіе, что цари готовы признать за Лихудами титулъ князей. „Радуюсь, писалъ тогда онъ, о древней рода вашего славѣ, юже онамо боговѣнчаннѣйшими и державнѣйшими святыми цари вы воззвасте“. Значитъ въ то время самъ Досиѳею признаніе за Лихудами титула князей считалъ дѣломъ не только законнымъ и правымъ, но и радостнымъ, и конечно ничего не находилъ въ немъ преступнаго или просто предосудительнаго.

Третье обвиненіе противъ Лихудовъ заключалось въ томъ, что они, по мысли отправившаго ихъ въ Москву Досиѳея, должны были учить въ московской школѣ только греческому языку, а между тѣмъ они, пріѣхавъ въ Москву, стали учить здѣсь въ школѣ и латинскому языку. Выше мы уже указывали на то обстоятельство, что Досиѳею крайне нерасположенъ былъ къ латинамъ и ранѣе уже писалъ и патриарху Іоакиму и царю Θεодору Алексѣевичу и іеромонаху Тимоѳею, началь-

⁵¹ Греческія дѣла 7208 г. № 2.

нику Типографскаго училища, чтобы въ московской школѣ обучали только одному греческому языку и ни подъ какимъ видомъ латинскому въ виду того, что латинскій языкъ могъ сдѣлаться опаснымъ проводникомъ въ русскую православную среду латинскихъ новшествъ и воззрѣній. Съ особою силою Досиѳею указывалъ и теперь царямъ на весь тотъ вредъ для православныхъ, какой можетъ произойти и несомнѣнно произойдетъ отъ изученія латинскаго языка въ московской школѣ. „Латины отъ того времени, пишетъ онъ царямъ, что отлучились отъ католическіе церкви, учинили многія обновленія, и потомъ, учившися еллинскую мудрость, многіе книги писали льстивою мудростію и оправдаютъ себя, въ которыхъ и всякую добродѣтель отлагаютъ и всякое зло прощаютъ, токмо на то смотрятъ, чтобъ прельстити простыхъ принимати папешскую вѣру, тожде рещи безбожество. Второе, кальвины и лютераны, которые суть нечестивѣйшіе всѣхъ еретиковъ и притворяются, будто дѣлаютъ какъ повелѣваетъ святое писаніе, однакоже и они пишутъ на тайна и на святыя отцы многіе книги мудропрелестныя и вымышленныя, дабы могли прельстити простѣйшихъ. Третіе, паписты имѣютъ межъ собою многихъ безбожныхъ, которые писали и пишутъ многіе книги по ученію безбожнаго Епикура и учатъ многими лукавствы безбожства. Четвертое, тотъ езуитъ, который прежде всѣхъ былъ въ Китайскомъ государствѣ, той былъ утаенной и нечестивой, и сего ради и притворяясь, будто пишетъ исторію государства того, и межъ тѣмъ пишетъ, что имѣютъ китайцы лѣта начало отъ осьми сотъ тысячъ лѣтъ,—и иные такіе безбожности бласловятъ. Пятое, паписты пишущи утвердити новыя свои вымыслы иногда святыхъ злѣ толкуютъ, а иногда оклеветаютъ ихъ и святое писаніе зло толкуютъ и иными лукавствы и невѣдомыми исторіями радѣютъ утвердити ереси свои, и сія вся, кто прочтетъ, суще немудрый и неученый, чтобъ могъ разсудити, прельщается, обманывается и сердце его остужается, и падаетъ въ сумнѣніе вѣры“. Въ виду всего этого Досиѳею просить государей рѣшительно возбранить „ученіе латинское“ въ московской школѣ. Но во первыхъ, Лихуды учили въ Москвѣ латинскому языку уже восемь лѣтъ, что хорошо было извѣстно и Доси-

ею, однако ранѣе онъ не только ничего не находилъ въ ихъ дѣятельности предосудительнаго, но и относился къ ней сочувственно и съ одобреніемъ. „Радуюсь, писалъ онъ Лихудамъ уже въ 1691 году, о предупредѣніи, еже вамъ Господь сотвори и творить въ томъ же православномъ родѣ, и молимъ самого Бога да и отнынѣ превоспосылаетъ сіе. дѣло ваше отъ силы въ силу и сподобитъ въ величайшее еже по Христѣ совершенство“. Во вторыхъ, Досиѣей требовалъ, чтобы въ московской школѣ совсѣмъ не учили латинскому языку. Но рѣшительное изгнаніе изъ школы латинскаго языка было такою крайностію, на какую не рѣшались даже и самые горячіе поклонники у насъ греческаго ученія, и они допускали изученіе въ школѣ латинскаго языка съ тѣмъ лишь только условіемъ, чтобы ученики напередъ обучились греческому языку, а потомъ уже переходили къ изученію латинскаго языка. Такъ именно и поступали Лихуды, сообразуя свое преподаваніе съ требованіями и нуждами русскаго общества. Они хотя и преподавали въ московской школѣ латинскій языкъ, но главное и преимущественное значеніе въ ней усвоили греческому языку, который былъ господствующимъ языкомъ школы, почему она и носила при Лихудахъ, съ этой стороны, строго греческій характеръ. Но мало того, что Лихуды были убѣжденными сторонниками греческаго языка, они, какъ мы видѣли, были рѣшительными, энергичными и авторитетными противниками латинствующей у насъ партіи, смѣлыми обличителями ея неправославныхъ тенденцій, такъ что преподаваніе Лихудами въ московской школѣ латинскаго языка никакъ не вредило и не могло вредить православію русскихъ, наоборотъ въ молодой русской школѣ, благодаря Лихудамъ, насаждалось и крѣпло именно греческое строго православное направленіе.

Четвертое обвиненіе противъ Лихудовъ состояло въ томъ, что они вмѣсто того, чтобы „учить грамматику и инья ученія, забавляются около физики и философіи“. Нужно замѣтить, что Досиѣей былъ врагомъ свѣтскаго образованія и сторонникомъ образованія исключительно церковно-религіознаго. Въ своемъ окружномъ посланіи къ членамъ южно-русской церкви въ 1678 году онъ рѣшительно возстаетъ противъ всякой философіи, противъ всякаго знанія не основаннаго прямо на св.

Писаніи и церковномъ преданіи. „Философія, пишетъ онъ, великій вредъ, егда писанію святому смѣшается... Аще убо братіе отъ философіи начнемъ глаголати вамъ,—испразденіе есть кресту... Якоже братія моя занеже отъ премудрости и философіи міра сего аще писати вамъ будемъ слово утѣшенія, есть—истощанія, тожде рещи: запреи креста Господня, и паче разореніе, нежели зиданіе отъ отецъ“⁵²⁾. Въ грамотѣ къ патріарху Іоакиму Досиѣей пишетъ: „Философскія наши книги научили насъ въ началѣ нечестію, Евангеліе же даде намъ спасеніе—довлѣетъ сіе. Сиче васъ нѣщы оклеветуютъ, яко неученыхъ, рцете съ Павломъ: не срамляемъ Евангеліемъ Христовымъ, сила бо есть всякому вѣрующему во спасеніе; и паки: нѣсть сія мудрость сходящая отъ Бога, но земная, душевная и учительная, глаголетъ другій апостоль. И Павелъ паки: вѣра наша не въ премудрости челоувческой, но въ силѣ Божіей, понеже да неиспраздится крестъ Христовъ“. Въ виду такого отношенія Досиѣея къ свѣтскимъ наукамъ, къ мудрости міра сего, вполне естественно было, что онъ возсталъ противъ Лихудовъ, которые забавляются около физики и философіи. Но на вопросъ чему же и какъ слѣдовало обучать въ московской школѣ, Досиѣей отвѣчаетъ однако очень неопредѣленно. „Подобаетъ учинити указъ такой, пишетъ онъ, чтобы одинъ изъ нихъ (Лихудовъ) училъ свободныхъ ученій, а другой грамматику во всѣ дни недѣльные, а праздновати недѣльные дни и государскіе праздники и великую и свѣтлую недѣлю, а во иные праздники неспраздновали, но всегда-бъ учили учениковъ. Но и въ недѣльные дни и въ государскіе праздники приказали-бъ ученикамъ пратися межъ собою, дабы училися образъ діалектику. И по вся мѣсяцы блаженнѣйшій патріархъ при существующимъ при блаженствѣ его и никѣмъ отъ преславнаго сигклита и обрѣтающа тамъ ученые люди и такъ истязати, что учинили въ томъ мѣсяцѣ ученики; и къ тому истязати порознь учениковъ, чему училися, и радѣютъ-ли, и всегда-ль пребываютъ въ школѣ, и праведная чтобъ хвалили, а преступленія укоряли, и всякими образы испраждати ихъ; и тако будетъ приращеніе и ученіе школы

⁵²⁾ Арх. юго-запад. Россіи, т. V, стр. 11—32.

и великихъ государей жалованье дано будетъ не все⁴. — Указанія предметовъ и программы ихъ преподаванія здѣсь очевидно нѣтъ. Въ извѣстной „привиллегіи на Академію“ предполагалось преподавать въ московской школѣ „науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословія, учащей вещей божественныхъ, и совѣсти очищенія постанова. При томъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлостъ Академіи, сирѣчь училищъ, составляется, быти“⁵³). Если Лихуды считали себя обязанными выполнить хотя бы отчасти предположенную „привиллегіей“ программу школьнаго преподаванія, то они прямо обязаны были „забавляться около физики и философіи“, а не низводить школьное обученіе до изученія только грамматики и нѣкоторыхъ другихъ наукъ, которыхъ Досиѳею даже и не называетъ, только глухо выражаясь, чтобы одинъ изъ Лихудовъ „училъ бы свободныхъ ученикъ, а другой грамматику“.

Къ обвиненію Лихудовъ въ томъ, что они забавляются около физики и философіи, Досиѳею присоединяетъ и еще обвиненіе, будто бы они учатъ нерадиво, безъ достаточнаго прилежанія, такъ что изъ ихъ учениковъ „неточно кто учинился учитель, но которые что и учили, и то не добръ памятувають, понеже безъ прилежанія имъ ученіе предавали“. Но и это обвиненіе несправедливо: Лихуды съ усердіемъ проходили въ московской школѣ разныя науки и изъ ихъ школы вышло нѣсколько вполне образованныхъ воспитанниковъ, заявившихъ себя особенно переводными трудами. Самъ архимандритъ Хрисанѳъ невольно засвидѣтельствовалъ ту истину, что ученики получали у Лихудовъ солидное образованіе, когда совѣтовалъ патриарху Адриану отрѣшить Лихудовъ отъ преподаванія въ школѣ, поручивъ его ихъ воспитанникамъ Николаю Семенову и Федору Паликарпову.

Пятое обвиненіе Досиѳея противъ Лихудовъ состояло въ томъ, что они многихъ, „которые пріѣзжаютъ тамъ отсель монаховъ нѣкіихъ заступають и помогаютъ, а иныхъ уничи-

жаютъ и оклеветаютъ, многимъ же безстыдно говорятъ, что они на Москвѣ у грековъ особо и глава“. Въ виду этого Досиѳею доказываетъ, что на Москвѣ всѣмъ пріѣзжимъ духовнымъ грекамъ одинъ есть глава — московскій патриархъ, что учителямъ должно сидѣть въ школѣ, „а не такъ, яко государемъ, но яко старцамъ смиренно и не гордо“, чтобы они не представляли изъ себя „особу судіи“, но во всемъ безусловно подчинялись московскому патриарху. — Все это обвиненіе состоитъ изъ одного недоразумѣнія. Дѣло въ томъ что въ виду множества просителей милостыни, постоянно являвшихся въ Москву съ православнаго востока, и въ виду возможныхъ злоупотребленій и обмановъ съ ихъ стороны, русское правительство всегда старалось имѣть подъ рукою такого довѣреннаго грека, который бы, зная православный востокъ и имѣя тамъ связи и сношенія съ разными лицами, могъ бы давать правительству, особенно въ слѣчаяхъ сомнительныхъ, свѣдѣнія о являющихся въ Москву просителяхъ милостыни. Понятно, что такое лицо своей рекомендаціей могло въ извѣстныхъ случаяхъ одному посодѣйствовать въ полученіи большей милостыни, другому отказать въ своемъ содѣйствіи и тѣмъ затруднить ему полученіе такой милостыни, на какую онъ ранѣе рассчитывалъ; понятно также, что просители, являясь въ Москву за милостынею, спѣшили прежде всего заручиться расположеніемъ довѣреннаго у правительства лица. Когда Лихуды пріѣхали въ Москву и заняли здѣсь прочное и вліятельное положеніе, то наше правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ и стало обращаться къ нимъ за справками относительно пріѣзжавшихъ въ Москву за милостынею лицъ, почему Лихуды являлись какъ бы посредниками между правительствомъ и пріѣзжими греками, которые и сами стали обращаться къ Лихудамъ, какъ знающимъ московскіе порядки и могущимъ быть для нихъ во многихъ случаяхъ полезными. Естественно, что роль посредниковъ создала Лихудамъ изъ пріѣзжихъ грековъ многихъ враговъ, такъ какъ нѣкоторымъ казалось, что Лихуды недостаточно заботятся объ ихъ интересахъ, или что они даже противодѣйствуютъ имъ, наговаривая на нихъ московскому правительству и т. под. Отсюда жалобы на Лихудовъ Досиѳею, конечно въ преувеличенномъ

⁵³) Древняя Вивліоенка, т. VI, стр. 402

видѣ, въ известной окраскѣ, а Досиѳею повѣрилъ этимъ жалобамъ и представилъ себѣ дѣло такъ, что будто бы Лихуды присвоили себѣ въ Москвѣ право судить и рѣдить о всѣхъ дѣлахъ прїѣзжихъ грековъ, являясь въ Москвѣ ихъ главами и судьями,—чего въ дѣйствительности вовсе не было.

Шестое обвиненіе и послѣднее противъ Лихудовъ состоитъ въ томъ, что они „безъ страха Божія учинили противно правиламъ и истинѣ и потщилися утвердить священнокрадца и латинумудрственника и предателя благочестія—праведнаго и благочестиваго, будто для того, что бы не унижался греческій родъ, яко имѣеть и злыхъ людей“. Подъ „священнокрадцемъ, латинумудрственникомъ и предателемъ благочестія“ Досиѳею разумѣеть нѣкоего епископа Акакія или Арсенія, изъ за котораго особенно обострились отношенія между Досиѳею и Лихудами. Объ Акакіѣ въ Москвѣ возникло цѣлое дѣло, очень неблагоприятно повліявшее на положеніе Лихудовъ.

8 марта 1693 года архимандритъ Хрисанеъ, находившійся тогда въ Москвѣ, прислалъ въ Посольскій Приказъ два письма, изъ которыхъ одно на греческомъ языкѣ писано было къ Хрисанеу отъ андрускаго епископа Арсенія или Акакія, который находился въ то время во Львовѣ, прибывъ туда изъ Венеціи. Епископъ называетъ въ письмѣ Хрисанеа своимъ двоюроднымъ братомъ и что онъ, находясь во Львовѣ, услышалъ о проѣздѣ Хрисанеа въ Москву, почему и закликаетъ его именемъ Бога вышняго и душею общаго великаго ихъ дяди и госпожи тетки, чтобы онъ не былъ противъ его, такъ какъ и онъ, епископъ, тоже собирается ѣхать въ Москву. Отъ дяди же своего (т. е. Досиѳея), пишетъ епископъ, никакого добра не видали, что хорошо знаетъ и самъ Хрисанеъ, о которомъ епископъ отзывается, что онъ былъ и будетъ похвалою и столпомъ св. Гроба и своей отчизны. Письмо было помѣчено 11 января 1693 года и имѣло подпись: „прежде бывший епископъ андрускій Арсеній“. Въместѣ съ этимъ письмомъ Хрисанеъ прислалъ въ Посольскій Приказъ и другое письмо, заключавшее въ себѣ докладную записку самого Хрисанеа, въ которой онъ объясняетъ, кто такое былъ именующій себя андрускимъ епископомъ Арсеніемъ. „Человѣкъ сей, писалъ Хрисанеъ, который идетъ сюда подѣ-

именемъ епископа и говорить, что имѣеть при себѣ часть честнаго древа, родился въ Пелопонессѣ и пришелъ въ Іерусалимъ, только не знаю въ какомъ году, мірянниномъ или чернцомъ, поставленъ былъ діакономъ и служилъ брату патриаршему старцу Каллисту, который мнѣ дядя. Онъ обокралъ у него келію и бѣжалъ въ Кипръ и другіе острова и тамъ выдавалъ себя за іерусалимскаго старца и просился отлѣпиться съ поклонниками на корабль, какъ бы въ Іерусалимъ. На морѣ за тѣмъ кораблемъ погнались разбойники. Тогда онъ увѣрилъ поклонниковъ, что монаховъ разбойники не грабятъ и взялъ у нихъ на сохраненіе всѣ деньги, и какъ приблизился корабль разбойническій, онъ перескочилъ на него говоря разбойникамъ, что пойдетъ съ ними во французскую землю. И такъ ушелъ, взявъ животы бѣдныхъ христіанъ, которые о томъ рассказали въ Іерусалимѣ. Долго объ немъ не было слышно, а когда Морозини, князь венеціанскій, былъ въ Морѣѣ, представилъ онъ ему подложныя письма, какъ бы отъ блаженнѣйшаго патриарха, какъ бы посланный отъ него въ нѣкоторые монастыри намѣстникомъ; и по тѣмъ ложнымъ письмамъ сталъ владѣть монастырями и надѣлалъ много бѣдъ. Случилось, что Морозини посылалъ въ Царьградъ одного іеромонаха, тайно просить патриарха цареградскаго о перемѣнѣ митрополита навплийскаго, которымъ былъ недоволенъ, и слыша, что іерусалимскій имѣеть великую силу на соборѣ, писалъ къ нему, что грамоты его принялъ (присланные съ Арсеніемъ) и потому просилъ poradѣть о его дѣлѣ. Но патриархъ узнавъ изъ сихъ писемъ, что это бѣглець, и что по страху отъ турокъ нельзя послать изъ Царьграда новаго митрополита, отпустилъ безъ отвѣта пришедшаго къ нему іеромонаха. Потомъ слухъ прошелъ, что діакономъ сей сдѣлался епископомъ. Патриархъ послалъ въ Морею газскаго митрополита, который подробно извѣстилъ объ немъ, и его низвергли соборно съ епископства; но какъ онъ попалъ въ Венецію и во Львовъ—не знаетъ. Посему, Хрисанеъ просить, чтобы великіе государи приказали держать епископа на рубежѣ и письма отобрать, чтобы видѣть, съ чѣмъ идетъ и есть-ли у него патриаршее прощеніе, если нѣтъ, то не только не впускать его, но и честное древо отобрать, ибо укралъ

его у св. гроба, а притомъ и наказаніе учинить и не отпустить его назадъ, а только бы дать мѣсто, гдѣ душу спасти“.—Между тѣмъ 18 марта въ Москву пріѣхалъ самъ епископъ Арсеній и поставленъ былъ на калязинскомъ подворьи. Въ Посольскомъ Приказѣ онъ заявилъ, что ѣхалъ на Венецію и бывши тамъ слышалъ, что монастырь его раззоренъ турками, которые расхитили всю церковную утварь. Во епископа онъ поставленъ монемвасійскимъ епископомъ Григоріемъ въ андрусскую епархію тому уже пять лѣтъ и ставленная грамота у него есть, а въ Москву пріѣхалъ для милостыни. Въ Іерусалимѣ онъ былъ міряниномъ, оттуда пошелъ въ Царьградъ и съ годъ жилъ у патріарха Досіея и съ его благословенія отошелъ въ Кипръ, гдѣ посвященъ въ іеромонахи, а оттуда переѣхалъ въ Морею. Когда его спросили о имѣющемъся при немъ честномъ древѣ, то епископъ показалъ, что при немъ есть часть онаго, ради святыни и исцѣленія болящихъ, что онъ пріобрѣлъ ее въ Іерусалимѣ, живши у брата патріаршаго восемь лѣтъ, который былъ ему двоюродный дядя и любилъ его какъ сына и благословилъ его симъ крестомъ и многіе получали отъ него исцѣленіе. Бывши въ венеціанскомъ лазаретѣ и увидѣвъ здѣсь одного бѣснуемаго солдата, осѣнилъ его трижды тѣмъ крестомъ и тотъ исцѣлился. И у самого епископа дорогою опухло лицо, онъ попросилъ архимандрита, ему сопутствовавшаго, осѣнить его честнымъ древомъ и болѣзнь миновалась.—Просили еще въ Приказѣ у епископа списка мощамъ, какія находились при немъ, но дать его онъ отказался, заявивъ, что держитъ мощи у себя какъ неоцѣненное сокровище, ставленную же свою грамоту предъявилъ. Епископа подвергли допросу относительно обвиненій, взведенныхъ на него Хрисанеомъ и въ то же время спрашивали его, почему на ставленной его грамотѣ три печати и подъ однимъ гербомъ и двѣ восковыя отнятыя и чьи онѣ? Относительно ставленной грамоты епископъ показалъ: три печати на ней потому, что діакопъ митрополита монемвасійскаго, поставившаго его въ епископы, не умѣлъ хорошо запечатать, потому и гербъ одинъ. Затѣмъ епископъ заявилъ, что изверженъ онъ никогда не былъ и быть не могъ отъ іерусалимскаго патріарха, потому что не

въ его области и не зачѣмъ ему просить у него прощенія. Когда онъ былъ при Досіеѣ, тотъ самъ далъ ему отпустительную грамоту въ Морею на его родину. Свидѣтельствуюсь совѣстію, заявлялъ епископъ, что никогда не былъ изверженъ и какъ на свидѣтелей своей правоты онъ ссылался на живавшаго въ Венеціи при греческой церкви митрополита филадельфійскаго Мелетія и на всѣхъ архіереевъ морейскихъ. Они въ Венеціи вмѣстѣ съ нимъ ставили сербскаго епископа въ Долмацію, чего бы не могло быть, если бы онъ былъ изверженъ. 26 мая государи повелѣли сослать епископа Арсенія подъ началь въ Новоспасскій монастырь, пока не отпущенъ будетъ изъ Москвы архимандритъ Хрисанеъ для того, чтобы по злобѣ своей не сдѣлалъ Арсеній грабежа у него въ Польшѣ чрезъ противниковъ православныя вѣры римлянъ. Епископу же запрещено было видѣть „царскіе очи“ пока объ немъ не придутъ свидѣтельства восточныхъ патріарховъ; до того же времени велѣно было отобрать у епископа честное древо и передать его въ Успенскій соборъ. Между тѣмъ Досіеѣй, получивъ извѣстіе о намѣреніи Арсенія или Акакія отправиться въ Москву, отъ 5 мая (1693 г.) писалъ патріарху Адріану: „во Іерусалимѣ былъ нѣкто діакопъ и отъ злобнаго своего житія убѣже, и не знаемъ како, гдѣ и когда хиротонисася епископъ. Потомъ ходилъ по нѣмецкимъ городамъ, составляя себѣ грамоты ложныя, что будто посланъ изъ Іерусалима ради собранія милостыни, потомъ, пришедъ въ Вѣну къ цесарю, таяжде чинилъ. Онъ же, епископъ, учинилъ много зла сербскому архіепископу Арсенію и всѣмъ съ нимъ сербяномъ... Потщитесь заслати того епископа куды нибудь, чтобы людемъ отъ него покой былъ“. Узнавъ затѣмъ, что Акакій или Арсеній дѣйствительно прибылъ въ Москву, Досіеѣй отъ 15 іюля посылаетъ Адріану новую грамоту, въ которой уже подробно сообщаетъ, кто такой былъ епископъ Акакій или Арсеній и какія преступленія совершилъ онъ. По словамъ Досіея Акакій прибылъ въ Іерусалимъ мірскимъ человѣкомъ „и обѣщался работати нашему родному брату монаху Калисту“, у котораго онъ укралъ потомъ часть животворящаго древа и бѣжалъ въ Кипръ, гдѣ былъ рукоположенъ во іереи. Изъ Кипра онъ бѣжалъ въ Целопонессъ,

„идѣже давъ сто ефимковъ митрополиту монемвасійскому“, поставленъ былъ отъ него епископомъ андрусскимъ, помимо всякихъ канонѡвъ. Узнавъ объ этомъ онъ, Досиѡей, вмѣстѣ съ патриархомъ Константинопольскимъ и соборомъ „отлучихомъ его и анаѡематствовахомъ яко святокрадца и несвященна, яко наругателя и торгующа великимъ священства саномъ и таинствомъ“. Но Акакій вмѣсто того, чтобы покаяться, „приложи зло ко злу“: составилъ подложныя грамоты и назвавшись митрополитомъ іопскимъ, будто бы посланнымъ отъ іерусалимскаго патриарха за сборомъ милостыни, отправился въ Венецію, гдѣ и присвоилъ себѣ сто золотыхъ, завѣщанныхъ однимъ христіаниномъ св. Гробу. Изъ Венеціи онъ прибылъ въ Вѣну, „идѣже совокупися тутошнему кардиналу, повѣда ему папешство“, такъ что кардиналъ сталъ ему давать содержаніе отъ себя и кромѣ того одарилъ его подарками. Но, попущеніемъ Божиємъ, Акакій въ Вѣнѣ „обличися въ паденіи съ нѣкоею блудницею, сего ради искаша его озлоторити“. Тогда онъ бѣжалъ изъ Вѣны къ сербамъ, живущимъ въ Венгріи, и выдавая себя за епископа іопскаго, посланнаго іерусалимскимъ патриархомъ, сталъ собирать милостыню для св. Гроба. Сербскій архіепископъ Арсеній усумнился въ его правахъ сборщика и потребовалъ отъ него рекомендательную грамоту іерусалимскаго патриарха, которую тотъ дать ему конечно не могъ, и кромѣ того обличалъ его за соединеніе въ Вѣнѣ съ латинами. „Онъ же, яко злохитрый, хождаше въ народъ и глаголаше, яко архіепископъ завиствуетъ Гробу Господню и милостыни его препинаетъ, и возмути народъ на архіепископа и тако поневоли (насиліемъ) совершалъ толикая освященія и литургіи и собралъ милостыню ко Гробу Господню“. Въ заключеніе Досиѡей пишетъ объ Арсеніѣ, что онъ „священнокрадецъ, изгнанъ, отлученъ, изверженъ и анаѡематствованъ отъ соборнаго уложенія; прелестникъ есть, понеже называется іопскій; нечестивъ есть, понеже овогда прилагается къ латиномъ и служитъ (съ ними), овогда къ православнымъ; клеветникъ есть, понеже глаголетъ, яко посланъ есть отъ Гроба Господня; тать есть, яко второй Іуда, понеже просить и собираетъ милостыню отъ христіанъ на Гробъ Гос-

подень, иждиваетъ же на студодѣянія своя. Сего ради честное древо, еже украде въ Іерусалимѣ, возмите отъ него ваше блаженство и сохраните, идѣже хотите, а его, Акакія, пошлите куды ни есть подалѣ въ монастырь, чтобы ему тамо обитати безвыходно заключенно, авось либо на покаяніе придетъ, зане еще отманится отъ васъ, прямо поидетъ въ Римъ къ папѣ, таже будетъ ходити и прельщати православныя и подвизати на уніатство, яко же мнози творять въ Унграхъ и въ Польши и ины мнози во многихъ мѣстѣхъ“.

Эта грамота Досиѡея не произвела однако на патриарха Адріана того впечатлѣнія, на какое рассчитывалъ Досиѡей: обвиняемый имъ епископъ не былъ сосланъ, а по прежнему оставался жить въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ Акакія взяли подъ свою защиту Лихуды, которые всячески старались обѣлить епископа отъ обвиненій, взведенныхъ на него Хрисанѡмъ и Досиѡеємъ, и даже обѣщались представить патриарху Адріану грамоты константинопольскаго патриарха, которыми бы вполне оправдывался обвиняемый епископъ. Въ виду этого архимандритъ Хрисанѡвъ, уѣзжая изъ Москвы (въ январѣ 1694 г.), обратился къ государямъ съ особою челобитною, въ которой указывая на самозванство епископа Арсенія, на то, что Досиѡей подробно писалъ объ его преступленіяхъ патриарху Адріану, просилъ сослать его куданибудь подальше и ни подъ какимъ видомъ не давать ему свободы, такъ какъ если отпустить его на свободу, то онъ будетъ клеветать предъ турками на іерусалимскаго патриарха и сдѣлаетъ то, „что турки патриарха іерусалимскаго умертвятъ и всѣхъ, которые при немъ живутъ, перевѣшаютъ или на коль посадятъ, если хотя и мало что услышатъ, что патриархъ сюда грамоты посылаетъ и наипаче тому повѣрятъ, когда услышатъ, что архимандритъ былъ въ Москвѣ“. Далѣе Хрисанѡвъ заявлялъ: Арсеній хвалится, что ожидаетъ изъ Царьграда патриаршихъ оправдательныхъ грамотъ, „потому что ему обѣщались исходатайствовать такія грамоты школьные учителя Іоанникій и Софроній Лихудіевы, и то вѣрно, что они стараются получить сіи грамоты, чтобы епископу отсюда выйти и учинить какое либо зло патриарху іерусалимскому и его престолу за

то, что святѣйшій писалъ о нихъ къ царскому величеству правду, о неправедномъ искательствѣ ими княжескаго достоинства и о неприлежаніи ихъ въ ученіи. Посему, гнѣваась на него, хотятъ всякимъ образомъ ему отмстить и въ челобитной пишутъ, чтобы государи велѣли его отпустить изъ Москвы судиться съ патриархомъ іерусалимскимъ. Это прошеніе поистинѣ достойно смѣха или слезъ, и хотятъ показать они свою скверную гордость или явную глупость: будучи простыми старцами, домогаются судиться съ апостолопрестольнымъ патриархомъ, — и кто ихъ прошенію не посмѣется и ихъ самихъ не обругаетъ? Они не только съ нимъ судиться, но и явиться къ нему не посмѣютъ, ибо сей-часъ тамъ каторгу узнаютъ и испытаютъ за свое безумное дерзновение; посему и стараются подкупить, чтобы о низверженномъ епископѣ пришли грамоты изъ Царьграда и хотя бы черезъ него учинить какое либо мщеніе іерусалимскому престолу клеветами у турокъ. Но такія грамоты не могутъ прійти, кромѣ развѣ подложно составленныхъ подкупомъ, а если бы и пришли, то нельзя не подвергнуть особому разсмотрѣнію отъ такихъ злонравныхъ людей, потому что патриархъ іерусалимскій ложно и затѣйливо такимъ государямъ писать не станеть, и онъ по своему патриаршескому лицу наипаче заслуживаетъ вѣры“. Въ заключеніе Хрисанеъ проситъ государей не отпустить епископа изъ Москвы, а заточить его навсегда въ какой нибудь дальній монастырь. Съ своей стороны и Акакій, руководимый и подкрѣпляемый Лихудами, подалъ государямъ челобитную, въ которой заявлялъ: „по древней лести дьявольской позавидовалъ архимандритъ Хрисанеъ, что привезъ онъ (Акакій) ради царскаго здравія нѣкую часть честнаго древа и инья св. мощи, и прислалъ къ нему своего челоувѣка, чтобы никому о томъ не объявлялъ, если хочеть себѣ добра. Онъ же не хотѣлъ измѣнить своего намѣренія и потому оболгалъ его Хрисанеъ въ Посольскомъ Приказѣ, будто все, что онъ привезъ, краденое“. Акакій умоляетъ царей освободить его изъ заточенія и запретить Хрисанеу писать объ немъ къ патриарху Досиею, что будто бы онъ на него клевететь, „ибо тогда патриархъ грамотою своею его конечно погубить“. На эту челобитную Акакія, благо-

даря конечно ходатайству Лихудовъ, послѣдовала отъ государей очень милостивая резолюція: Акакію велѣно было давать въ Москвѣ обычное для архіереевъ-просителей содержаніе и сверхъ того ему дано было 10 рублей на милостыню, „такъ какъ святыню свою не повезъ онъ къ польскому королю или венеціанскому князю, но къ нимъ великимъ государямъ“. Но Досиеей не могъ конечно уступить въ этомъ дѣлѣ Лихудамъ и тѣмъ уронить свое значеніе и авторитетъ въ Москвѣ. Въ сентябрѣ 1694 года Досиеей обращается съ особою грамотою къ государямъ, въ которой опять подробно описываетъ всѣ похождения Акакія и проситъ немедленно заточить его въ дальній монастырь. вмѣстѣ съ своею грамотою Досиеей прислалъ государямъ и грамоту константинопольскаго патриарха, содержащую въ себѣ соборное осужденіе и низложеніе Акакія. Въ виду этого бывший епископъ Арсеній или Акакій былъ сосланъ въ Казань, гдѣ онъ вѣроятно и умеръ⁵⁴).

Дѣло объ епископѣ Арсеніѣ сильно повредило Лихудамъ, показавъ, что они дѣйствительно, какъ писалъ Досиеей, покровительствуютъ въ Москвѣ грекамъ крайне сомнительной репутаціи. Кромѣ того это дѣло вызвало открытое рѣзкое столкновение между Лихудами и іерусалимскимъ патриархомъ, такъ что нашему правительству пришлось выбирать между двумя ссорившимися сторонами. Конечно Лихуды были въ Москвѣ люди нужные и полезные, ихъ дѣятельностію наше правительство было вполне довольно и ему тяжело было удалить ихъ изъ школы, только ради гнѣва на нихъ Досиеея и Хрисанеа. Но съ другой стороны правительство сильно дорожило и своими добрыми отношеніями къ Досиеею, который былъ самымъ ревностнымъ сторонникомъ и слугою русскихъ интересовъ въ Турціи, — это былъ челоувѣкъ рѣшительно незамѣнимый для нашего правительства, которымъ никакъ нельзя было пожертвовать ради Лихудовъ, почему послѣднимъ и пришлось поплатиться за свою борьбу съ іерусалимскимъ патриархомъ.

⁵⁴) Греческія дѣла 7201 г. № 38. Не переплетенный сборникъ московскаго синода. библ. № IV, л. л. 50, 62—65.

Архимандритъ Хрисанъ, прожившій весь 1693 годъ въ Москвѣ, настаивалъ предъ патриархомъ Адрианомъ, чтобы онъ удалилъ Лихудовъ изъ школы. Но Адрианъ не соглашался на этотъ рѣшительный шагъ, ссылаясь на то, что съ удаленіемъ Лихудовъ школа вовсе останется безъ учителей. Тогда Хрисанъ рѣшился устранить это препятствіе, лишь бы только добиться удаленія изъ Москвы ненавистныхъ ему Лихудовъ. Проживая по выѣздѣ своемъ изъ Москвы въ Батурина у гетмана, Хрисанъ отъ 20 мая 1694 года писалъ патриарху Адриану: „Николай Спаарій писалъ ко мнѣ, что азбуки греческія и латинскія готовы и будутъ де присланы къ Москвѣ въ іюль мѣсяцѣ; и се и іюль близъ есть и ко книгамъ нужда есть до справщика, понеже трудъ надъ ними великій. Сего ради да благоволятъ ваше всесвятѣйшество прислати ко мнѣ писаніе на имя владыки моего или ко мнѣ о такомъ человѣкѣ, хотя чрезъ Спаарія или Николая Семенова, аще не благоволиши отъ своего лица, и потому писанію пришется отъ насъ не мѣшкавъ человѣкъ искусный и довольно испытанный во всемъ, и въ наукахъ совершенный, и дондеже книги будутъ исправлятися и печататися, той же человѣкъ и первымъ ученикомъ можетъ удобно и философію показати, и единъ человѣкъ и во едино время и за единымъ жалованьемъ и книги справятъ и ученики совершенны въ наукахъ будутъ и впредъ отъ иноземцовъ ничего не востребуете. А дондеже пришется отъ насъ таковой человѣкъ, можетъ учить послѣднихъ учениковъ Николай и Феодоръ до философіи, и сіе сотворится безъ всякаго косненія, аще изволиши свою архипастырскую грамоту о семъ человѣкѣ прислати, или Николаю Семенову прикажи написати ко мнѣ и тако будетъ. Тѣмъ же да благоволятъ ваше всесвятѣйшество о семъ отвѣтъ дати, дондеже есмь здѣ (т. е. въ Батурина)“⁵⁵⁾. Патриархъ Адрианъ, какъ видно, чрезъ Николая Семенова отвѣтилъ на предложеніе Хрисанова прислать для московской школы новаго учителя полнымъ согласіемъ, такъ какъ Хрисанъ отъ 24 октября того же 1694 года опять изъ Батурина писалъ Адриану: „будетъ всесовершенно пе-

⁵⁵⁾ Непереплетенный сборникъ Моск. синод. библ. № IV, л. 72 об. 73

щися блаженнѣйшій мой владыка (т. е. Досиѳей), яко же благоволилъ еси, ежебы человѣка довольнаго во ученіи прислати, который могъ бы и школу держати и книги исправляти, и будетъ вашему всесвятѣйшеству рабъ и подножіе ногъ вашихъ. И присланъ будетъ такимъ поведеніемъ, что въ маломъ времени Божіею помощію совершенныхъ учителей поставитъ изъ первыхъ учениковъ, и потомъ паки возвратится во своя. И присланы съ нимъ будутъ грамоты имянно къ великимъ государямъ и къ вашему святѣйшеству“. Затѣмъ Хрисанъ пишетъ и о Лихудахъ: „на послѣдокъ же о дву твоє всеблаженство молю: перво, что если сіи проклятіи волцы (т. е. Лихуды) избавятъ, еже не буди, въ школу бы паки не входили, за то что злый всегда золь и добра отъ него не будетъ. И о второмъ молю, чтобы школа не-праздна была, но чтобъ прежде реченніи ученицы ученіе давали, сколько сами пріяли, и доволенъ есть рабъ вашъ Николай таковое дѣло управляти, дай Боже и другимъ то-лико научитися, елико словесность его знаетъ. И аще ваше святѣйшество о иныхъ учителяхъ сумнѣвается, благоволи спросити Николая Спаарія, яко ученаго человѣка и правдиваго, за что и блаженнѣйшему моему владыкѣ крайній другъ, и не учинитъ лицепріятства предъ вашимъ лицемъ крайнимъ ни о сихъ (т. е. Лихудахъ), ни о хотящихъ быти“⁵⁶⁾. Повѣривъ этому рѣшительному заявленію Хрисанова, что новый учитель для школы немедленно будетъ присланъ въ Москву, патриархъ Адрианъ удалилъ Лихудовъ изъ школы, поручивъ временное преподаваніе въ ней, до прибытія новаго учителя, Николаю Семенову и Феодору Поликарпову. Но въ Москвѣ напрасно ждали новаго учителя, который бы замѣнилъ собою Лихудовъ. Въ маѣ уже 1696 года Досиѳей пишетъ патриарху Адриану: „учителя и справщика не прислали еще труднаго ради времени, зане здѣ нетокмо нынѣ писалъ бы кто къ вамъ, или послалъ бы кто человѣка, но кто бы и имя ваше изъ устъ изнесъ, смертную казнь пріиметь“⁵⁷⁾. Не присылая

⁵⁶⁾ Ibid. л. 81—82.

⁵⁷⁾ Прил. № 20.

на мѣсто Лихудовъ новаго учителя, Хрисанеъ однако продолжалъ настаивать, что бы Лихуды были высланы изъ Москвы и отправлены куда нибудь въ заточеніе, пребываніе ихъ въ Москвѣ (они по удаленіи изъ школы переведены были въ типографію, гдѣ обучали желающихъ итальянскому языку), вблизи царя и патриарха, казалось Хрисанеу опаснымъ. Отъ 8 іюля 1696 года Хрисанеъ пишетъ патриарху Адриану: „епископъ Акакій или Арсеній много зла противная писалъ чрезъ нѣкія люди ко французскому резиденту, который есть въ Царьградѣ, какъ азъ посланъ отъ іерусалимскаго патриарха къ Москвѣ, дабы московскій царь возсталъ и воздвигъ брань на турка и иная многая. И божественнымъ смотрѣніемъ такіа письма, недошедше къ резиденту, попалися нѣкоему благочестивому, и видя онъ, что съ Москвы къ резиденту французскому, распечаталъ и прочетъ такіа навѣты на патриарха и на меня, скрылъ тѣ письма, — Всемогуцій избавилъ насъ отъ напасти. Еще же и учителя, обрѣтающіися при васъ, не престають содѣяти таяжде чрезъ многая средства, но спасаемся. Тѣмъ же просить блаженнѣйшій мой владыко (Досіеѣй), дабы того епископа изволилъ ты сослать въ дальнѣе нѣкое мѣсто, и чтобъ ему чернилъ и бумаги отнюдь не давать; также и о учителяхъ, зане въ таковомъ времени могутъ происходатайствовать намъ всѣмъ всякое бѣдство. И егда будетъ мирнѣе, аще благоволитъ Господь, тогда будетъ иное управленіе. О семъ просить владыко мой (Досіеѣй), и да будетъ яко же изволитъ ваше всесвятѣйшество“⁵⁸). Эти настоятельныя требованія со стороны Хрисанеа и Досіеѣя сослать въ заточеніе Лихудовъ, были неприяты патриарху Адриану, такъ что онъ 20 февраля 1697 года послалъ Хрисанеу на греческомъ языкѣ особую грамоту, въ которой писалъ: „учители ваши (т. е. Лихуды) не могуще ваящія намъ пользы сотворити отъ сотвореннаго, тчатся иный языкъ, иную науку простерти и учити насъ нечаяннымъ, рекше, латиноитальянскому языку. Намъ убо что сотворити? Отъ васъ изыдоша и ваша свидѣтельства носяще, яко мудры и во всемъ совершенны, здѣ

⁵⁸) Непереплетенный рукописный сборникъ Моск. синод. библ. № IV л. 88 об. — 89.

почтени и обогащени быша, но на вы паки, яко же добръ вѣси и безъ описаній. Святыня твоя желалъ печати яко елень на источники водныя, и се убо печать совершенна, желаніе же твое несовершенно видится, ни едино бо ниже объ учителѣ, ниже о справчикѣ даже и до нынѣ совершился прилежаніе. Слышахомъ отъ писаній твоихъ, яко изыщнѣйшій врачъ Іоаннъ Комнинъ прииде изъ Іерусалима въ Царьградъ, гдѣ же нынѣ обрѣтается, неизвѣстно; тѣмъ же твоя святыня яко добрый сый риторъ аще гдѣ либо увѣсти его прийти къ намъ безъ продолженія времени, елико возможно есть, ово убо сотворитъ по обѣщанію своему вѣрность и постоянство, ово же и намъ имать быти отъ него добротство, яко мужъ мудръ, кротокъ и во всемъ яко воистину совершенъ, изъ обоихъ обаче всякое крайнее блага и пользы намъ паче происходатайствуется. Подобаеть убо ему со всякимъ усердіемъ къ намъ по обѣщанію своему прийти, съ нимъ же, аще возможно, и твоей святыни не неприлично прибыти, принадлежить бо обоимъ подлоговъ подлежащее, яко же вѣдомо“⁵⁹). На эту грамоту патриарха Адриана съ настойчивымъ требованіемъ прислать въ Москву обѣщаннаго учителя школы, на мѣсто удаленныхъ Лихудовъ, отвѣчалъ не Хрисанеъ, который на время уѣхалъ въ Италію, а Досіеѣй. Отъ 6 марта 1698 года онъ пишетъ Адриану: „слышали мы, яко нѣцци, помогающе учителемъ, глаголють: яко азъ писалъ прежде и хвалилъ учителей, нынѣ же чесо ради порицаю ихъ? Обаче сицева глаголющія суть несмысленны, зане Христось сердце вѣдець сый избра Іуду и сотвори апостола яко добраго, егдаже бысть золь, отринулъ его. И св. Григорій Богословъ почиташа толика лѣта Максима Киника, яко честна, и егда бысть золь, отринулъ его толико, яко вторый вселенскій соборъ повелѣ того Максима ниже христіаниномъ глаголати. Тако и мы, вѣдающе учителей по образу яко смиренныхъ, чаяху быти имъ и по сердцу добрымъ; и понеже быша зли и лукави, писали мы лукавство ихъ и злобу, которую и вы видѣсте очевидно, и не бѣ потреба писати многи грамоты о

⁵⁹) Ibid. л. 95 об. — 96.

сцевыхъ, но подобаше и по единой токмо грамотѣ послати ихъ куды ни есть въ дальншія страны, и не здѣ бы имъ пребывати и писати, что хотятъ, понеже они тихости стяжати не умѣютъ и пишутъ сюды лживыя словеса, отчего послѣдуетъ нѣкое зло,—и послѣ смерти покаянiе что пользуютъ? И толика о нихъ“. Покончивши съ Лихудами Досиеей пишетъ далѣе: „учителей пришлемъ къ дѣлу, и препятіе не токмо страхъ, но суть вапимъ странамъ непривычны и не суть довольни управлати дѣло, якоже подобаетъ, кромѣ Іоанна Комнина, который зѣло потребенъ есть къ дѣлу, зане можетъ учинити перво оглавленіе вещей, второе изъясненіа нѣкая (при печатаніи въ Москвѣ греческихъ книгъ)“⁶⁰). Въ мартѣ того же 1698 года Досиеей снова пишетъ патриарху Адриану объ учителяхъ: „вскорѣ посланъ бы былъ учитель, нѣкто іеромонахъ Діонисій, совершенъ въ еллиногреческихъ и латинскихъ наукахъ и въ самой философіи и богословіи, и ожидаетъ во свидѣтельство грамотъ изъ Царяграда и зѣло житіемъ и нравомъ искусенъ, во многихъ государствахъ странствовалъ: въ Венеціи, въ Падвѣ, въ Римѣ, во аглицкой и галанской земляхъ“⁶¹). Но ни Іоаннъ Комнинъ, ни іеромонахъ Діонисій въ Москву для учительства не явились.

Изъ представленной переписки патриарха Адриана съ Досиеемъ и Хрисанеомъ открывается, что Адрианъ, уступая настояніямъ Досиеея и Хрисанеа, въ концѣ, вѣроятно, 1694 года, рѣшился удалить изъ школы Лихудовъ, въ полной увѣренности, что ихъ мѣсто немедленно займетъ новый учитель, прислать котораго обѣщались и Хрисанеъ и Досиеей. Между тѣмъ время шло, а новый постоянно ожидаемый учитель для школы все не являлся. Встревоженный этимъ обстоятельствомъ, которое неминуемо должно было очень вредно отозваться на молодой московской школѣ, лишившейся такъ скоро своихъ опытныхъ ученыхъ преподавателей, Адрианъ не разъ обращается къ Хрисанеу и Досиеею съ напоминаніемъ, что бы они исполнили наконецъ данное ими обѣщаніе, прислать въ Москву учителя для школы, причемъ онъ даже

⁶⁰) Прил. № 21.

⁶¹) Idib. № 22.

указываетъ на лицо, которое-бы желалось имѣть въ Москвѣ: на врача и ритора Іоанна Комнина. Но ни Комнинъ, ни обѣщанный Досиеемъ іеромонахъ Діонисій, ни какой бы то ни было другой учитель въ Москву не являлись. Досиеей и Хрисанеомъ на всѣ просьбы Адриана о немедленной присылкѣ учителя отвѣчали ссылками на трудность времени, на страхъ передъ турками, убѣждали выждать болѣе благопріятнаго времени, когда учитель будетъ несомнѣнно присланъ, причемъ въ ихъ отвѣтахъ Адриану очень ясно проглядываетъ та мысль, что они близко къ сердцу принимаютъ не столько московскую школу собственно, сколько задуманное ими печатаніе въ Москвѣ греческихъ книгъ, почему они желали послать въ Москву не столько учителя для школы, сколько подходящаго справщика книгъ, который бы занялся въ Москвѣ прежде всего справою и печатаніемъ книгъ, а между дѣломъ и учительствомъ въ школѣ; но такого человѣка, какъ видно, прискать имъ было трудно.

Между тѣмъ устраненіе Лихудовъ отъ учительства необходимо должно было очень неблагопріятно отозваться на неокрѣпшей еще московской школѣ, а неприбытіе новаго учителя должно было вызвать затрудненія относительно дальнѣйшаго преподаванія въ школѣ. Согласно указаніямъ Хрисанеа преподаваніе въ ней временно было поручено двумъ ученикамъ Лихудовъ: Николаю Семенову и Θεодору Поликарпову, которые, согласно требованіямъ Досиеея, должны были преподавать въ школѣ только одинъ греческій языкъ, такъ какъ латинскій языкъ теперь окончательно изгонялся изъ академіи. Но Семеновъ и Поликарповъ не могли замѣнить собою въ школѣ Лихудовъ: они сами еще не успѣли изучить при Лихудахъ ни философіи, ни богословія и потому должны были ограничить свое преподаваніе грамматикою, шитикою и риторикою, вслѣдствіе чего кругъ наукъ въ академіи значительно сократился, что, съ изытіемъ изъ предметовъ преподаванія латинскаго языка, сразу сильно понизило уровень научнаго обученія въ школѣ. Кромѣ того ни Семеновъ, ни Поликарповъ вовсе не готовились къ педагогической дѣятельности и вовсе не обладали тою педагогическою опытностію, какая необходима была для руководителей только что устроен-

ной школой, они сами смотрѣли на свою учительскую дѣятельность какъ на временную, которая немедленно прекратится, лишь только въ Москву явится ожидаемый настоящій учитель. Но такъ какъ этотъ учитель все не являлся, то имъ по необходимости и пришлось учительствовать болѣе пяти лѣтъ (съ конца 1694 по 1699 годъ), пока наконецъ въ 1699 году они добровольно не оставили школу, поступивъ въ число типографскихъ справщиковъ. Тогда учительствомъ въ академіи въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимался Чудовскій монахъ Іовъ, ученикъ Лихудовъ, котораго въ томъ же году смѣнилъ возвратившійся изъ за границы монахъ Палладій Роговскій, ранѣе тоже учившійся у Лихудовъ. Роговскій нѣсколько лѣтъ пробылъ за границей, гдѣ учился въ латинскихъ іезуитскихъ школахъ и вовсе не зналъ греческаго языка. Утвержденіе ректоромъ академіи Роговскаго было открытымъ признаніемъ со стороны патриарха Адріана, что онъ окончательно потерялъ всякую надежду получить для московской школы учителя грека и что онъ, не желая окончательнаго закрытія школы, поручаетъ начальство и учительство въ ней человѣку, получившему специально латинское образованіе и вовсе незнающему греческаго языка. На такую рѣшимость Адріана могли повліять и симпатіи царя къ западному образованію, его стремленіе пересадить на Русь западную науку. Сохранилось извѣстіе, что когда, по смерти Адріана, управленіе патриархіей поручено было Стефану Яворскому, то ему царскимъ указомъ повелѣно было завести въ академіи „латинскія ученія“, въ исполненіе чего Яворскій призвалъ въ академію кіевскихъ ученыхъ, знавшихъ только одинъ латинскій языкъ, и московская школа съ этого времени окончательно сдѣлалась латинскою⁶²⁾.

Лихуды, прибывъ въ Москву, явились здѣсь горячими энергичными ревнителями греческаго строго православнаго направленія, авторитетными защитниками его отъ натиска латинствующихъ москвичей и кіевлянъ. Въ школѣ они давали рѣшительное преимущество греческому языку предъ латинскимъ, такъ что ихъ ученики были знатоками и привержен-

⁶²⁾ „Историческое извѣстіе о московской академіи“ Феодора Полшкар-ова. Древн. вивл. т. XVI, стр. 302.

цами греческаго языка, а не латинскаго, и останься Лихуды во главѣ московской школы, они воспитали бы, конечно, цѣлое поколѣніе русскихъ ученыхъ съ строго греческимъ направленіемъ, которое бы, прочно утвердившись въ московской церковной школѣ, сдѣлалось бы въ ней съ теченіемъ времени традиціоннымъ, всѣми признаваемымъ и обязательнымъ. Удаленіе же Лихудовъ изъ школы было рѣшительнымъ ударомъ для всѣхъ московскихъ сторонниковъ „греческаго ученія“ и вмѣстѣ прямымъ торжествомъ сторонниковъ „латинскаго ученія“, такъ какъ исполнѣ естественно было, что какъ скоро сторонники греческаго ученія сходили со сцены, ихъ мѣсто сей часъ же занимали сторонники латинскаго ученія. Въ виду этого Досиѳей, напавъ на Лихудовъ и добившись ихъ удаленія сначала изъ школы, а потомъ и изъ Москвы, сдѣлалъ очень крупную ошибку: этимъ онъ неосознательно содѣйствовалъ у насъ торжеству латинскаго и вообще западнаго направленія надъ греческимъ даже и въ специально церковныхъ школахъ, въ которыхъ всегда бы греческій языкъ долженъ былъ господствовать надъ латинскимъ. Конечно Досиѳей ошибку удаленія Лихудовъ изъ школы могъ бы отчасти поправить немедленною присылкою въ Москву новыхъ подходящихъ учителей грековъ, хотя уже самая смѣна учителей должна была невыгодно отразиться на преподаваніи въ школѣ, но, къ сожалѣнію, Досиѳей, не приславъ, не смотря на всѣ просьбы Адріана, новыхъ учителей и преподаваніе въ московской школѣ окончательно перешло въ руки сторонниковъ исключительно латинскаго ученія.

Такимъ образомъ Досиѳей, борившійся съ Лихудами между прочимъ и потому, что они обучаютъ въ московской школѣ латинскому языку, который, по его мнѣнію, никакъ не долженъ бы въ ней преподаваться, удаленіемъ Лихудовъ достигъ однако цѣли совершенно противоположной: изъ московской школы изгнанъ былъ греческій языкъ и все преподаваніе въ ней стали вести теперь исключительно на латинскомъ языкѣ. Досиѳей попытка было опять убѣждать русскихъ, что имъ слѣдуетъ изучать одинъ только греческій языкъ, а никакъ не латинскій. Въ 1702 году Досиѳей пишетъ дяку Полянскому, обратившемуся къ нему съ вопросомъ: слѣдуетъ или нѣтъ

учить дѣтей по гречески? „Сказавшему честиности вашей, чтобы не учили дѣтей вашихъ по еллински, а по латыни, скажи во первыхъ, что древле св. Писаніе Духъ Святыи на еллинскій языкъ преложилъ, а не на иный. Скажи второе, что языкъ сей предпочитаетъ и употребляетъ во свидѣтельство не только вся католическая Христова церковь, но и сами еретики, понуждаемые истиною. Скажи третіе, что святое Евангеліе и Дѣянія апостольскія и Посланія святыхъ апостоловъ еллински написаны. Скажи четвертое: на вселенскихъ соборахъ еллина собирались, а французовъ, бывшихъ два или три и не больше, еллински писали ихъ дѣянія и каноны. Скажи пятое: избранные изъ отцовъ были еллина. Скажи шестое: восточные отцы суть западныхъ учителя. Скажи седьмое: заповѣди и каноны святыхъ апостоловъ еллински написаны. Скажи осьмое: символъ апостольскій и символъ перваго вселенскаго собора и предѣлы прочихъ вселенскихъ соборовъ еллински написаны. Девятое: церковные историки древніе еллина были. Десятое: божественные обычаи, типы и утвержденія самодержцевъ о вѣрѣ и вселенскихъ соборовъ еллински написаны. Одинадцатое: самый языкъ латинскій половина есть языка греческаго. Итакъ несравненно предпочитается еллинскій языкъ латинскому, а кто предпочитаетъ латинскій, тотъ еретикъ и нечестивый, ради сказаннаго выше и еще: поелику на латинскомъ языкѣ написаны суть такіа ереси наипаче безбожства, по семъ и въ политическихъ и въ нынѣшнихъ т. е. грамматическихъ, геометрическихъ и астрономическихъ, еллина суть учителя латинъ, и какъ отъ церковныхъ латинъ отпали и удалились, такъ и вѣдѣніе раздрави и осквернили. Глаголющій честиности вашей учить дѣтей твоихъ по латыни, есть еретикъ и оболститель самаго себя, ибо не можетъ сотворить въ Московіи то, что намѣревается. Богу благоволящу, возбудятся стражи католическіа церкви Христовы, и всѣ тутъ сущіе почувствуютъ обоняніе смерти, скрытое въ обоняніи жизни, и попрутъ его ногами и сокрушатъ. Благочестивѣйшій царь, первый стражъ и защититель святыхъ вѣры и изящная глава католическіа вѣры, очиститъ гумно свое, преданное и ввѣренное божественности его отъ всевышняго Бога, и солему т. е. новоизобрѣтателей

и лицемѣровъ сожжетъ неугасаемымъ огнемъ, погубляя ихъ всячески, пшеницу же святыхъ вѣры сохранить, какъ пріялъ и необновляемую и непоколебимую“⁶³). Обращался Досиѣеи къ мѣстоблюстителю патриаршаго престола Стефану Яворскому, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ торжества въ московской школѣ латинскаго направленія надъ греческимъ. Отъ 15 ноября 1703 года Досиѣеи пишетъ Яворскому: „нынѣ въ царствующемъ и православнѣйшемъ градѣ обрѣтающуся тебѣ и въ церковныхъ пребывающу, въ конецъ еллинское училище стерлъ еси и токмо о латинскихъ старается, поставивъ учителей во иныхъ убо едва благоговѣйныхъ и честныхъ, обаче въ догматахъ строптивыхъ, якоже отъ тебя научившеся не мудрствовать право о мнозѣхъ“. Но всѣ эти запоздавшія попытки Досиѣея возстановить въ Московской школѣ господствующее значеніе греческаго языка потерпѣли рѣшительную неудачу, такъ какъ въ Москвѣ, съ удаленіемъ Лихудовъ, не кому было защищать и авторитетно отстаивать интересы греческаго направленія и языка, наоборотъ обстоятельства у насъ слагались такъ, что число сторонниковъ западнаго направленія все болѣе увеличивалось, такъ какъ самъ царь поставилъ своею задачею тѣснѣе сблизить Россію съ западомъ, пересадить оттуда на Русь науку и всякія знанія.

f). Заботы Досиѣея объ охранѣ русскихъ отъ зараженія латинствомъ и вообще западнымъ иновѣріемъ шли далѣе собственно церковной сферы и школы: онъ хотѣлъ, чтобы русскіе ни въ чемъ и ни подъ какимъ видомъ не сблизались съ еретическимъ зловернымъ западомъ, такъ какъ отъ этого сближенія ничего кромѣ зла не можетъ произойти для православной Россіи. Въ виду этого путешествіе государя Петра за границу сильно смутило Досиѣея и онъ слѣдующимъ образомъ передаетъ въ грамотѣ государя (1698 г.) то впечатлѣніе, какое произвело на православномъ востокѣ неожиданное путешествіе царя въ западныя государства: „вопреки всякаго чаянія, пишетъ онъ царю, услышали мы здѣсь о отшествіи вашемъ въ иностранное государство, а причины тому не вѣ-

⁶³) Греческіа дѣла 1702 г. № 1.

даемъ, вѣдаетъ одинъ только Богъ и святая душа ваша, въ которой дѣйствуетъ преестественно самъ Господь. Однако мы и весь соборъ церковный нашего народа съ его старѣйшинами приложили молитвы къ молитвамъ, частыя эктении, колѣнопреклоненія на божественныхъ литургіяхъ и прочее, чѣмъ благоугождается и умоляется Богъ, чтобы даровалъ вашему христіолюбивому державству благое, исполненное спасенія возвращеніе во свояси. Поганцы здѣшніе чаяли, что пришествіе вашей священной особы будетъ здѣсь въ Византіи для разузнанія о всякихъ дѣлахъ, а наипаче потому, что печетеса о художникахъ и иныхъ потребныхъ вещахъ, дабы устроить надлежащее приготовленіе, чтобы начать войну для избавленія грековъ. Англичане сказали намъ иное слово, сладостное не только для слуха, но и по самому дѣлу, т. е. что божественный самодержецъ сѣверныхъ странъ сказалъ королю аглицкому, что въ лѣто 1700-е будетъ пѣть молебень въ храмѣ Святой Софіи. Мы слышавъ сіе, и первенствующіе съ нами святители, не могли иное что учинить, какъ воздать славу имени Божію предъ Богомъ Отцомъ Господа нашего Иисуса Христа, да видимъ исполненіе такихъ рѣчей. Но между тѣмъ опять облакъ мрачный скрылъ солнце надежды нашей и сдѣлалъ дни наши днями темноты, скорби и печали, потому что пріѣхали сюда посланные изъ аглицкой и голандской земли, возвѣщая здѣшнему властительству, что римскій тиранъ чрезъ нѣкоторыхъ своихъ іезуитовъ писалъ здѣшнимъ папистамъ, что преславный царь великой Россіи поѣхалъ съ немногими людьми въ Англію, а оттуда будетъ и у него, а иные иначе говорили, а другіе и написали, возвѣщая какъ нѣкогда иноплеменники съ идолами своими противное на Израила, суемудрствуя и ожидая нѣчто отъ вашей покланяемой державы, ⁶⁴⁾ а верховныя всѣ власти восточный

⁶⁴⁾ Здѣсь Досіоевъ намекаетъ на распространившіеся тогда за границей слухи, которые особенно усердно разносили повсюду іезуиты, что будто бы Петръ рѣшился соединиться съ римскою церковію. Относительно этихъ слуховъ Теофанъ Прокоповичъ замѣчаетъ, что они съ 1700 г. распространены были іезуитами и другими католическими духовными въ разныхъ иностранныхъ странахъ, и „тѣмъ ложнымъ слухомъ, какъ греческимъ такъ и

церкви и мы сами, пребывая въ мулянской землѣ съ боголюбивымъ господаремъ Киръ Константиномъ воеводою, который во всемъ держится любви и страха Божія, относительно вашей божественной державы, мы были въ такой печали, что отъ созданія міра еще не видало солнце такихъ печальныхъ, съ рыданіями воздыхающихъ изъ глубины сердца. Но посѣтилъ насъ Господь и пріѣхалъ къ намъ въ Тарговищъ Родіанинъ, называющій себя вѣрнымъ рабомъ вашего святаго державства, который сказалъ намъ болѣе утѣшительныя вѣсти о вашемъ величествѣ и правдоподобныя причины, ради коихъ изволили путешествовать, и притомъ извѣстилъ о здравіи и спасеніи вашемъ. Посему утѣшились мы и христіолюбивый господарь, и чрезъ грамоты наши утѣшили иныхъ и умножили моленіе къ Богу о вашемъ величествѣ. ⁶⁵⁾ Еще болѣе смутила Досіоевъ вѣсть, что русскій царь отправляетъ своего сына въ Вѣну для науки. Досіоевъ смотрѣлъ на западные народы какъ на еретическіе и безбожныя и потому считалъ своею священной обязанностью писать царю, въ видахъ предостереженья его отъ посылки царевича за границу, такъ какъ, по его мнѣнію, всякое сближеніе съ иновѣрнымъ Западомъ можетъ имѣть очень гибельныя послѣдствія не только относительно царевича, но и всего православнаго русскаго царства. „Пришли сюда письма изъ Вѣны, писалъ онъ царю (въ 1702 г.), и похваляются тамъ, что пошлетъ богоспасаемое святое ваше царствіе высокороденнаго и порфиророденнаго сына своего, тишайшаго царевича, государя Алексѣя Петровича туда, образованія ради и ученія, и что кесарь сотворитъ крѣпкій союзъ со святымъ вашимъ царствіемъ. Посему говоримъ: внемли божественнѣйшій и величайшій владыка не посылать изъ Московіи пресвѣтлѣйшаго сына вашего, да не пойдетъ въ чужія мѣста и научится не образованію, но иностраннымъ нравамъ, ибо не ложный сказалъ апостолъ: портятъ благія нравы злая сообщества. Приспомятныя отцы и праотцы святаго вашего царствія и

русскимъ восточнаго исповѣданія людямъ, не малое чинили въ вѣрѣ сумнительство“. (Чистовича: Теофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 430).

⁶⁵⁾ Греческія дѣла 7206 г. № 31.

богоутвержденное ваше царствіе ни отъ какихъ франковъ не училися обычаю и наукамъ, а владѣли и владѣете едва не всею вселенною, будучи крѣпки, велики, страшны и непобѣдимы. А оныя франки, знающіе и образованные, что управили? только что ядятся и воюють между собою, и о семъ будемъ пространнѣе писать. Итакъ, богоутвержденный владыка, никакого соединенія никогда не твори съ франками, въ числѣ коихъ же и самый Леопольдъ, паповѣнчаный ложный кесарь, сколько разъ солгалъ великому вашему царствію: когда имѣеть нужду, притекаетъ къ великому вашему царствію и молить, и просить, и общаетъ много, а послѣ оставилъ тебя одного, не боясь Бога и не устыдившись людей. ⁶⁶⁾.

⁶⁶⁾ Греч. д. 1702 г. № 1. Слухи о все болѣе усиливающемся сближеніи Россіи съ Западомъ, объ усвоеніи русскими западной науки и обычаевъ, о намѣреніи царя, въ видахъ тѣснѣйшаго сближенія съ Западомъ, женить своего сына на иностранной принцессѣ, побудили и Константинопольскаго патріарха возвысить свой предостерегающій голосъ и указать царю на ту неминуемую и страшную опасность, какой подвергается православіе русскихъ отъ сближенія съ иновѣрнымъ Западомъ. 8 декабря 1705 года, вселенскій патріархъ Гавріилъ тайно прислалъ къ русскому Константинопольскому послу Толстому, одного грека, который отъ лица патріарха говорилъ послу: „слышно де ему патріарху учинилось, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, по смерти святѣйшаго Адріана патріарха и до днесь патріарха нѣтъ, а учиненъ де намѣстникомъ патріаршескимъ во управленіи церковныхъ дѣлъ нѣкто Рязанскій митрополитъ Стефанъ, который де мудрствуетъ кушно съ латыни и уже де нѣкоторые догматы утвердилъ согласно съ латинскимъ, о которыхъ де догматахъ и прежде сего во дни святѣйшаго Каллиника, патріарха Константинопольскаго, такжеде въ Москвѣ прозябло нѣчто противное, обаче тогда оныя противности были потреблены и благочестно было утверждено, а нынѣ сей Рязанскій митрополитъ оныя догматы пакы предложилъ согласно латинскимъ. Такжеде слышится, что нынѣ въ Москвѣ заведены школы латинскіе, и многіе де есть езуиты и по домамъ честныхъ и благородныхъ людей учать дѣтей ихъ, такжеде сообщились съ латыни и платьемъ и прочимъ. И то де онъ патріархъ знаетъ; что сіе изволяетъ чинить царское величество для лучшаго украшенія своего государства, чтобы провозносилася добрая политика между народамъ російскимъ, обаче де вельми остерегаться подобаетъ, чтобъ не повредилось благочестіе, понеже де езуиты ни о чемъ нѣмъ не помышляютъ, токмо чтобъ имъ расширить и множить свое схизматическое

Если Досиоей употреблялъ всѣ усилія предохранить Россію отъ возможныхъ вліяній на нея западнаго иновѣрія, то понятно, что по отношенію къ врагамъ православія, возникшимъ на чисто-русской почвѣ—раскольникамъ, стремившимся замутить православіе на Руси, порвать связи русской церкви съ вселенскою греческою, онъ долженъ былъ проявить особенную суровость. Въ грамотѣ государямъ въ 1686 году онъ пишетъ: „къ вашей похвалѣ служить изрядное житіе равноапостольнаго отца вашего, который еретиковъ разрушилъ, книги исправилъ, царство прославилъ, соборъ славный созвалъ и нужныя правила подалъ церкви. И вы, какъ достойные его лѣторосли, при началѣ вашего царствованія, разрушили еретиковъ безграмотныхъ и бездушныхъ и даже убили. И да не укорить меня кто либо, что радуюсь о убіеніи нечестивыхъ, ибо если церковь и воспретила царямъ убивать священниковъ, то не возбранила жестоко и сурово поступать по закону съ врагами Божиими... Не убійца Петръ

мудрованіе, и когда де во благородные мѣды сердца насѣютъ своего неправомудрствующаго сѣмени, тогда де уже которое благочестіе послѣдовать можетъ, а ему де, паріарху, видя такое дѣйствіе, отъ чего можетъ благочестію быть умаленіе, молчать немочно всеконечно де говорить и писать ему о томъ патріарху надлежитъ нужда. Обаче де не имѣя такого способу чрезъ кого писать, вельми онъ, патріархъ, оскорбляется, и замышлялъ де было и нарочно для оныхъ дѣлъ послать въ царствующій градъ архіереевъ двухъ или трехъ, обаче де и того учинить невозможно, понеже де турки вельми къ нему патріарху надзирають паче протчихъ, понеже о протчихъ патріархахъ не брегуть, кромѣ Константинопольскаго, и того де ради іерусалимскій патріархъ и пишетъ къ царскому величеству, еже имѣеть свободу, а ему де писать некоторыми дѣлами немочно. И того ради просить онъ, патріархъ, ево, посла, яко намѣстника царскаго величества, чтобъ сіе ево патріаршескіе слова всѣ написалъ къ царскому величеству подлинно. Къ тому же де и еще слухъ проносится, которому де онъ, патріархъ, и вѣрить не хочетъ: говорятъ де въ народѣ, будто царское величество изволяетъ сына своего сочетать законнаго брака на сестрѣцаря римскаго, и ежели де сіе учинить, конечное де латинское мудрованіе въ російскомъ государствѣ возрастетъ, а благочестіе умалится, и вельми де ему патріарху о томъ удивительно: чего ради царское величество въ государствѣ своемъ сыну своему не изволитъ избрать невѣсту, или де мало въ Москвѣ благородныхъ честныхъ дѣвицъ избранныхъ и благочестивыхъ, и какія де ради причины сопряцися крайнимъ свойствомъ со иновѣрными? (Дѣла турецкія. Статейный списокъ посла Толстаго за 1705 годъ, № 4, стр. 340).

апостоль, поразившій Ананію и Сапфиру... Царь Юстиніанъ законъ положилъ убивать возвращающагося къ идольскимъ жертвамъ. И хотя древніе не убивали ересеначальниковъ, дабы явно было преніе о вѣрѣ, нынѣ же сіе подобаетъ и праведно сотворила держава ваша, ибо и у Павла разгорался духъ, когда видѣлъ въ Аѳинахъ множество идоловъ⁶⁷⁾.

ГЛАВА IV.

Вмѣстѣ съ заботами о предохраненіи Руси отъ иновѣрныхъ вліяній, такъ или иначе могущихъ замутить въ ней чистоту православія, Досиѳеи заботился еще устранить изъ русской церковной жизни все, что ему казалось въ ней несогласнымъ съ нормами строго православной церковной жизни. Въ грамотѣ къ патриарху Адріану въ августѣ 1692 года Досиѳеи доказываетъ ему, что интересы православія требуютъ какъ въ малой такъ и въ великой Россіи увеличить число епископскихъ каѳедръ и образовать изъ округовъ, по примѣру греческой церкви, митрополии съ подчиненными епископами. Нужду этого, говоритъ Досиѳеи, подтверждаетъ ап. Павелъ— „пиша къ Титу хиротонисати по градамъ пресвитеры, рекше епископы, кійждо бо епископъ и пресвитеръ, но не всякъ пресвитеръ епископъ. Второе, яко и древніи святіи участиша управленія множествомъ епископовъ еретиковъ ради, и да правосѣчется слово истины, еже и Великій Василій, митрополитъ сый, сотвори въ епархіи своей, еже явно есть и сви-

дѣтельства не требуетъ. Третіе, яко приснопѣтїи самодержцы по времени и нуждѣ производиша епископіи на митрополии, и во многихъ градѣхъ не сущія прежде митрополии и епископіи расположиша и хиротонисаша по временемъ святѣйшіе патриарси. Тѣмъ же и въ сущихъ ту божественное, величайшее и православное самодержавство есть, и да будутъ епископи больше во всякомъ знаменитомъ градѣ, бывающу убо повелѣнію отъ божественнаго величества и соборному избранію“. Затѣмъ Досиѳеи старается устранить препятствія къ выполнению его предложенія. „Аще есть мысль нѣкихъ архіереевъ, пишеть онъ, яко аще поставятся и иніи епископи, умалятся нынѣшнихъ епископовъ приходы, глаголемъ, яко да сохраняются предѣлы, узаконенія и преданія святыхъ церкви восточныя, зане преступленіе аще и мало, но имѣеть великое мученіе, а еже имѣти архіереемъ великія приходы, необходимо есть. Второе, яко архіерее суть святыхъ апостоловъ преемници, якоже апостоли ничесого имѣша, и архіерее да имѣють мало. Третье, за церковь пролилъ есть Сынъ Божій кровь свою, и не есть праведно архіереемъ лишшеимства ради умаляти или стужати церкви Божіи, ея же ради Христосъ умре. Четвертое, не есть праведно взирати онсицы на прибытокъ, но на пользу и прибытокъ общій. Пятое, соборъ коеждо каѳолическія церкви не зреть, что глаголетъ онсица и что хочеть онсица и что годно онсицѣ, но что пользуетъ церковь и что годно Богу. Аще же кто любопрится, глаголемъ тому съ Павломъ: мы сицеваго обычая не имамы, ниже церковь Божія; и аще кто или нѣцые противолаголють, или преслушаютъ церковь, убо имѣеть тыя яко язычники и мытари, власть же наказуетъ, не бо суетно мечъ носить, но да добрыя снабдѣваетъ, тако противолаголющія извергаетъ и низлагаетъ“⁶⁸⁾. Объ умноженіи на Руси епископскихъ каѳедръ Досиѳеи настаивалъ чрезъ архимандрита Хрисанѳа и предъ государями. Въ царскомъ указѣ въ патриаршій Розрядъ отъ 2 апрѣля 1693 года говорится, что іерусалимскій патриархъ писалъ государямъ съ архимандритомъ Хрисанѳомъ: слышно де у нихъ во всей Палестинѣ у всѣхъ православныхъ, что въ Россіи чинятся

⁶⁷⁾ Греч. д. 7195 г. № 3. Досиѳеи разъ встрѣтился съ русскимъ раскольникомъ, говорилъ съ нимъ и вотъ какое впечатлѣніе онъ произвелъ на него: „писа къ намъ при васъ сущій нашъ архимандритъ, пишеть онъ въ грамотѣ къ патриарху Адріану въ 1693 году, о нѣкоемъ еретикѣ, хотящемъ ити во Іерусалимъ, и человекъ той обрѣтесе здѣ, обаче невѣгласъ и зѣло непотребенъ, и елика рече противъ нашего испытанія, вся безсловесно и неправедно рече и о ереси его по сихъ отпишемъ пространно“. (Непереплетенный сборникъ Моск. синод. библ. № IV л. 48).

⁶⁸⁾ Ibid. л. 44 об.—46.